

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

2017

Том 9

№ 3

Калининград
Издательство
Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта
2017

БАЛТИЙСКИЙ
РЕГИОН
2017
Том 9
№ 3

Редакционная коллегия

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2017.
151 с.

Журнал основан
в 2009 году

Периодичность:
4 номера в год
на русском
и английском языках

Учредители:
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта
Санкт-Петербургский
государственный
университет

Редакция

Адрес: 236000, Россия,
Калининград,
ул. Зоологическая, 2

Выпускающий редактор:
Кузнецова
Татьяна Юрьевна
tikuznetsova@kantiana.ru
Тел/факс.: +7 4012 31-33-50
www.journals.kantiana.ru

Точка зрения авторов
может не совпадать
с позицией
учредителей

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, проф., ректор БФУ им. И. Канта — главный редактор (Россия); *Г. М. Федоров*, д-р геогр. наук, проф., директор Института природопользования, территориального развития и градостроительства, БФУ им. И. Канта — зам. главного редактора (Россия); *Й. фон Браун*, директор Центра изучения развития, проф., Боннский университет (Германия); *И. М. Бусыгина*, д-р полит. наук, проф. кафедры сравнительной политологии, МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *В. В. Воронов*, д-р социол. наук, ведущий исследователь Института социальных исследований, Даугавпилсский университет (Латвия); *А. Г. Дружинин*, д-р геогр. наук, директор Северо-Кавказского научно-исследовательского института экономических и социальных проблем, ЮФУ (Россия); *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф. кафедры сравнительной политологии, МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *П. Йонниemi*, старший научный сотрудник, Карельский институт, Университет Восточной Финляндии (Финляндия); *Н. В. Каледин*, канд. геогр. наук, доц., зав. каф. региональной политики и политической географии, СПбГУ (Россия); *В. А. Колосов*, д-р геогр. наук, проф., зав. лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Россия); *Г. В. Кретинин*, д-р ист. наук, проф., Институт гуманитарных наук, БФУ им. И. Канта (Россия); *К. Ляхто*, проф., директор Пан-Европейского института высшей школы экономики, Университет г. Турку (Финляндия); *В. А. Мау*, д-р экон. наук, проф., ректор, РАНХиГС (Россия); *Н. М. Межевич*, д-р экон. наук, проф. кафедры европейских исследований факультета международных отношений, СПбГУ (Россия); *А. Ю. Мельвиль*, д-р филос. наук, проф., декан факультета социальных наук, НИУ — ВШЭ (Россия); *Т. Пальмовский*, д-р географии, проф., зав. кафедрой географии регионального развития, Гданьский университет (Польша); *А. А. Сергунин*, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры теории и истории международных отношений, СПбГУ (Россия); *Э. Спиряевас*, д-р географии, проф., директор Центра трансграничных исследований, Клайпедский университет (Литва); *А. Е. Шаститко*, д-р экон. наук, зав. кафедрой конкурентной и промышленной политики, МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия); *Д. Шиманска*, д-р географии, проф., зав. кафедрой урбанистики и регионального развития, Университет Николая Коперника в Торуне (Польша); *К. К. Худoley*, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой европейских исследований факультета международных отношений, СПбГУ (Россия).

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

BALTIJSKIJ REGION

2017

Volume 9

№ 3

Kaliningrad
Immanuel Kant Baltic Federal University Press
2017

BALTIJSKIJ
REGION
2017
Volume 9
№ 3

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2017.
151 p.

The journal
was established in 2009

Frequency:
4 issues
in the Russian and English
languages per year

Founders
Immanuel Kant Baltic
Federal University

Saint Petersburg
State University

Editorial Office
Address:
2, Zoologicheskaya str.,
Kaliningrad, Russia 236000

Executive secretary:
Tatyana Kuznetsova,
tikuznetsova@kantiana.ru
Tel/Fax.: +7 4012 31-33-50
www.journals.kantiana.ru

The opinions expressed
in the articles are private
opinions of the authors
and do not necessarily
reflect the views
of the founders
of the journal

© I. Kant Baltic Federal
University, 2017

Editorial council

Prof. *Andrei P. Klemeshev*, rector of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Editor in Chief); Prof. *Gennady M. Fedorov*, director of the Institute of Environmental Management, Territorial Development and Urban Construction, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Deputy Chief Editor); Prof. Dr *Joachim von Braun*, director of the Center for Development Research (ZEF), Professor, University of Bonn, Germany; Prof. *Irina M. Bussygina*, Department of Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Prof. *Aleksander G. Druzhinin*, director of the North Caucasian Research Institute of Economic and Social Problems, Southern Federal University, Russia; Prof. *Mikhail V. Ilyin*, Prof. of the Department of Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Dr *Pertti Joenniemi*, senior researcher, Karelian Institute, University of Eastern Finland, Finland; Dr *Nikolai V. Kaledin*, head of the Department of Regional Policy & Political Geography, Saint Petersburg State University, Russia (co-chair); Prof. *Konstantin K. Khudolei*, head of the Department of European Studies, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia; Dr *Kari Liuhto*, director of the Pan-European Institute, Turku, Finland; Prof. *Vladimir A. Kolosov*, head of the Laboratory for Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences; Prof. *Gennady V. Kreinin*, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof. *Vladimir A. Mau*, rector, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia; Prof. *Andrei Yu. Melville*, dean of the Faculty of Social Sciences, National Research University — Higher School of Economics, Russia; Prof. *Nikolai M. Mezhevich*, Department of European Studies, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. *Tadeusz Palmowski*, head of the Department of Regional Development, University of Gdansk, Poland; Prof. *Andrei E. Shastitko*, head of the Department of Competitive and Industrial Policy, Moscow State University, Russia; Prof. *Aleksander A. Sergunin*, Department of History and Theory of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. *Eduardas Spirajevus*, head of the Centre of Transborder Studies, Klaipeda University (Lithuania); Prof. *Daniela Szymańska*, head of the Department of Urban Studies and Regional Development, Nicolaus Copernicus University in Torun, Poland; Dr *Viktor V. Voronov*, Leading Research Fellow, Institute of Social Studies, Daugavpils University, Latvia.

СОДЕРЖАНИЕ

Экономика

Григорян А. А., Бородавкина Н. Ю. Страны Прибалтики на пути к экономике замкнутого цикла 7

Аксенова-Сорохтей Ю. Н., Барановская Е. А., Риеккинен М. Развитие государственно-частного партнерства как способ минимизации инвестиционных рисков в Калининградской области..... 23

Общество

Гладкий Ю. Н., Гладкий И. Ю., Эйдемиллер К. Ю. Исламская «диффузия» в странах Балтийского региона: плоды европейского мультикультурализма 43

Гуменюк И. С. Индекс развития человеческого потенциала как инструмент оценки уровня социального развития стран Балтийского региона 63

Казьмерчик Е., Желиховская Э. Эмпирический подход к восприятию сотрудниками польских банков систем повышения мотивации персонала 82

Балабейкина О. А., Мартынов В. Л. Конфессиональное пространство современной Швеции: христианские деноминации 113

Пространство

Кулибанова В. В., Тэор Т. Р. Выявление важнейших групп стейкхолдеров для целей реализации политики территориального брендинга в Санкт-Петербурге 128

CONTENTS

Economics

Grigoryan A.A., Borodavkina N.U. The Baltics on Their Way towards a Circular Economy 7

Aksenova-Sorokhtei Yu., Baranovskaya E.A., Riekkinen M. Minimising Investment Risks Through Optimising Public-Private Partnership: The Case of the Kaliningrad Region 23

Society

Gladkiy Yu. N., Gladkiy I. Yu., Eidemiller K. Yu. Islamic Diffusion in the Baltics: The Fruit of European Multiculturalism..... 43

Gumenyuk I.S. Human Development Index as a Tool to Assess Social Development in the Baltic States 63

Kaźmierczyk J., Żelichowska E. Satisfaction of Polish Bank Employees with Incentive Systems: An Empirical Approach 82

Balabeykina O.A., Martynov V.L. The Denominational Space of Modern Sweden: Christianity..... 113

Territory

Kulibanova V.V., Teor T.R. Identifying Key Stakeholder Groups for Implementing a Place Branding Policy in Saint Petersburg..... 128

СТРАНЫ ПРИБАЛТИКИ НА ПУТИ К ЭКОНОМИКЕ ЗАМКНУТОГО ЦИКЛА

А. А. Григорян¹

Н. Ю. Бородавкина¹

Экономика замкнутого цикла становится предметом широкого круга исследований не только в европейских государствах, но и во всем мире. Эксперты рассматривают ее в качестве потенциальной стратегии развития общества, которая сможет повысить благосостояние, ослабляя при этом зависимость государств от сырья и энергии. Многие предприниматели видят в циклической экономике путь к активизации экономического роста и увеличению прибыли. Правительства многих стран активно участвуют в обсуждении вопросов привлекательности перехода к экономике замкнутого цикла, ее влияния на количество рабочих мест, экономический рост и окружающую среду.

Цель настоящей работы — изучить основные задачи экономики замкнутого цикла, проследить ее основные выгоды, а также проанализировать уровень трансформации экономики стран Прибалтики в циклическую. На данный момент страны Прибалтики недостаточно активно используют возможности циклической экономики. Например, показатели Латвии, Литвы и Эстонии по переработке мусора значительно уступают другим европейским государствам. Преимущественно это связано с тем, что данные государства во многом зависят от европейских фондов софинансирования. Увеличение финансирования будет способствовать внедрению технологий экономики замкнутого цикла.

Ключевые слова: экономика замкнутого цикла, переработка мусора, сырье, стратегия национального развития, устойчивое развитие

Введение

Большинство экспертов считают, что экономика замкнутого цикла (или экономика замкнутого круга, цикличе-

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канга, 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 18.04.2017 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2017-3-1

© Григорян А. А., Бородавкина Н. Ю., 2017

ская экономика, циркулярная экономика) — это способ обрести гармонию между окружающей средой и экономикой. Уже многие годы природа и экономика находятся в состоянии конфликта, более того, невозможно отдать приоритет одной из сторон этого конфликта без ущерба для другой.

С одной стороны, если основная цель заключается в росте экономики за счет стимулирования потребления и производства большего количества продуктов, фактически осуществляются затраты драгоценных невозобновляемых ресурсов и создается значительное количество отходов. С другой стороны, если возникает стремление сохранить окружающую среду посредством прекращения использования ископаемых топливных ресурсов, возникает риск подвергнуть серьезному испытанию ряд стран, которые в значительной степени зависят от этих видов топлива, и, скорее всего, подобный шаг оставит миллионы людей без работы и средств к существованию. Дело в том, что одновременно заниматься активным развитием окружающей среды и экономики не так просто, именно поэтому необходим поиск компромиссов. Однако появилась новая модель, которая ставит под сомнение мировоззрение, противопоставляющее экономику окружающей среде. Модель циклической экономики обещает, что экономический рост может осуществляться в интересах окружающей среды, а не за ее счет [17].

Итак, в первую очередь необходимо определить, что представляет собой *экономика замкнутого цикла*. Циклическая экономика — это модель экономики, которая функционирует скорее как природная экосистема с некоторыми изменениями [8]. Сравнение экономической модели с экосистемой возможно потому, что как в экосистеме не существует отходов, так и в экономике замкнутого цикла отходов не существует, а все материалы могут быть вновь использованы.

Стоит отметить, что данная идея появилась несколько десятков лет назад. Еще в 1960-е годы экономист Кеннет Боулдинг писал об «идеальной экономике» [6]. Он утверждал, что надо управлять имеющимися ресурсами так, будто мы находимся в космическом корабле: нет возможности надеяться на получение свежих продуктов, а также негде хранить отходы и мусор. На самом деле, экономика замкнутого цикла является соединением нескольких концепций, среди которых: промышленная экология, Cradle to Cradle (рус. «от колыбели до колыбели»), «Синяя экономика», «биомиметики» и др. [13].

Среди основных характеристик, отличающих данную концепцию от других эколого-экономических теорий, можно выделить практикоориентированность, изменяемость, масштабируемость и использование подхода «снизу вверх» [1]. Еще в 1970-е годы многие ученые, идейные лидеры, а также некоторые компании начали выступать в поддержку экономики замкнутого цикла, но до недавнего времени эта модель оставалась лишь идеей. На сегодняшний день активными сторонниками циклической экономики выступают международная консалтинговая

компания McKinsey & Co. и Всемирный экономический форум (ВЭФ), а международные компании Unilever, Cisco Systems и Philips реализуют принципы циклической экономики [25]. Согласно идеям Фонда Эллен Макауртур, который был основан в 2010 году с целью ускорить переход к экономике замкнутого цикла, *ключевыми принципами концепции циклической экономики являются следующие* [12]:

- 1) полное исключение отходов;
- 2) понимание того, что все в экономике имеет значение;
- 3) различие расходных материалов и долговечных компонентов: биологические материалы должны вернуться в биосферу, а технологические материалы — оставаться в эксплуатации как можно дольше;
- 4) нахождение способов повторного использования материалов;
- 5) ликвидация токсичных химических веществ, чтобы использовать остальные компоненты без риска загрязнения;
- 6) использование топливных систем с возобновляемыми источниками энергии;
- 7) построение устойчивости через разнообразие;
- 8) корректировка ценовой политики (стоимость товара должна полностью отражать усилия, необходимые для его производства);
- 9) создание конструкций, учитывающих возможность последующих разборки и повторного использования, а также требующих минимальных изменений для повторного использования некоторых деталей продукта;
- 10) системное принятие решений с учетом того, как одно действие окажет влияние на другое.

1. Сравнительный анализ линейной экономики и экономики замкнутого цикла

В современной линейной системе производители, как правило, получают природные ресурсы, чтобы произвести товар, который в ближайшее время окажется мусором (другими словами, *take-make-dispose*, или «бери-производи-выбрасывай»). Нерациональность использования ресурсов в данном случае отрицательно влияет не только на окружающую среду, но и на самих производителей [7]. Компании подвергаются риску из-за постоянно растущих трат на ресурсы и срывов производственных поставок, более того, некоторые предприятия не могут вернуть средства, вложенные на материалы и изготовление товара. По данным компании McKinsey & Co., каждый год около 80% из 3,2 трлн долларов, затраченных на материалы для потребительских товаров, не возвращаются. Экономика замкнутого цикла, наоборот, стремится восстановить капитал, будь он финансовым, человеческим, социальным, природным или производственным. Согласно этой модели производство товаров должно работать как система в природе, где «отходы» становятся пищей и источником роста для чего-то нового (рис. 1) [26].

Рис. 1. Различие концепций линейной экономики и экономики замкнутого цикла

Источник: [33].

Циклическая экономика предполагает материальные потоки двух видов: биологические, где циркулируют биологические материалы, которые могут быть беспрепятственно возвращены в биосферу, и технические, где, соответственно, обращаются технические материалы, обладающие свойством оставаться в эксплуатации без влияния на биосферу, предполагая повторное использование и переработку [9].

Например, компания Nike запускает программу, по условиям которой старые ботинки становятся сырьем для беговых дорожек. Главная цель замкнутого цикла состоит в продуктах, приносящих больше пользы, которые от создания до утилизации являются целостными и могут быть восстановлены в производственной системе [4].

Немецкий химик Майкл Браунгарт и американский архитектор Ульям Макдонаф написали книгу *Cradle to Cradle®: Remaking the Way We Make Things*, с помощью которой популяризировали концепцию «от колыбели до колыбели». В этой работе М. Браунгарт и У. Макдонаф исследуют процесс перехода предприятий на работу по модели «от колыбели до колыбели», иначе говоря, на циклическую экономику. Такие бренды, как Puma и Aveda, сертифицировали свою продукцию как Cradle to Cradle [6].

Следовательно, мы можем сделать вывод, что линейная экономика работает по принципу «бери-производи-выбрасывай», когда технические и биологические вещества смешаны, а энергия берется из ограниченных ресурсов. Циклическая экономика, в свою очередь, работает по принципу разделения веществ на технические и биологические, а энергия берется из возобновляемых источников.

2. Преимущества экономики замкнутого цикла в условиях глобализации

В циклической экономике производители получают больший доход от каждой единицы товара. Так как продукты разработаны с целью максимизации повторного использования, первоначальные ресурсы для их производства обладают большей ценностью (труд, материалы, капитал). По мнению генерального директора Фонда Эллен Макартур, Джейми Баттерворта, «циклическая экономика является средством, которое позволит предприятиям отделить будущий экономический рост от нехватки ресурсов». Основной стимул для перехода к экономике замкнутого цикла — постоянно растущие цены на энергетические товары и ресурсы [22].

Сторонники экономики замкнутого цикла также утверждают, что переход к данному типу экономики значительно снизит затраты предприятий и поможет в создании рабочих мест. По данным Фонда Эллен Макартур, переход к циклической экономике только в секторе потребительских товаров поможет сэкономить до 7000 млрд долларов в год [14]. В совместном докладе Всемирного экономического форума и Фонда Эллен Макартур отмечается, что переход к циклической экономике обеспечит 1 трлн долларов экономии в год для мировой экономики уже к 2025 году. Исследования Фонда Эллен Макартур прогнозируют, что в течение пяти лет после перехода к циклической экономике по всему миру появится более 100 тыс. дополнительных рабочих мест, в том числе в связи с ростом деятельности в сферах утилизации отходов и повторном производстве [27].

Сторонники данного типа экономики также предполагают рост уровня эффективности экономики городов, построенных для производства в системе линейной экономики (например, Детройт). Уже сейчас некоторые региональные правительства в Шотландии, Дании и Бельгии подключаются к созданию рабочих мест в сфере переработки продуктов [34].

Концепция замкнутого цикла появилась более 30 лет назад, но именно сейчас она получила широкое распространение. Среди предприятий такая популяризация имеет как практические аспекты (истощение основных природных ресурсов, рост цен на сырьевые товары), так и технологические предпосылки (новые инструменты, с помощью которых легче внедрять круговые принципы). А с экономической точки зрения цикличность производства обеспечивает рост рентабельности, что связано в первую очередь с экономией на стоимости сырьевых ресурсов и стоимости управления отходами [2]. Сегодня все большее количество государств поддерживают идею перехода, а люди осваивают новые способы потребления. Ниже представлены основные причины такого активного развития циклической экономики [31].

1. *Нехватка ресурсов.* По оценкам компании McKinsey & Co., к 2030 году средний класс увеличится на 3 млрд человек (самый большой

скачок за всю историю). Эти потребители только увеличат использование конечных запасов энергии, материалов, продуктов питания и воды. Так как спрос на ресурсы растет в геометрической прогрессии, эксперты начинают предупреждать об их приближающейся нехватке. Запасы ключевых элементов, таких как золото, серебро, индий, иридий и вольфрам, могут быть исчерпаны в течение ближайших 50 лет. Вполне вероятно, что после этого в мире начнется нехватка пахотных площадей по мере роста спроса на хлопок и продовольственные культуры [3].

2. *Стремительно растущие затраты сырья и энергии.* Многие предприятия пострадали от массового роста цен на сырьевые материалы. Так, в период с 2002—2010 годов цены увеличились на 150%. Более того, спрос на энергию продолжает расти, особенно среди новых индустриальных стран. Согласно данным доклада Министерства энергетики США, мировое потребление энергии, как ожидается, увеличится на 56% в период между 2010 и 2040 годами [5].

3. *Более совершенные технологии.* Благодаря формирующимся «Интернету вещей» и инструментам больших технологий, производителям становится гораздо проще увидеть справедливую стоимость, которая ранее не была заметна в системе поставок. С помощью RFID-чипов и GPS, например, компании могут легко отслеживать детали товаров и их жизненный цикл, а также понимать, где эти детали находятся и из чего они произведены. Это значительно упрощает процессы утилизации, повторного использования и реконструкции товаров. Так, корпорация General Motors использует систему, которая в электронном виде отслеживает производство побочных продуктов для извлечения большего дохода при их переработке [24].

4. *Урбанизация.* По оценке Всемирной организации здравоохранения, в настоящее время около половины населения мира живет в городах, и этот показатель увеличится до 60% к 2030 году [11]. Большая плотность населения также благоприятно влияет на переход к экономике замкнутого цикла. В городских районах могут быть размещены экономически эффективные системы для сбора продуктов, готовых к переработке [29].

5. *Правительственное давление.* Многие правительства и регулирующие органы берутся за подготовку законодательства, способствующего переходу к экономике замкнутого цикла. Европейский союз и Япония входят в число тех стран, которые уже ввели строгие законы, касающиеся утилизации и регулирования переработки отходов. Стоит отметить, что некоторые государства особенно выделяют борьбу с пищевыми отходами. Например, в США, в штате Массачусетс, предприятиям, производящим более 1 т пищевых отходов в неделю, запрещено отправлять эти остатки на мусорные свалки [30].

6. *Новые потребительские понятия ценности и материализма.* Глобальный экономический спад оказал сильное влияние на людей, действовавших по принципу «трачу сейчас, думаю потом». Сегодняшний покупатель более внимательно относится к тому, что приобретает и потребляет, старается найти более качественные товары, долгосрочные в

использовании. Более того, люди постепенно становятся сознательнее в вопросе того, как то, что они потребляют, влияет на окружающую среду и общество. Они стараются найти способы покупать качественные продукты и не наносить ущерб природе [20].

3. Переход стран Прибалтики к экономике замкнутого цикла

Европейская комиссия 2 декабря 2015 года утвердила новый пакет законов по циклической экономике, включающий в себя пересмотренные законодательные инициативы в отношении отходов. Именно эти предложения должны ускорить переход Европейского союза к циклической экономике, которая повысит конкурентоспособность Европы на мировом рынке, будет способствовать устойчивому экономическому развитию и созданию новых рабочих мест. Пакет мер по переходу к экономике замкнутого цикла состоит из плана действий ЕС, охватывающих весь цикл: от производства и потребления до утилизации отходов и использования вторичного сырья [5]. Предложенные меры должны принести пользу окружающей среде и экономике.

Более того, в пакете установлены четкие цели по сокращению отходов и их переработке [10]:

- 1) утилизация 65 % бытовых отходов к 2030 году;
- 2) утилизация 75 % упаковочных отходов к 2030 году;
- 3) снижение количества мусорных свалок до максимум 10% от бытовых отходов к 2030 году;
- 4) продвижение экономических инструментов в целях противодействия образованию свалок;
- 5) упрощение процедур определения и согласование методов расчета ставок переработки на всей территории ЕС;
- 6) внедрение конкретных мер по содействию повторному использованию и стимулированию промышленного симбиоза, то есть превращение побочного продукта одной отрасли в сырье для другой;
- 7) экономическое стимулирование производителей к поставке экологических продуктов на рынок и поддержка схем переработки (например, для упаковки, батарей, электрического и электронного оборудования, транспортных средств).

Пакет по развитию циклической экономики ЕС был представлен первым вице-президентом Европейской комиссии Франсом Тиммермансом (Frans Timmermans), ответственным за устойчивое развитие, а также вице-президентом Европейской комиссии Джирки Катайнен (Jyrki Katainen), ответственным за рабочие места, экономический рост, инвестиции и конкурентоспособность. Франс Тиммерманс заявил, что «в первую очередь циклическая экономика — это снижение количества отходов и защита окружающей среды, однако это еще и глубокая трансформация процесса работы всей экономики» [11]. По мнению Джирки Катайнена, потенциал создания новых рабочих мест посредством перехода на циклическую экономику огромен, кроме того, спрос на более качественные услуги и товары находится на подъеме [19].

Этот пакет Европейской комиссии активно обсуждался в странах Прибалтики. Латвия, Литва и Эстония подтвердили необходимость работать в направлении перехода к экономике замкнутого цикла.

Показатели, оценивающие переход к экономике замкнутого цикла, стран Прибалтики значительно ниже средних показателей других стран Европейского союза. Так, согласно последним данным статистического офиса ЕС, опубликованным в марте 2016 года Евростатом, в 2014 году в Литве был переработан лишь 21% от всех бытовых отходов, в то время как показатели Латвии и Эстонии по количеству переработанных отходов еще ниже: 14% — в Эстонии и 11% — в Латвии [23]. Речь идет об отходах, которые собираются муниципалитетами, то есть тех, что произведены домашними хозяйствами, малым бизнесом и государственными учреждениями.

Показатели переработки мусора в странах Прибалтики значительно ниже остальных европейских показателей. Словения, например, перерабатывает 55% бытовых отходов, Германия — 47%, Бельгия и Ирландия — по 34% [21]. Под переработкой в данном случае понимается любая операция по восстановлению, в ходе которой происходит переработка продуктов, материалов или веществ для использования в исходных или иных целях, за исключением использования в качестве топлива.

Что касается статистики по наличию мусорных свалок, в странах Прибалтики этот показатель также уступает среднему показателю по ЕС. Так, если говорить о странах, которые продолжают бороться с муниципальным мусором с помощью надземных или подземных «свалок», среди стран ЕС лидируют Румыния (97%), Мальта (88%), Хорватия (85%), Латвия (83%) и Греция (81%). Стоит отметить, что в это же время в Германии полностью отсутствуют подобные мусорные захоронения. В Литве 64% всех бытовых отходов находятся на свалке. Лучший показатель среди стран Прибалтики у Эстонии, где лишь 16% мусора остаются на свалках, а 64% всех бытовых отходов ежегодно сжигается. Литва сжигает лишь 7% бытовых отходов, а Латвия не сжигает мусор вовсе [3]. Франс Тиммерманс заявил, что Европейская комиссия поддерживает именно переработку, а не сжигание отходов, но в случае, если некоторые отходы не могут быть подвергнуты переработке, сжигание мусора лучше, чем его захоронение [9].

3.1. Латвия

В Латвии ответственность за политику, связанную с экономикой замкнутого цикла, распределена между несколькими органами государственного управления, в первую очередь это Министерство экономики, Министерство образования и науки и Министерство охраны окружающей среды. Следовательно, меры, имеющие значение для развития экоиндустрии, не являются систематизированными. Более того, большинство проводимых исследований, связанных с политикой окружающей среды и цикличной экономикой, финансируются только из структурных фондов ЕС.

Основные государственные документы по планированию национальной политики признают высокую важность экосистемных услуг и перехода к зеленой экономике. В Стратегии устойчивого развития Латвии до 2030 года одно из приоритетных направлений — «природа как будущая столица». Кроме того, национальный план развития Латвии в 2014—2020 годы интегрирует проблемы устойчивого развития страны в приоритетные направления (экономический рост, энергоэффективность и производство энергии, ориентированное на рост, территориальное развитие, устойчивое управление природным и культурным капиталом) [3]. Тем не менее на сегодняшний день в Латвии отсутствуют механизмы для решения этих проблем.

Целенаправленные государственные стратегии и планы по распространению и использованию принципов экономики замкнутого цикла находятся в Латвии лишь на ранних стадиях развития. Декларация нового правительства Латвии, принятая в феврале 2016 года, выделяет следующие приоритетные направления [18]:

- 1) дальнейшее развитие комплексной и экономически выгодной системы управления отходами, чтобы в полной мере использовать возможности циклической экономики;
- 2) реализация плана использования альтернативных видов топлива, обеспечение мобильности транспортных средств, использующих альтернативные источники энергии на всей территории Латвии;
- 3) разработка стратегии биоэкономики и вспомогательных механизмов для налаживания взаимодействия между традиционными отраслями, такими как сельское и лесное хозяйство, фармацевтика, строительство, энергетика и ИКТ.

3.2. Литва

В Литве правовые документы для стимулирования и внедрения принципов экономики замкнутого цикла находятся на ранних стадиях развития. По состоянию на 2016 год Министерство охраны окружающей среды Литовской Республики активно высказывается в поддержку мер из пакета ЕС по переходу к циклической экономике, но правительство Литвы предпринимает только первые шаги в этом направлении [9]. Так, в 2015 году Литва утвердила стратегию по развитию страны. Среди основных направлений развития есть и переход к экономике замкнутого цикла, предусматривающий на ранних этапах использование альтернативных видов топлива для повышения энергоэффективности, смену тактики по утилизации и переработке отходов, а также рационализацию различных производственных циклов [15].

Стоит также отметить следующие документы, которые оказали влияние на переход Литовской Республики к экономике замкнутого цикла:

- Литовский закон по управлению отходами (1998) — основной закон, регулирующий работу с отходами, в том числе переработку мусора;
- Литовский закон по управлению пакетами (2001), в котором содержится информация о том, как правильно утилизировать пакеты, а также обязанности производителей и учреждений по их переработке;

— Национальный план по управлению отходами 2014—2020 (2014), в котором подчеркивается необходимость двигаться в направлении эффективной утилизации отходов.

Таким образом, литовское правительство стремится поощрять инновации, увеличивать использование возобновляемых ресурсов, контролировать загрязнение окружающей среды, регулировать обращение с отходами и решать другие экономические и экологические проблемы. Кроме того, планы и стратегии литовского правительства согласованы с политикой Европейского союза и соответствующими правилами и нормативными актами Европейской комиссии.

3.3. Эстония

Национальный план управления отходами Эстонии 2014—2020, который был принят Министерством охраны окружающей среды в 2013 году, демонстрирует постепенное развитие в стране экономики замкнутого цикла и подчеркивает соблюдение принципа иерархии отходов. Разработанный министерством план поддерживает повторное использование и переработку мусора. Повторное использование отходов или их использование до максимального уровня — одна из трех стратегических целей, изложенных в плане. Основные направления деятельности включают в себя оптимизацию пунктов сбора отходов, содействие компаниям, повторно использующим отходы, а также повышение осведомленности о повторном использовании отходов [28].

Необходимо отметить, что примерно 80% отходов в Эстонии — это остатки от добычи сланца, в связи с этим огромное значение имеют инициативы по совершенствованию эффективности в сфере управления отходами.

План эстонского Министерства охраны окружающей среды по развитию добычи нефтяного сланца на период с 2016 по 2030 год является стратегическим долгосрочным планом, который предусматривает методы для более эффективной добычи нефтяного сланца и снижения негативного воздействия на окружающую среду. Более того, в плане уточняется, что существуют способы повторного использования отходов от добычи сланца, однако необходимо их детальное изучение [12].

Более того, в 2014 году эстонское правительство согласовало эстонскую политику в отношении Евросоюза на 2014—2019 годы. Она полностью соответствует принятому в 2015 году Европейской комиссией плану по переходу на экономику замкнутого цикла. Политика также подчеркивает важность появления новых инициатив в области повышения эффективности использования ресурсов. Кроме того, циклическая экономика была основной темой проходившей в Эстонии в 2016 году конференции Ассоциации по обращению с отходами [6]. В то же время в стране до сих пор не существует каких-либо конкретных политических инициатив по данному вопросу.

Заключение

Хотя идея циклической экономики не является абсолютно новой, ее возросшая популярность в последнее десятилетие объясняется ростом цен на сырьевые товары, надвигающейся нехваткой многих природных ресурсов, наряду с поддержкой государств, развитием технических средств и изменениями в отношении потребителей к окружающей среде [16].

Правительства Латвии, Литвы и Эстонии активно поддерживают экономику замкнутого цикла, что находит отражение в государственных экономических стратегиях. Несмотря на то что полный переход к циклической экономике — сложный процесс, многие предприятия стран Прибалтики, относящиеся к разным отраслям, уже предпринимают первые шаги в области практической имплементации принципов экономики замкнутого цикла путем переосмысления различных элементов производства и сбыта. К их числу можно отнести использование схем лизинга, а не продажи товаров длительного использования, изменение и поиски способов продления жизни товаров и ее элементов, работу с отходами.

Экономика замкнутого цикла представляет собой существенно иной способ ведения бизнеса, заставляет компании пересмотреть все, начиная от того, как они разрабатывают и производят продукцию, до своего отношения к клиентам. В конечном счете эта модель является лучшим способом как роста конкурентоспособности отдельных предприятий, так и развития общества в целом.

Список литературы

1. Авраменко А. А., Горбачев-Фадеев М. А. Циклическая экономика // Устойчивое развитие и «зеленая» экономика. 2015. № 71. С. 23—34.
2. Маушкова Б. С. Основные принципы циклической экономики (экономика замкнутого цикла) // European Science. 2016. № 7(17). С. 14—16.
3. Allwood J. M. Squaring the Circular Economy: The Role of Recycling Within a Hierarchy of Material Management Strategies. Waltham, 2014.
4. Arthur W. B. The Second Economy, McKinsey Quarterly. URL: www.mckinseyquarterly.com/The_second_economy_2853 (дата обращения: 22.12.2016).
5. Bradford J., Fraser E. Local Authorities, Climate Change and Small and Medium Enterprises: Identifying Effective Policy Instruments to Reduce Energy Use and Carbon Emissions, Corporate Social Responsibility and Environmental Management. 2007. № 15. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/csr.151/abstract> (дата обращения: 19.12.2016).
6. Davis C., Arthurs D. What Indicators for Science, Technology and Innovation Policies in the 21st Century, Ottawa. 2006. URL: www.oecd.org/dataoecd/22/18/37443546.pdf (дата обращения: 19.12.2016).
7. Dobbs R., Oppenheim J., Thompson F., Brinkman M., Zornes M. Resource Revolution: Meeting the World's Energy, Materials, Food, and Water Needs', McKinsey Global Institute. 2011. URL: www.mckinseyquarterly.com/Energy_Resources_Materials/Environment/A_new_era_for_commodities_2887 (дата обращения: 21.12.2016).

8. *Ellen MacArthur* Foundation and McKinsey & Company. Towards the Circular Economy: Accelerating the scale-up across global supply chains. Geneva, 2014.
9. *Ellen MacArthur* Foundation and WRAP. Wales and the Circular Economy. Favourable System Conditions and Economic Opportunities. Cowes, 2013.
10. *Ellen MacArthur* Foundation. Towards the Circular Economy. Economic and business rationale for an accelerated transition. Cowes, 2012.
11. *Ellen MacArthur* Foundation. Towards the Circular Economy. Opportunities for the consumer goods sector. Cowes, 2013.
12. *Environmental* Services Association (ESA). Going for growth, a practical route to circular economy. 2013. URL: http://www.esauk.org/esa_reports/Circular_Economy_Report_FINAL_High_Res_For_Release.pdf (дата обращения: 19.12.2016).
13. *WRAP*. Increasing SME Recycling (WRAP Project EVA130). 2011. URL: http://www.wrap.org.uk/sites/files/wrap/SME_Recycling_-_Summary_Report.pdf (дата обращения: 19.12.2016).
14. *European* Commission. Communication from the Commission, Social Business Initiative, Creating a favourable climate for social enterprises, key stakeholders in the social economy and innovation. Brussels, 2011. URL: http://ec.europa.eu/internal_market/social_business/docs/COM2011_682_en.pdf (дата обращения: 19.12.2016).
15. *European* Commission. Flash Eurobarometer 381 — SMEs, Resource Efficiency and Green Markets. 2013. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/flash/fl_381_sum_en.pdf (дата обращения: 21.12.2016).
16. *European* Commission. Roadmap — Review of Waste Policy and Legislation. 2013. URL: <http://tinyurl.com/pb4j94> (дата обращения: 21.12.2016).
17. *European* Commission. ANNEX to the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions: Commission Work Programme 2015 — A New Start. Brussels, 2014. URL: http://ec.europa.eu/atwork/pdf/cwp_2015_en.pdf (дата обращения: 21.12.2016).
18. *European* Commission. Towards a circular economy: A zero waste programme for Europe, Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, 2014. URL: <http://ec.europa.eu/environment/circular-economy/pdf/circular-economy-communication.pdf> (дата обращения: 21.12.2016).
19. *European* Commission. Roadmap — Circular Economy Strategy. 2015. URL: <http://tinyurl.com/q6s6pmg> (дата обращения: 21.12.2016).
20. *European* Environment Agency. The European environment — state and outlook 2015, synthesis report. 2015. URL: <http://www.eea.europa.eu/soer/synthesis/synthesis> (дата обращения: 19.12.2016).
21. *Eurostat*. Final consumption expenditure of households by consumption purpose. 2012. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/en/web/products-datasets/-/NAMA_10_CO2_P3 (дата обращения: 19.12.2016).
22. *Hislop H., Hill J.* Reinventing the Wheel: A Circular Economy for Resource Security. Green Alliance. 2011. URL: <http://www.sita.co.uk/downloads/ReinventingTheWheel-1110-web.pdf> (дата обращения: 19.12.2016).
23. *Horbach J.* Circular Economy and Employment. 2015. URL: http://conference.iza.org/conference_files/enviro_2015/horbach_j11332.pdf (дата обращения: 19.12.2016).
24. *Huber J.* Towards Industrial Ecology: Sustainable Development as a Concept of Ecological Modernization // Journal of Environmental Policy and Planning. 2000. Vol. 2, №4. P. 78.

25. *Jackson C., Watkins E.* EU waste law: the challenge of better compliance // Directions in European Environmental Policy (IEEP). 2012. № 5. P. 62.
26. *Kenneth B.* The economics of the Coming Spaceship Earth. In Jarrett Henry: Environmental Quality in a growing economy. Johns Hopkins Press, 1966. P. 89—100.
27. *Lehmann M., Leeuw B., Fehr E., Wong A.* Circular Economy. Improving the Management of Natural Resources. Swiss Academies of Arts and Sciences. Bern, 2014. P. 56—59.
28. *McDonough W., Braungart M.* Cradle to Cradle: Remaking the Way We Make Things. N. Y., 2002.
29. *McKinsey.* Urban mobility at a tipping point: how to keep cities moving. 2015. URL: <http://www.mckinsey.com/business-functions/sustainability-and-resource-productivity/our-insights/urban-mobility-at-a-tipping-point> (дата обращения: 19.12.2016).
30. *Meadows D.H., Randers J., Meadows D.L.* The Limits to Growth. The 30-year Update. L., 2004. P. 44—46.
31. *Preston F.* A Global Redesign, Shaping the Circular Economy. L., 2012. P. 160.
32. *Sachs J.* The Age of Sustainable Development. Columbia University Press, 2015. P. 145.
33. *Sauve S., Bernard S., Sloan P.* Environmental sciences, sustainable development and circular economy: Alternative concepts for trans-disciplinary research // Environmental Development. 2016. Vol. 17. P. 48—56.
34. *Wells P., Seitz M.* Business models and closed-loop supply chains: a typology // Supply Chain Management. 2005. Vol. 10, № 4. P. 249—251.

Об авторах

Анет Арменовна Григорян, аспирант, Центр анализа и стратегического планирования, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: AAGrigoryan@kantiana.ru

Наталья Юрьевна Бородавкина, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента, директор Центра анализа и стратегического планирования, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: NBorodavkina@kantiana.ru

Для цитирования:

Григорян А. А., Бородавкина Н. Ю. Страны Прибалтики на пути к экономике замкнутого цикла // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 3. С. 7—22. doi: 10.5922/2074-9848-2017-3-1.

THE BALTICS ON THEIR WAY TO A CIRCULAR ECONOMY

A. A. Grigoryan¹
N. U. Borodavkina¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevski Str., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on April 18, 2017

Circular economy has been studied extensively both in Europe and worldwide. It is largely viewed as a potential strategy for societal development, aimed to increase prosperity while reducing dependence on raw materials and energy. Many businesses regard circular economy as a way to enhance economic growth and increase profits. Governments across the world actively engage in the discussion about the benefits of a transition to a circular economy and about its impact on employment, economic growth, and the environment.

This paper aims to study the major issues of circular economy, to identify its advantages, and to offer an insight into the transition stage the Baltic States are undergoing today on their way to circular economy. It is stressed that the Baltic countries are not fully using the opportunities offered by a circular economy. For example, Latvia's, Lithuania's, and Estonia's recycling rates are significantly below those of other European countries. The Baltics depend heavily on EU financial support. An increase in funding will contribute to the implementation of circular economy technologies.

Key words: circular economy, recycling, and raw materials, national development strategy, sustainable development strategy

References

1. Avramenko, A. A., Gorbachev-Fadeev, M. A. 2015, Cyclic economy, *Sustainable development and the "green" economy* [Ustoichivoe razvitie i «zelenaya» ekonomika], no. 71, p. 23—34. (In Russ.)
2. Mashukova, B. S. 2016, Basic principles of the cyclical economy (economy of a closed cycle), *European Science*, Vol. 17, no. 7, p. 14—16. (In Russ.)
3. Allwood, J. M. 2014, *Squaring the Circular Economy: The Role of Recycling Within a Hierarchy of Material Management Strategies*, Waltham.
4. Arthur, W. B. 2011, The Second Economy, *McKinsey Quarterly*, October, *McKinsey & Company*, available at: www.mckinseyquarterly.com/The_second_economy_2853 (accessed 22.12.2016).
5. Bradford, J., Fraser E. 2007, Local Authorities, Climate Change and Small and Medium Enterprises: Identifying Effective Policy Instruments to Reduce Energy Use and Carbon Emissions, *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, no. 15, available at: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/csr.151/abstract> (accessed 19.12.2016). DOI: <https://doi.org/10.1002/csr.151> .
6. Davis, C., Arthurs, D. 2006, *What Indicators for Science, Technology and Innovation Policies in the 21st Century*, Ottawa, available at: www.oecd.org/dataoecd/22/18/37443546.pdf (accessed 19.12.2016).

7. Dobbs, R., Oppenheim, J., Thompson, F., Brinkman, M., Zornes, M. 2011, *Resource Revolution: Meeting the World's Energy, Materials, Food, and Water Needs*, available at: www.mckinseyquarterly.com/Energy_Resources_Materials/Environment/A_new_era_for_commodities_2887 (accessed 21.12.2016).
8. Towards the Circular Economy: Accelerating the scale-up across global supply chains, 2014, *Ellen MacArthur Foundation and McKinsey & Company*, Geneva.
9. Wales and the Circular Economy. Favourable System Conditions and Economic Opportunities, 2013, *Ellen MacArthur Foundation and WRAP*, Cowes.
10. Towards the Circular Economy. Economic and business rationale for an accelerated transition, 2012, *Ellen MacArthur Foundation*, Cowes.
11. Towards the Circular Economy. Opportunities for the consumer goods sector, 2013, *Ellen MacArthur Foundation*, Cowes.
12. Going for growth, a practical route to circular economy, 2013, *Environmental Services Association (ESA)*, available at: http://www.esauk.org/esa_reports/Circular_Economy_Report_FINAL_High_Res_For_Release.pdf (accessed 19.12.2016).
13. WRAP, 2011, *Increasing SME Recycling (WRAP Project EVA130)*, available at: http://www.wrap.org.uk/sites/files/wrap/SME_Recycling_-_Summary_Report.pdf (accessed 19.12.2016).
14. European Commission, 2011, *Communication from the Commission, Social Business Initiative, Creating a favourable climate for social enterprises, key stakeholders in the social economy and innovation*, Brussels, available at: http://ec.europa.eu/internal_market/social_business/docs/COM2011_682_en.pdf (accessed 19.12.2016).
15. European Commission, 2013, *Flash Eurobarometer 381 — SMEs, Resource Efficiency and Green Markets*, available at: http://ec.europa.eu/public_opinion/flash/fl_381_sum_en.pdf (accessed 21.12.2016).
16. European Commission, 2013, *Roadmap — Review of Waste Policy and Legislation*, available at: <http://tinyurl.com/pb4j94> (accessed 21.12.2016).
17. European Commission, 2014, *ANNEX to the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions: Commission Work Programme 2015 — A New Start*, Brussels, available at: http://ec.europa.eu/atwork/pdf/cwp_2015_en.pdf (accessed 21.12.2016).
18. European Commission, 2014, *Towards a circular economy: A zero waste programme for Europe, Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions*, Brussels, available at: <http://ec.europa.eu/environment/circular-economy/pdf/circular-economy-communication.pdf> (accessed 21.12.2016).
19. European Commission, 2015, *Roadmap — Circular Economy Strategy*, available at: <http://tinyurl.com/q6s6pmg> (accessed 21.12.2016).
20. European Environment Agency, 2015, *The European environment — state and outlook 2015, synthesis report*, available at: <http://www.eea.europa.eu/soer/synthesis/synthesis> (accessed 19.12.2016).
21. Eurostat, 2012, *Final consumption expenditure of households by consumption purpose*, available at: http://ec.europa.eu/eurostat/en/web/products-datasets/-/NAMA_10_CO3_P3 (accessed 19.12.2016).
22. Hislop, H., Hill, J. 2011, *Reinventing the Wheel: A Circular Economy for Resource Security, Green Alliance*, available at: <http://www.sita.co.uk/downloads/ReinventingTheWheel-1110-web.pdf> (accessed 19.12.2016).
23. Horbach J. 2015, *Circular Economy and Employment*, available at: http://conference.iza.org/conference_files/enviro_2015/horbach_j11332.pdf (accessed 19.12.2016).

24. Huber, J. 2000, Towards Industrial Ecology: Sustainable Development as a Concept of Ecological Modernization, *Journal of Environmental Policy and Planning*, Vol. 2, no. 4, p. 78. DOI: <https://doi.org/10.1080/714038561>.
25. Jackson, C., Watkins, E. 2012, EU waste law: the challenge of better compliance, *Directions in European Environmental Policy (IEEP)*, no. 5, p. 62.
26. Kenneth, B. 1966, *The economics of the Coming Spaceship Earth*. In *Jarrett Henry: Environmental Quality in a growing economy*, Johns Hopkins Press, p. 89—100.
27. Lehmann, M., Leeuw, B., Fehr, E., Wong, A. 2014, Circular Economy. Improving the Management of Natural Resources, Bern, p. 56—59.
28. McDonough, W., Braungart, M. 2002, *Cradle to Cradle: Remaking the Way We Make Things*, New York.
29. Bouton, Sh., Knupfer, S. M., Mihov, I., Swartz, S. 2015, Urban mobility at a tipping point: how to keep cities moving, *McKinsey*, available at: <http://www.mckinsey.com/business-functions/sustainability-and-resource-productivity/our-insights/urban-mobility-at-a-tipping-point> (accessed 19.12.2016).
30. Meadows, D.H., Randers, J., Meadows, D.L. 2004, *The Limits to Growth. The 30-year Update*, London, p. 44—46.
31. Preston, F. 2012, *A Global Redesign, Shaping the Circular Economy*, London, p. 160.
32. Sachs, J. 2015, *The Age of Sustainable Development*, Columbia University Press, p. 145.
33. Sauvé, S., Bernard, S., Sloan, P. 2016, Environmental sciences, sustainable development and circular economy: Alternative concepts for trans-disciplinary research, *Environmental Development*, Vol. 17, p. 48—56. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.envdev.2015.09.002>.
34. Wells, P., Seitz, M. 2005, Business models and closed-loop supply chains: a typology, *Supply Chain Management*, Vol. 10, no. 4, p. 249—251.

The authors

Anet A. Grigoryan, PhD student, Center for Analysis and Strategic Planning, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: AAGrigoryan@kantiana.ru

Dr Natalia U. Borodavkina, Associate Professor, Director of the Center for Analysis and Strategic Planning, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: NBorodavkina@kantiana.ru

To cite this article:

Grigoryan A. A., Borodavkina N. U. 2017, The Baltics on their Way to a Circular Economy, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 2, p. 7—22. doi: 10.5922/2074-9848-2017-3-1.

РАЗВИТИЕ
ГОСУДАРСТВЕННО-
ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА
КАК СПОСОБ
МИНИМИЗАЦИИ
ИНВЕСТИЦИОННЫХ
РИСКОВ
В КАЛИНИНГРАДСКОЙ
ОБЛАСТИ

Ю. Н. Аксенова-Сорохтей¹
Е. А. Барановская¹
М. Риеккинен²

Целью исследования послужил системный анализ экономических и правовых рисков при осуществлении инвестиционной деятельности в Калининградской области, а также обоснование необходимости использования государственно-частного партнерства (далее — ГЧП) как способа их минимизации в целях повышения инвестиционной привлекательности региона и решения на этой основе задач развития. Комплексного изучения ГЧП как способа минимизации инвестиционных рисков на региональном уровне в современных условиях не проводилось. В этой связи исследование проблемы минимизации инвестиционных рисков через обоснование безальтернативности развития механизмов ГЧП в уникальном регионе РФ — Калининградской области — имеет научную новизну. Исследованы существующие инвестиционные риски, условия, барьеры и направления совершенствования инвестиционного климата Калининградской области. Приведены данные об инвестициях в регион, рассмотрены основные элементы инвестиционной политики Калининградской области. Обоснована необходимость реализации «точек роста» региональной экономики на условиях ГЧП и систематизированы возможности развития ГЧП в целях преобразования экономики региона. Предлагается осуществлять участие Калининградской области и муниципалитетов в партнерских проектах в порядке, который, в-первых, был бы транспарентен и понятен иностранным и отечественным инвесторам и соответствовал лучшей мировой практике, а во-вторых, позволял органам исполнительной власти и бизнесу совместно определять наиболее эффективные легальные модели их взаимодействия в рамках партнерства. Определена роль государственно-частного партнерства в решении задач развития Калининградской области и выработаны некоторые конкретные предложения, способствующие снятию ограничений внедрения проектов ГЧП в регионе.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство (ГЧП), особая экономическая зона, инвестиционный климат, инфраструктура, инвестиционные риски, закон о ГЧП

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

² Академия Або FI-20500, Финляндия, Турку, Туомиокирконтори, 3.

Поступила в редакцию 30.03.2017 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2017-3-2

© Аксенова-Сорохтей Ю. Н.,
Барановская Е. А., Риеккинен М.,
2017

Введение

Сегодня, наряду с политическими вопросами, нет более обсуждаемой на самом высоком уровне проблемы, чем привлечение иностранных и отечественных инвестиций в интересах технологической модернизации и обновления промышленности. За последние годы был реализован комплекс мер по улучшению делового климата страны. Это касается регистрации собственности, упрощения таможенных и налоговых процедур, установления исчерпывающего перечня разрешительных документов на строительство, существенного уменьшения количества согласований и т. д. Все это лежит в русле общемирового мейнстрима, так как все страны тем или иным способом улучшают свою экономическую среду для того, чтобы конвертировать ее затем в приток инвестиций.

Несмотря на то что российская экономика в целом и потребительский рынок в частности в силу своей емкости довольно привлекательны и перспективны для иностранного инвестора, последние на сегодняшний день, к сожалению, продолжают демонстрировать крайне настороженное отношение к российской инвестиционной площадке. Как отмечено в докладе ЮНКТАД о мировых инвестициях, если в 2015 году общий объем прямых иностранных инвестиций по всему миру вырос на 36% по сравнению с предыдущим годом и составил \$1,7 трлн, то в России он сократился на 92% [2].

Такая «осторожность» в принятии решения о ведении в России инвестиционной деятельности связана с наличием множества сопутствующих ей рисков.

Для ведения бизнеса в России иностранному инвестору часто приходится преодолевать много препятствий с риском для самого бизнеса. Затрудняют приток иностранного капитала в РФ недостаточная защищенность средств иностранных инвесторов, неэффективные механизмы реализации гарантий, огромное количество стереотипов о нашей стране, несовершенство правового регулирования иностранных инвестиций.

Еще более сложной представляется ситуация с отечественным инвестором, который слабо защищен от всевозможного рода рисков, связанных с инвестированием. По-прежнему существуют значительные проблемы, связанные с административными процедурами и техническим регулированием, что в сочетании с низкой эффективностью госаппарата и судебной системы серьезно затрудняет работу инвесторов.

Приходится признать, что в последние годы падает интерес и иностранных, и отечественных инвесторов к российским инфраструктурным проектам. Это связано не только с неблагоприятным инвестиционным климатом, но и со злоупотреблениями со стороны представителей власти при реализации таких проектов, касающихся передачи государственного и муниципального имущества в собственность частных партнеров, использованием неправовых схем, направленных на удовлетворение корыстных интересов отдельных лиц, непрозрачностью и

«предопределенностью» результатов конкурсных процедур. Поучаствовав в подобных конкурсах, многие инвесторы принимают решение более не затрачивать на них время и финансовые ресурсы. Законодательство, регулирующее инвестиционную деятельность, имеет пробелы, не позволяющие использовать его как систему, дающую участникам инвестиционного процесса четкий механизм действий, поскольку зачастую инвестору неясно, какой практический результат он получит в итоге. Множество сопутствующих инвестиционной деятельности рисков тормозят деловую активность и в конечном итоге оказывают дестабилизирующее влияние на экономическое положение страны.

В такой ситуации улучшение инвестиционного климата и минимизация инвестиционных рисков — одна из важнейших стратегических задач государства [3], а развитие и совершенствование механизмов ГЧП — один из наиболее значимых инструментов для ее решения [1].

Степень разработанности проблемы

Проблематика ГЧП представлена в значительном массиве научных работ отечественных исследователей, хотя монографий, посвященных системному исследованию теоретических и практических вопросов этого комплексного института, очень мало [29—33]. В многочисленных работах зарубежных авторов подробно исследуются особенности становления, развития и современного состояния, правового обеспечения ГЧП, а также экономические, организационные, управленческие аспекты практики реализации проектов ГЧП в различных странах [35; 37—40; 43]. Российскими учеными рассматриваются, как правило, те или иные отдельные аспекты ГЧП, такие как понятие, формы и виды, модели ГЧП, вопросы правового регулирования, использования ГЧП в конкретных сферах общественных отношений (ЖКХ, образовании) и т. д. В этой связи прекрасный фундаментальный обзор существующей научной литературы по проблемам ГЧП, представленный В. А. Сазоновым в его монографии [28], избавляет от необходимости повторения. Однако комплексного изучения ГЧП как способа минимизации инвестиционных рисков на региональном уровне в современных условиях не проводилось.

Развитие ГЧП в Российской Федерации и за рубежом

Использование ГЧП в качестве формата долгосрочных ответственных взаимоотношений «государство — бизнес» стало одним из главных общемировых трендов последних лет [36; 41; 42]. Во всем мире (и в странах с развитой экономикой — Великобритании, США, Франции, Германии, и в развивающихся странах — Бразилии и т. д.) с конца XX века ГЧП рассматривается как эффективное средство преодоления «провалов рынка» и рыночного несовершенства [34]. Институт ГЧП стал одним из наиболее эффективных механизмов установления парт-

нерских отношений между государством и бизнесом, позволяющих им совместно решать задачи национального масштаба в сфере производства общественных благ (таких как образование, медицина, инфраструктура, ЖКХ), применять современные технологии в управлении социальными институтами и повышать качество предоставляемых социальных услуг. Частные партнеры, представители бизнеса, в рамках соглашений ГЧП не только строят, но и привлекают финансовые ресурсы. Вместе с инвестициями частный бизнес привносит в проекты и передовые технологии, как технические, так и управленческие, что неизбежно позитивно влияет на реализуемые проекты.

Давно доказавшее свою жизнеспособность в других странах, ГЧП в нашей стране пока находится на начальной стадии развития. Эксперты фиксируют наличие пока лишь 1,3 тыс. проектов, из которых реализуются 873 общей стоимостью 2 трлн руб. Большинство составляют проекты муниципального (757) и регионального (191) уровней, на уровне федерации осуществляются лишь 15 проектов ГЧП. Объем привлеченных в такие партнерства инвестиций в РФ с трудом дотягивает до 1% ВВП, тогда как, например, у партнеров по БРИКС — Бразилии и Индии — данный показатель составляет 19% и 10% [18].

Если посмотреть на этот срез с точки зрения уровня реализации, того, кто является публичным партнером, можно увидеть, что львиную долю составляют муниципалитеты и регионы, а на уровне РФ проектов ГЧП не так много, что в том числе отражает скорость принятия решений при достаточно непростой административной лестнице, которую надо пройти, чтобы решение о федеральном проекте ГЧП было принято.

Представляется, что на сегодняшний день в России, в условиях введенных санкций, острой нехватки инвестиционных ресурсов и сужения возможностей у государства в производстве общественных благ в прежних объемах, именно ГЧП могло бы стать на ближайшие годы эффективной формой привлечения инвестиций и стимулировать развитие российской экономики. Обширный опыт развитых стран подтверждает, что ГЧП в целом и концессия как его наиболее развитая форма дают мощный толчок усовершенствованию жизненно важных систем и инфраструктурных отраслей, причем без потери стратегического контроля над ними со стороны государства.

Государство нуждается в помощи частного сектора в разработке и реализации проектов по развитию инфраструктуры и социальной сферы. По данным исследования компании IPT Group, в 2016 году объем частных инвестиций в проекты ГЧП составит 2,33 трлн руб. (прирост за год — 37%). Суммарная стоимость проектов к концу 2016 года должна составить 2,67 трлн руб., а их число — превысить 1,8 тыс. К концу 2017 года, по прогнозу, объем таких инвестиций составит около 3,1 трлн руб., из которых непосредственно в 2017 году будет привлечено порядка 770 млрд руб. [19].

Объем инвестиций в проекты ГЧП в 2017 году продолжит увеличиваться, но частично этот рост будет только номинальным — за счет финансового «закрытия» крупных инфраструктурных проектов, запущенных в 2015 году.

В настоящее время акценты в стимулировании инвестиций сместились на региональный уровень, а на региональные органы управления возложена ответственность за проведение последовательной инвестиционной политики, ориентированной на активизацию инвестиционного процесса. В этой связи развитие и использование ГЧП как весьма привлекательной для инвестора формы вложения своих средств, минимизирующей инвестиционные риски, становится зоной ответственности регионов. Однако пока в 48% регионов в течение 2013—2015 годов было реализовано от 5 до 15 ГЧП-проектов. В 26% субъектов было запущено менее 5 проектов. Более 50 проектов было реализовано лишь в 5% регионов, принявших участие в исследовании IPT Group, — в Москве и Забайкальском крае. Наибольшее распространение с позиции типа соглашения получила концессия — этот вид ГЧП-проектов применялся в 71% регионов [19].

Инвестиционный климат Калининградской области: специфика и перспективы улучшения

Калининградская область в 2006—2008 годы объективно оценивалась как самая привлекательная с инвестиционной точки зрения территория страны, что было связано с образованием в области особой экономической зоны (ОЭЗ) согласно федеральному закону № 16-ФЗ [4] (далее — закон об ОЭЗ), направленному на создание правовых и институциональных условий для обеспечения экономического роста и привлечения инвестиций в регион, а также развития капиталоемких экспортно ориентированных производств. Закон дает инвесторам гарантии: фиксацию величины совокупной налоговой нагрузки на срок реализации проекта; фиксацию ставки арендной платы на земельный участок на срок реализации проекта; упрощенный порядок оформления виз для въезда на территорию Калининградской области для инвесторов иностранных государств. Предусмотрен особый порядок уплаты налога на прибыль и налога на имущество организаций.

В результате инвестиции в основной капитал за два года выросли с 92,4 до 127%. Однако в кризис 2008 года они упали до 87%, и хотя к 2010 году ситуация стабилизировалась, выйти на докризисный уровень не удалось. К сожалению, в 2014—2015 годы эта негативная тенденция сохранялась. Инвестиции в основной капитал в 2014 году составили 58,5 млрд руб., или 81,8% к предыдущему году, в 2015 году — 62,3 млрд руб., или 86,9% к уровню 2014 года, из них инвестиции крупных и средних организаций составили 45,9 млрд рублей [6].

Закон об ОЭЗ, безусловно, играл и играет большую роль в развитии региона, повышая инвестиционную привлекательность области с помощью предоставляемых им для бизнеса налоговых и таможенных льгот. Но инвесторы при реализации проектов испытывают определенные сложности, связанные с применением закона об ОЭЗ. Так, очевидный его недостаток заключается в нечеткости требований, предъявляе-

мых к инвесторам. Ни положения закона об ОЭЗ, ни инвестиционная декларация резидента не закрепляют, в каком виде осуществляются инвестиции: в форме перечисления средств или же по факту деятельности, или по факту наличия оборудования. Закон об ОЭЗ в большей степени был ориентирован на крупные инвестиционные проекты, а средние и мелкие инвесторы оказались, по сути, вне инвестиционной политики региона. Льготы, прописанные для инвесторов, не так велики: налог на прибыль по 0% ставке первые шесть лет, последующие шесть лет — 50% налоговой ставки. Однако по многим крупным проектам срок выхода на уровень безубыточности составляет 7—12 лет. Все это, как показывает практика, существенно затрудняет ведение бизнеса в регионе.

Кроме того, с 1 апреля 2016 года, в связи со вступлением России в ВТО, были отменены таможенные преференции, которыми пользовались местные предприниматели. Закончился переходный период, дававший возможность резидентам Калининградской ОЭЗ беспощинно вывозить с территории региона произведенные здесь товары. Это, конечно, создало определенные риски для предпринимателей и стало вызовом для экономики региона, для ее социальной сферы.

В целях решения, пусть и паллиативного, «проблемы — 2016», чтобы минимизировать потери предпринимателей после 1 апреля 2016 года, из федерального бюджета выделили субсидии «на поддержку рынка труда». К концу сентября 2016 года калининградские компании получили около 16 млрд руб. таких субсидий, предназначенных для создания и содержания рабочих мест, импортозамещения, локализации сборочного производства, а также улучшения социально-экономических условий в регионе [21]. Однако эти субсидии получила лишь треть калининградских компаний. Калининградские власти заключили соглашения на предоставление субсидий на поддержку рынка труда с 271 региональной компанией, что позволило обеспечить и сохранить занятость 14 816 человек. Но потенциальными получателями средств поддержки являются 860 предприятий [22].

Большую часть от общего объема предоставленной помощи — 88%, или 13 млрд 971 млн руб. — получили предприятия автомобилестроения, а именно две компании, входящие в группу «Автотор», при этом не являющиеся самыми крупными по численности работников и не попадающие в категорию компаний «свыше 1 тыс. занятых», однако лидирующие по объему вывоза продукции с территории области. Крупнейшими получателями субсидий по численности занятых (категория «свыше 1 тыс.») стали «Продукты питания Комбинат», «Вичюнай-Русь», «Мираторг Запад» и «Калининградский тарный комбинат» [23].

Тем не менее интерес со стороны предпринимательского сообщества к региональному инвестиционному климату по-прежнему не пропал, о чем свидетельствует статистика по реестру резидентов ОЭЗ.

На 1 января 2015 года общее количество резидентов ОЭЗ в Калининградской области составляло 99 организаций. Общий объем заяв-

ленных инвестиций в соответствии с инвестиционными декларациями составлял 89 млрд рублей, из них в 2015—2017 годы планировалось освоить капитальные вложения на сумму порядка 8,8 млрд рублей [6]. Единый реестр резидентов ОЭЗ пополнился новыми предприятиями и включал на июнь 2017 года 134 предприятия. Общий объем заявленных инвестиций всех резидентов Калининградской ОЭЗ — 102,4 млрд рублей [7].

В Калининградской области проделана большая работа по улучшению инвестиционного климата и минимизации инвестиционных рисков в целях привлечения иностранных и отечественных инвесторов. Разрабатываются различные инвестиционные программы, сформировано региональное законодательство, направленное на поддержку инвестиционного процесса [5]. Принципы реализации инвестиционной политики в регионе сформулированы в Инвестиционной стратегии Калининградской области. Этот документ определяет на период до 2020 года долгосрочные цели и ожидаемые результаты деятельности органов государственной власти, хозяйствующих субъектов по созданию благоприятного инвестиционного климата в Калининградской области.

Несмотря на сказанное, по итогам 2015 года Калининградской области в «Рейтинге инвестиционной привлекательности регионов России» присвоено значение «3В1» (пониженный потенциал — умеренный риск) [8].

Причин все еще недостаточно высокой инвестиционной привлекательности области, по нашему мнению, довольно много. Это и некоторая «лоскутность» региональной инвестиционной политики; несовершенство региональной нормативно-правовой базы; недостаточная (в ряде случаев) координация органов исполнительной власти в содействии инвесторам в сопровождении, реализации и продвижении инвестиционного проекта; недоступность земельных ресурсов; низкий уровень обеспеченности инфраструктурой, прежде всего транспортной; невозможность для частного инвестора целенаправленно, рационально и эффективно прогнозировать и управлять рисками в условиях частого пересмотра действующего хозяйственного законодательства и отсутствия системной инвестиционной политики.

Полагаем, что эффективной формой минимизации инвестиционных рисков и значительной активизацией на этой основе инвестиций в Калининградскую область может стать более широкое применение механизмов ГЧП, концессии как важнейшей его формы и других прогрессивных инструментов инвестиционной политики.

ГЧП-проекты в Калининградской области: «первые ласточки»

В Калининградской области механизмы ГЧП положены в основу ряда крупных инфраструктурных проектов, реализуемых в рамках федеральной целевой и областных инвестпрограмм. Например, бюджетные средства участвуют в создании кластера полнопрофильных авто-

мобильных производств компании «Автотор» (180 млн руб. из регионального бюджета выделено на строительство инфраструктуры будущей промзоны, проект автомобильного кластера включен в ФЦП и госпрограмму развития региона), строительстве индустриальных парков.

Формат ГЧП используется также и в связи с запуском программ по обеспечению продовольственной безопасности региона, поддержки промышленности, малого и среднего предпринимательства. Механизмом поддержки воспользовалась, в частности, сельхозкомпания «Орбита-Агро», которая реализовала крупнейший в регионе инвестиционный проект в области овощеводства. Строительство тепличного комплекса по выращиванию овощей в закрытом грунте было одобрено инвестиционным советом при губернаторе. Его открытие состоялось в марте 2014 года. Правительство области поддержало проект, субсидируя процентные ставки, выплачивая субсидии на гектар площади закрытого грунта. К новому хозяйству был подведен газ, что позволило увеличить производственные мощности тепличного комплекса и организовать цех по переработке овощей.

Сегодня правительство области рассматривает вариант строительства в рамках ГЧП новых парковок в курортном поселке Янтарном. В летние месяцы его посетили около 100 тыс. человек, в связи с чем количество парковочных мест необходимо увеличить в 2 раза по сравнению с уже имеющимися. Правительство предполагает оказать бюджетную поддержку проекту по линии программ развития туризма, инвестор же вернет вложения за счет доходов от дальнейшей работы объекта [24].

Тем не менее Калининградскую область следует отнести к категории регионов со средним уровнем развития ГЧП. Так, если в 2014 году в рейтинге Центра развития ГЧП среди субъектов РФ Калининградская область заняла 33-е место, на 30 позиций улучшив показатели 2013 года (в котором занимала 62-е место), то по итогам 2015 года переместилась на 38-е место [13]. В данном сегменте находятся регионы, в которых ГЧП характеризуется стадией формирования первичного опыта, но при этом создаются условия для гармоничного развития механизмов ГЧП.

Риски при реализации ГЧП-проектов

Важный фактор, затрудняющий реализацию проектов ГЧП, — тот факт, что участие в них всегда связано с определенными рисками для бизнеса, обусловленными, прежде всего, тем, что в течение всего срока договора ГЧП государство, и как партнер, и как регулятор, оказывает существенное воздействие на деятельность частного инвестора. К наиболее существенным рискам можно отнести: отсутствие реальной ответственности государственных структур за реализацию проекта; длительный процесс согласования различных аспектов проекта; недостаточность компетенций у представителей бизнеса и государственных

органов по разработке, реализации и управлению проектами ГЧП; риск сокращения или прекращения финансирования проекта в случае изменения приоритетов бюджетных расходов; сложность выхода из проекта и возврата осуществленных инвестиций, а также стремление к излишнему контролю со стороны государственных структур. Инвесторы не участвуют в проектах, в которых они не видят возможностей ни быстро получить прибыль, ни как-то нивелировать риски. Но основным сдерживающим фактором, обусловившим низкую инвестиционную активность со стороны частного сектора в проекты ГЧП и тормозившим их полноценное развитие, стало несовершенство нормативно-правовой базы и отсутствие системного подхода к ее формированию [14].

Зачастую именно пробелы и противоречия в законодательстве, регулирующем конкретный проект ГЧП и определяющем, в какой форме, в рамках какого механизма он будет реализован, заставляют частного инвестора вообще отказаться от него.

Вплоть до последнего времени, по распространенному мнению контролирующих органов, договоры, в основе которых предполагалась неконцессионная модель ГЧП, следовало признавать недействительными как противоречащие условиям, определенным федеральным законодательством для концессионных соглашений или государственных контрактов. Распространенным явлением стала практика переквалификации заключенных соглашений о ГЧП в государственные контракты. И если на запуске первых проектов ГЧП риски оспаривания соглашений о ГЧП были сугубо теоретическими, не подтвержденными мнением суда, то затем было принято достаточное количество негативных судебных решений по этому вопросу. Поэтому некоторые субъекты РФ опасались заключать такие соглашения о ГЧП, предпочитая им государственный контракт и концессию.

Правовое регулирование ГЧП-проектов: ключевые нововведения

Принятие и вступление в силу с 1 января 2016 года Федерального закона от 13 июля 2015 года № 224-ФЗ [15] (далее — закон о ГЧП) можно охарактеризовать как процесс создания эффективного правового инструмента решения указанных проблем и минимизации инвестиционных рисков. Полагаем, что закон призван стать не просто правовым актом, определяющим понятийную базу и общие правила ГЧП в России, но и средством решения инфраструктурных проблем страны и регионов (в том числе и Калининградской области). Законом о ГЧП установлено, что сотрудничество публичного и частного партнеров должно быть основано на объединении ресурсов и распределении рисков, что представляется особенно важным для частного партнера как инвестора, для которого большой мотивацией для организации отношений с публично-правовыми образованиями будет финансовая привлекательность проекта и минимизация инвестиционных рисков. Необходимость принятия закона о ГЧП имеет принципиальное значение, поскольку он

определяет основные рамки того, что будет называться ГЧП и что входит в это понятие. Можно констатировать, что цель законодателя — четко определить институцию, форму и зафиксировать это в нормативной среде — была достигнута.

Обогадив российское законодательство целым рядом нововведений [16], закон о ГЧП, по мнению экспертов, позволит разморозить порядка 130 проектов, а их объем финансирования превысит 1,3 трлн руб. [17]. Несомненно, прежде чем заключаемые на основе закона о ГЧП проекты станут действительно успешно реализовываться, должно пройти определенное время, в течение которого государство и бизнес адаптируются к новым отношениям. Очевидно, что закон о ГЧП не обойдется без масштабных изменений в силу имеющихся и отмеченных многими экспертами недостатков. Однако, по нашему мнению, само по себе принятие единого закона о ГЧП следует рассматривать как огромный шаг вперед в правовом регулировании отношений государства и частного бизнеса. Законодатель, принимая закон в том виде, пусть и несовершенном, в каком он сейчас принят, недвусмысленно дает понять, что механизм ГЧП должен рассматриваться не как факультативный механизм, который должен существовать в некоем своем сегменте при сохранении приоритетности государственных закупок. Закон свидетельствует о том, что механизму ГЧП будет отведена ключевая роль в финансировании инфраструктурных объектов. Этот прозрачный намек федерального законодателя должен быть понят в регионах, в том числе и в Калининградской области.

Закон о ГЧП во многом оправдал ожидания регионов и муниципалитетов, рассчитывавших, что он определит понятие «государственно-частное партнерство» и опишет возможные формы ГЧП; определит полномочия субъектов РФ и муниципалитетов в сфере ГЧП, в частности предоставит им возможности по отдельным тендерным процедурам проводить конкурсы и заключать соглашения ГЧП; опишет права и обязанности публичного и частного партнеров; предусмотрит механизмы финансирования (поддержки) региональных проектов Российской Федерацией и муниципальных проектов субъектами РФ; позволит проводить нескольким публично-правовым образованиям совместные конкурсы и заключать совместные соглашения [25].

Конечно, не все эти позиции нашли отражение в законе о ГЧП. Так, например, п. 2. ст. 6 закона о ГЧП ограничены возможные формы реализации проектов ГЧП путем перечисления обязательных элементов соглашения о ГЧП и сведены тем самым исключительно к формам, предполагающим строительство / реконструкцию объекта соглашения и возникновение права собственности у частного партнера на объект соглашения после создания объекта соглашения.

На наш взгляд, учитывая постоянно меняющуюся деловую среду и экономическую обстановку, в случае появления новых социально значимых сфер, целесообразнее было бы установить в законе о ГЧП исчерпывающий перечень элементов соглашения о ГЧП, а также общие критерии, по которым определяются возможные объекты соглашений

(социальная значимость и т. п.), предусмотреть, что соответствующий исполнительный орган власти РФ, субъекта Федерации или местного самоуправления могут устанавливать иные формы ГЧП, иногда вообще не предполагающие строительство / реконструкцию объекта соглашения, но при этом отвечающие признакам ГЧП.

Закон о ГЧП предусматривает ряд механизмов, которые, как предполагается, расширят возможности партнеров по структурированию проектов ГЧП. Один из подобных механизмов — возникновение права частной собственности на создаваемые объекты, которое является обязательным элементом соглашения о ГЧП. До принятия закона о ГЧП, основная доля проектов ГЧП происходила либо в рамках законодательства о концессиях [20], предполагающего лишь государственную форму собственности на имущество, либо в рамках регионального законодательства, которое было недостаточно эффективно без законодательной регламентации процесса на федеральном уровне.

Несмотря на то что закон о концессиях предусматривает возможность субъектов Федерации самостоятельно инициировать и заключать соглашения, концессионные соглашения до настоящего времени не получили широкого применения, как ожидалось. Это связано в том числе с содержащимися в законе ограничениями возможностей гибкого структурирования проектов и излишне регламентированной процедурой отбора концессионера [12]. Закон о ГЧП начали разрабатывать во многом потому, что концессионная модель не удовлетворяла всем потребностям рынка, так как регулировала только одну форму ГЧП [11].

Вполне самостоятельную роль Закон о ГЧП отводит муниципальным образованиям, выделяя в отдельный блок их полномочия по проведению конкурсных процедур на право заключения соглашения о партнерстве, осуществлению контроля соблюдения частным партнером условий данного соглашения и т. д. При этом к недостаткам Закона о ГЧП можно отнести обязанность муниципалитетов согласовывать проекты ГЧП с властями субъектов, ограниченные сроки соглашений и узкий перечень случаев, когда на стороне публичного партнера (государства) могут выступать несколько публичных субъектов.

То, что этот закон дает определенные полномочия и легитимизирует то, что уже делали и применяли регионы, является очень большим плюсом. И то, что рамка закона на сегодняшний день задана, и такое право появилось у регионов — очень важно, т. к. снимает серьезные риски с чиновников, которые боялись брать на себя ответственность, принимая решение о заключении соглашений о ГЧП.

Самое главное значение Закона о ГЧП — это проявление высшей политической воли, потому что в очень непростых экономических условиях, в которых мы сегодня живем, бизнесу дали таким образом понять, что государство согласно играть с ним на равных условиях. По сути закона, ГЧП — это договор, контракт, который является взаимно обязывающим, что означает, что в случае, если по каким— то причинам, государство (а оно всегда, особенно в нашей стране, более сильный игрок, чем бизнес) не исполняет обязанности по этому контракту, оно будет обязано компенсировать все убытки, которые понесет бизнес.

Хотя особое значение партнерские проекты имеют на уровне местного самоуправления в связи с тем, что именно здесь сосредоточена основная нагрузка по реализации проектов социального значения, следует отметить, что на уровне муниципальных образований практика применения партнерских соглашений существенно уже, чем на уровне страны и регионов, так как их разработка и реализация сопряжены с рядом проблемных моментов.

Доходов бюджета муниципальных образований недостаточно, чтобы предоставить гарантии исполнения соглашений. Регистрация муниципальных активов не всегда произведена в установленном порядке, что ограничивает передачу их в управление частному лицу. Неясны вопросы выполнения обязательств муниципального образования перед частным партнером в случае нарушения соглашения, не проработан механизм включения большого количества участников со стороны публичного партнера (несколько уровней власти).

Одним из факторов, препятствующих организации проектов ГЧП на региональном и муниципальном уровне, эксперты называют недостаточную квалификацию кадров органов власти по организации подобных проектов. По данным Центра развития ГЧП [26], в 2015 году было объявлено 406 концессионных конкурсов. Но качество этих проектов в большинстве случаев довольно низкое ввиду отсутствия достаточных компетенций у региональных властей. Дефицит квалифицированных кадров в сфере муниципального управления не позволяет обеспечить профессиональную проработку и сопровождение проектов партнерства.

К тому же частный капитал боится рисков, вызванных неэффективностью муниципальных органов и высоким уровнем коррупции. Нехватка доверия — достаточно часто встречающаяся проблема, которая ставит под сомнение возможность партнерства.

Заключение

Проведенный анализ убедил нас в том, что привлечение инвестиций в Калининградскую область должно осуществляться за счет создания благоприятного инвестиционного климата путем формирования экономических и правовых условий и проведения ряда организационных мероприятий с опорой на уже созданные инструменты и механизмы, а также посредством внедрения новых, таких как государственно-частное партнерство. Полагаем, что нужно четкое определение «точек роста» региональной экономики и их реализация посредством использования механизмов ГЧП.

Мы убеждены, что, помимо опоры на федеральный закон о ГЧП, необходима разработка и принятие нового регионального закона «О государственно-частном, муниципально-частном партнерстве в Калининградской области». При этом в правовом поле важно избежать «заурегулированности» сферы ГЧП и МЧП, максимально снижая четким и понятным определением прав и обязанностей сторон, механизмов реа-

лизации данного законодательного акта риски инвесторов, предоставляя дополнительные гарантии партнерам и создавая тем самым благоприятный инвестиционный климат в Калининградской области для привлечения частного инвестора в общественно значимые проекты. Полагаем, что при этом следовало бы обеспечить гарантии инвесторам в Калининградской области по сроку действия правового режима не менее чем на 70 лет, как это установлено, например, в федеральном законе от 29 декабря 2014 года № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» [27].

Законодательство Калининградской области (с учетом ее специфики [9; 10]) может и должно в определенной степени отличаться от типового универсального законодательства, регулирующего инвестиционную деятельность. Но законы не должны быть настолько структурно разные, чтобы инвестор не мог разобраться в последствиях их правоприменения. Инвестору, рассматривающему вопрос о вложении средств в наш регион, должно быть понятно правовое поле, на котором он будет действовать.

В этой связи полагаем, что необходим своеобразный «аудит» действующего российского законодательства (о госзакупках, о приватизации, концессионного, земельного, бюджетного, градостроительного, лицензионного и пр.) с последующей его синхронизацией, чтобы нормы, регулирующие отношения частного инвестора и публичного партнера, не противоречили друг другу.

Проведенное исследование показало, что, хотя в данный момент существует достаточно большой выбор инструментов для реализации проектов, подразумевающих сотрудничество государства и частного партнера, на региональном уровне, в том числе и в Калининградской области, эффективных для общества проектов ГЧП крайне мало. Причины такого положения дел во многом связаны с недостаточными компетенциями соответствующих представителей публичного партнера в лице региональных властей, а также с такими тормозящими факторами, как нехватка практического опыта реализации проектов ГЧП и неготовность государственных структур к участию в них.

Мы убеждены, что разработка и успешная реализация региональных проектов ГЧП и МЧП требует в первую очередь формирования института квалифицированного заказчика. В связи с этим очевидно, что представителям органов государственной власти и местного самоуправления региона понадобятся дополнительные компетенции при осуществлении профессиональной деятельности в области формирования и реализации проектов ГЧП. Региональные отраслевые министерства и муниципалитеты сегодня должны проявлять себя как центры компетенции, которые способны идентифицировать инвестиционные риски и оценивать распределение рисков в проекте ГЧП, вносить обоснованные предложения по их минимизации, а также формировать и внедрять инструментарию управления рисками в проекте и осуществлять последующий мониторинг их изменений. Одновременно должна создаваться стройная система мотивации региональных властей, чтобы

они были заинтересованы в привлечении инвесторов в рамках проектов ГЧП и на региональном, и на муниципальном уровнях. Для успешной реализации проектов ГЧП необходимо выработать стандарты, которые будут регламентировать как внутренний контроль исполнения соглашения о ГЧП, так и внешний.

Ориентация на формирование и поддержку благоприятного инвестиционного климата Калининградской области для отечественных и иностранных инвесторов за счет масштабного внедрения в региональную практику механизмов ГЧП и снижения на этой основе инвестиционных рисков является практически безальтернативным путем дальнейшего развития, несмотря на возможное возникновение разного рода препятствий при реализации проектов ГЧП и МЧП.

Установление четких и прозрачных «правил игры» не только для частных инвесторов, но и для публичного партнера будет лучшим способом сделать Калининградскую область более инвестиционно привлекательной, а рост инвестиций в экономику региона станет критерием эффективности реализуемой правительством Калининградской области инвестиционной политики.

Список литературы

1. *Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума* // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52178> (дата обращения: 29.06.2016).
2. *Прямые иностранные инвестиции в Россию в 2015 году рухнули на 92%*. URL: <http://www.interfax.ru/business/490758> (дата обращения: 29.03.2016).
3. *Барановская Е.А.* Создание конкурентоспособного инвестиционного климата в России как основа модернизации: некоторые правовые аспекты // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. №3. С. 143—151.
4. *Об Особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации* [Электронный ресурс]: федер. закон от 10.01.2006 №16-ФЗ (ред. от 11.03.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. *О государственной поддержке организаций, осуществляющих инвестиции в форме капитальных вложений на территории Калининградской области*: закон Калининградской области от 15.07.2002 №171. URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 11.04.2016).
6. *Правительство Калининградской области*: официальный портал. URL: <https://gov39.ru/ekonomy/investicii.php> (дата обращения: 20.04.2016).
7. *Инвестируйте в Калининградскую область*. URL: http://www.investin.kaliningrad.ru/?page_id=77 (дата обращения: 24.07.2017).
8. *Инвестиционный рейтинг региона ЗВ1*. URL: <http://www.raexpert.ru/database/regions/kalinin/> (дата обращения: 15.04.2016).
9. *Клемешев А.П.* Российский эксклав на Балтике: эволюция эксклавности и поиск путей ее преодоления // Балтийский регион. 2009. №2(2). С. 102—115.
10. *Клемешев А.П.* Эксклавность в условиях глобализации. Избранные публикации. Калининград, 2007.

11. Аксенова-Сорохтей Ю.Н., Барановская Е.А. Институт концессионных соглашений и актуальные проблемы его правового регулирования в Российской Федерации // Научная перспектива. 2015. №10. С. 37—38.
12. Аксенова-Сорохтей Ю.Н., Барановская Е.А. Новеллы концессионного законодательства Российской Федерации // Закон и право. 2015. №12. С. 56—62.
13. Рейтинг регионов ГЧП. URL: http://pppcenter.ru/assets/docs/raytingREG2016_B5_Block_04-04-2016.pdf (дата обращения: 05.07.2016).
14. Аксенова-Сорохтей Ю.Н., Барановская Е.А., Серебрякова А.А., Серова О.А. Актуальные проблемы правового регулирования государственно-частного партнерства в РФ // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 2, №4. С. 147—152.
15. О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ (ред. от 03.07.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Аксенова-Сорохтей Ю.Н., Барановская Е.А., Русанова Ю.К. Новеллы российского законодательства о государственно-частном партнерстве // Журнал научных и прикладных исследований. 2016. №4. С. 93—97.
17. Госдума приняла закон о ГЧП // Вести экономики. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/59538/> (дата обращения: 05.07.2016).
18. Николаева Д. Государственно-частная стагнация. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2950766> (дата обращения: 22.10.2016).
19. ГЧП-проекты идут в рост // Коммерсантъ. 2016. №179. С. 2.
20. О концессионных соглашениях [Электронный ресурс] : федер. закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ (ред. от 03.07.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
21. Калининградские власти попросили 42—45 млрд руб. субсидий на 2017 г. URL: <http://kaliningrad.rbc.ru/kaliningrad/freenews/57f77f0c9a7947adf96332fe?from=main> (дата обращения: 05.10.2016).
22. Субсидии по «проблеме 2016» получили лишь треть калининградских компаний. URL: <http://kaliningrad.rbc.ru/kaliningrad/freenews/580621a79a794757bb76998e?from=main> (дата обращения: 20.10.2016).
23. Основной объем субсидий «на поддержку рынка труда» получили компании не с самой высокой численностью работников. URL: <http://rugrad.eu/news/906757> (дата обращения: 20.10.2016).
24. Власти предложили привлечь инвесторов к строительству парковок в Янтарном. URL: <http://kaliningrad.rbc.ru/kaliningrad/investigation/02/09/2016/57c94c109a79475207b1a963?from=main> (дата обращения: 20.10.2016).
25. От концессии до ГЧП. URL: http://www.vegaslex.ru/analytics/publications/from_concessions_to_ppp/ (дата обращения: 20.10.2016).
26. ГЧП-Инфо. Федеральный портал «Инфраструктура и государственно-частное партнерство в России». URL: <http://www.pppi.ru> (дата обращения: 25.11.2016).
27. О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 29.12.2014 №473-ФЗ (ред. от 13.07.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
28. Сазонов В.Е. Государственно-частное партнерство: гражданско-правовые, административно-правовые и финансово-правовые аспекты. М., 2012.

29. *Белицкая А. В.* Правовое регулирование государственно-частного партнерства. М., 2012.
30. *Варнавский В. Г.* Партнерство государства и частного сектора: формы, проекты, риски. М., 2005.
31. *Кабашкин В. А.* Государственно-частное партнерство: международный опыт и российские перспективы. М., 2010.
32. *Государственно-частное партнерство: Практика. Проблемы. Перспективы* : сб. / под общ. ред. Х. М. Салихова, А. А. Зверева. М., 2011.
33. *Публично-частное партнерство в России и зарубежных странах: правовые аспекты* / под ред. В. Ф. Попондопуло, Н. А. Шевелевой. М., 2015.
34. *Graeme H., Carsten G.* The Challenge of Public-Private Partnerships. Learning from international experience. Cheltenham UK, 2005.
35. *Yescombe E. R.* Public-private partnerships: principles of policy and finance. Burlington, 2007.
36. *Link A. N.* Public/private partnerships: innovation strategies and policy alternatives. New York, 2006.
37. *Акитоби Б., Хемминг Р., Шварц Г.* Государственные инвестиции и государственно-частные партнерства. Washington, 2007.
38. *Marks A. T., Silverman E. F., Borisoff A. K.* Project Finance and Public-private Partnership in the United States // International Project Finance and PPPs: A Legal Guide to Key Growth Markets / ed. by Jeffrey Delmon, Victoria Rigby Delmon. Alphen aan den Rijn, 2010. P. 7—70.
39. *Klijn E.-H., Teisman G. R.* Governing Public-Private Partnerships: Analyzing and Managing the Processes and Institutional Characteristics of Public-Private Partnerships // Public-Private Partnerships: Theory and Practice in International Perspective / ed. by S. P. Osborne. L., 2000. P. 84—102.
40. *Akintoye A., Beck M., Hardcastle C.* Public-Private Partnerships: Managing Risks and Opportunities. Hoboken, 2008.
41. *Heinz W.* Public Private Partnerships: Principles, Opportunities and Risks : Lecture given in the course of AER Centurio Interreg III Conference of the Assembly of European Regions in Ponta Delgada (Azores), 6 May 2005. Cologne, 2006. P. 8.
42. *Fussell H., Beresford Ch.* Public-Private Partnerships: Understanding the Challenge. Vancouver, 2009.
43. *Quium A.* A guidebook on public-private partnership in infrastructure. Bangkok, 2011.

Об авторах

Юлия Николаевна Аксенова-Сорохтей, кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: Juliajaksenova@gmail.com

Елена Анатольевна Барановская, кандидат экономических наук, доцент кафедры предпринимательского права, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: e.baranovskaya163@yandex.ru

Мария Риеккинен, исследователь факультет социальных наук, бизнеса и экономики, Институт прав человека, Академия Або, Финляндия.
E-mail: mariya.riekkinen@abo.fi

Для цитирования:

Аксенова-Сорохтей Ю. Н., Барановская Е. А., Риеккинен М. Развитие государственно-частного партнерства как способ минимизации инвестиционных рисков в Калининградской области // Балтийский регион. 2017. Т. 9, №3. С. 23—42. doi: 10.5922/2074-9848-2017-3-2.

MINIMISING INVESTMENT RISKS THROUGH OPTIMISING PUBLIC — PRIVATE PARTNERSHIP: THE CASE OF THE KALININGRAD REGION

J. N. Aksenova-Sorokhtei¹
E. A. Baranovskaya¹
M. Riekkinen²

¹ *Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevski Str., Kaliningrad, 236041, Russia*

² *Åbo Akademi University,
FI-20500, Finland, Turku, Tuomiokirkontori, 3*

Submitted on March 30, 2017

This study undertakes a contextual analysis of economic and legal risks associated with investment in the Kaliningrad region. The authors emphasise the importance of public-private partnership (PPP) in minimising such risks in order to enhance the region's attractiveness and to solve development problems. PPP has never been studied as a means to minimise regional investment risks in current conditions. This accounts for the scientific novelty of examining investment risks minimisation through proving the essentiality of developing PPP mechanisms on a unique Russian territory — the Kaliningrad region. The article analyses current investment risks, conditions, barriers, and avenues to enhance the investment climate in the Kaliningrad region. The authors utilise data on current investment in the region and consider the principles of the region's investment policy. The study stresses the need to develop the regional economy's 'points of growth' within PPP schemes. It is proposed that the region and its municipalities should participate in partner projects in a manner that, firstly, is transparent to national and international investors and concordant with best practices and, secondly, enables the executive authorities and businesses to collaborate in developing the most efficient legal framework for partnership. The article identifies the role of PPP in solving the problem of regional development and gives recommendations on overcoming barriers and implementing PPP projects in the region.

Key words: public-private partnership (PPP), special economic zone in Russian Federation, investment climate, economic infrastructure, investment risks, law on PPP

References

1. The plenary session of the St. Petersburg International Economic Forum, 2016, *Official site of the Russian President*, available at <http://kremlin.ru/events/president/news/52178> (accessed 29.06.2016). (in Russ.)
2. Foreign direct investment in Russia collapsed by 92% in 2015, 2016, *Interfax*, available at <http://www.interfax.ru/business/490758> (accessed 29.03.2016). (in Russ.)
3. Baranovskaya, E. A. 2013, Creating a competitive investment climate in Russia as a basis for upgrading: some legal aspects, *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta* [Vestnik Immanuel Kant Baltic federal University], no. 3, p. 143—151. (in Russ.)
4. On the Special Economic Zone in the Kaliningrad Region and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: *Federal law 16-FZ*, dated 10 Jan. 2006 (as amended on 11.03.2016.), available at: <http://www.consultant.ru>. (accessed 29.06.2016). (in Russ.)
5. About the state support of organizations that are making investments in the form of capital investment in the Kaliningrad region: *law of the Kaliningrad region* No. 171 dated 15 July 2002, available at <http://www.garant.ru>. (accessed 29.06.2016). (in Russ.)
6. *The Government of the Kaliningrad region*. Official portal, 2016, available at <https://gov39.ru/ekonomy/investicii.php> (accessed 20.04.2016). (in Russ.)
7. *Invest in the Kaliningrad region*, 2016, available at http://www.investinkaliningrad.ru/?page_id=77 (accessed 20.04.2016). (in Russ.)
8. The investment rating 3B1 region, 2016, *Rating agency "Expert"*, available at <http://www.raexpert.ru/database/regions/kalinin> (accessed 15.04.2016). (in Russ.)
9. Klemeshev, A. P. 2009, Russian Exclave on the Baltic Sea: Evolution of Exclavity and Ways to Overcome It, *Balt. Reg.*, Vol. 1, no. 2, p. 86—97. DOI: 10.5922/2079-8555-2009-2-11.
10. Klemeshev, A. P. 2007, *Exclavity under globalization: Selected works*, Kaliningrad, 211 p.
11. Aksenova-Sorokhtey, J. N., Baranovskaya, E. A. 2015, Institute of concession agreements and actual problems of its legal regulation in the Russian Federation, *Nauchnaja perspektiva*, no. 10, p. 37—38. (in Russ.)
12. Aksenova-Sorokhtey, J. N., Baranovskaya, E. A. 2015, Novels of the concession of the Russian Federation, *Zakon i parvo*, no.12, p. 56—62. (in Russ.)
13. Rating of PPP regions, The National Center for Public-Private Partnerships, available at http://pppcenter.ru/assets/docs/raytingREG2016_B5_Block_04-04-2016.pdf. (accessed 05.07.2016). (in Russ.)
14. Aksenova-Sorokhtey, J. N., Baranovskaya, E. A., Serebryakova, A. A., Serova, O. A. 2016. Actual problems of legal regulation of public-private partnership in Russia, *Uspekhi sovremennoj nauki i obrazovaniya*, Vol. 2. no. 4, p. 147—152. (in Russ.)
15. Public-private partnerships, municipal-private partnership in the Russian Federation and the Introduction of Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: *Federal Law 224-FZ*, dated 13 July, 2015 (as amended on 03.07.2016.), available at: <http://www.consultant.ru>. (accessed 20.04.2016). (in Russ.)
16. Aksenova-Sorokhtey, J. N., Baranovskaya, E. A., Rusanova, Y. K. 2016, Russian legislation on public-private partnership, *Zhurnal nauchnyh i prikladnyh issledovanij*, no. 4, p. 93—97. (in Russ.)

17. The State Duma adopted a law on PPP. *Economy News*, 2016, available at <http://www.vestifinance.ru/articles/59538> (accessed 05.07.2016). (in Russ.)
18. Nikolaev, D. 2016, Public-private stagnation, *Kommersant*, available at <http://www.kommersant.ru/doc/2950766> (accessed 22.10.2016). (in Russ.)
19. PPP projects are going to increase, 2016, *Kommersant*, no. 179, 28.09.2016, p. 2. (in Russ.)
20. On concession agreements: Federal law of 21.07.2005 No 115-FZ (as amended on 03.07.2016), 2016, available at <http://www.consultant.ru>. (accessed 22.10.2016). (in Russ.)
21. Kaliningrad authorities have been asked 42 to 45 billion rubles of subsidies in 2017, 2016, *News agency RBC*, available at <http://kaliningrad.rbc.ru/kaliningrad/freenews/57f77f0c9a7947adf96332fe?from=main> (accessed 05.10.2016). (in Russ.)
22. Subsidies "the problem 2016" received only a third of the Kaliningrad companies, 2016, *News agency RBC*, available at <http://kaliningrad.rbc.ru/kaliningrad/freenews/580621a79a794757bb76998e?from=main> (accessed 20.10.2016). (in Russ.)
23. The bulk of the subsidies "to support the labour market" companies won't with the highest number of employees, 2016, *Rugrad*, available at <http://rugrad.eu/news/906757> (accessed 20.10.2016). (in Russ.)
24. The government proposed to attract investors to build Parking lots in Amber], 2016, *News agency RBC*, available at <http://kaliningrad.rbc.ru/kaliningrad/investigation/02/09/2016/57c94c109a79475207b1a963?from=main> (accessed 24.07.2017). (in Russ.)
25. From concession to PPP, 2016, Law firm *VEGAS LEX*, available at http://www.vegaslex.ru/analytiks/publications/from_concessions_to_ppp (accessed 20.10.2016). (in Russ.)
26. PPP-info. Federal portal "Infrastructure and public-private partnership in Russia", 2016, Infrastructure Projects Support Platfor, mavailable at <http://www.pppi.ru>. (accessed 25.11.2016). (in Russ.)
27. On territories of advancing socio-economic development in the Russian Federation: Federal law dated 29.12. 2014 No 473-FZ (as amended on 13.07.2015), 2015, available at <http://www.consultant.ru>. (in Russ.)
28. Sazonov, V. E. 2012, *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo: grazhdansko-pravovyye, administrativno-pravovyye i finansovo-pravovyye aspekty* [Public-private partnership: civil law, administrative law and financial and legal aspects], Moscow, 492 p. (in Russ.)
29. Belitskaya, A. V. 2012, *Pravovoe regulirovanie gosudarstvenno-chastnogo partnerstva* [Legal regulation of public-private partnership], Moscow, 191p. (in Russ.)
30. Varnavskii, V. G. 2005, *Partnerstvo gosudarstva i chastnogo sektora: formy, proekty, riski* [The partnership of the state and the private sector: forms, projects, risks], Moscow, 315 p. (in Russ.)
31. Kabashkin, V. A. 2010. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo: mezhdunarodnyy opyt i rossijskie perspektivy* [Public-private partnerships: international experience and Russian prospects], Moscow, 576 p. (in Russ.)
32. Salikhov, Kh. M., Zverev, A. A. (ed.) 2011, *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo: Praktika. Problemy. Perspektivy* [Public-private partnership: Practice. Problems. Prospects], Moscow, 398 p. (in Russ.)
33. Popondopulo, V. F., Shevelevaya, N. A. 2015, *Publichno-chastnoe partnerstvo v Rossii i zarubezhnykh stranah: pravovyye aspekty* [Public-private partnership in Russia and foreign countries: legal aspects], Moscow, 528 p. (in Russ.)
34. Graeme, H., Carsten, G. 2005, *The Challenge of Public-Private Partnerships. Learning from international experience*, Cheltenham UK, 368 p.

35. Yescombe, E. R. 2007, *Public-private partnerships: principles of policy and finance*. Burlington, USA, 368 p.
36. Link, A. N. 2006, *Public/private partnerships: innovation strategies and policy alternatives*, New York, 160 p.
37. Akitobi, B., Hemming, R., Schwartz, G. 2007, *Public investment and public-private partnerships*, Washington, International Monetary Fund, 23 p.
38. Marks, A. T., Silverman, E. F., Borisoff, A. K. 2010. Project Finance and Public-private Partnership in the United States. In: Delmon, J., Rigby Delmon, V., aan den Rijn, A. (eds.) *International Project Finance and PPPs: A Legal Guide to Key Growth Markets*, p. 7—70.
39. Klijn, E.-H., Teisman, G. R. 2000, *Governing Public-Private Partnerships: Analyzing and Managing the Processes and Institutional Characteristics of Public-Private Partnerships*. In: Osborne, S. P. (ed.) *Public-Private Partnerships: Theory and Practice in International Perspective*, London, p. 84—102.
40. Akintoye, A., Beck, M., Hardcastle, C. 2008, *Public-Private Partnerships: Managing Risks and Opportunities*, USA, 448 p.
41. Heinz, W. 2006. Public Private Partnerships: Principles, Opportunities and Risks, *Lecture given in the course of AER Centurio Interreg III Conference of the Assembly of European Regions in Ponta Delgada, Azores, 6 May 2005*, German Institute of Urban Affairs, Cologne, p. 8.
42. Fussell, H., Beresford Ch. 2009, *Public-Private Partnerships: Understanding the Challenge*, Vancouver, Centre For Civic Governance of the Columbia Institute, 119 p.
43. Quium, A., *A guidebook on public-private partnership in infrastructure*, 2011, Economic and social Commission for Asia and the Pacific, Bangkok, 76 p.

The authors

Dr Yulia N. Aksenova-Sorokhitei, Associate Professor, Institute of Law, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: Juliajaksenova@gmail.com

Dr Elena A. Baranovskaya, Associate Professor, Institute of Law, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: e.baranovskaya163@yandex.ru

Mariya Riekkinen, Researcher, Institute for Human Rights, Faculty of Social Sciences, Business, and Economics, Åbo Akademi University, Finland.
E-mail: mariya.riekkinen@abo.fi

To cite this article:

Aksenova-Sorokhitei J. N., Baranovskaya E. A., Riekkinen M. 2017, Minimising Investment Risks through Optimising Public-Private Partnership: The Case of the Kaliningrad Region, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 2, p. 23—42. doi: 10.5922/2074-9848-2017-3-2.

ОБЩЕСТВО

ИСЛАМСКАЯ «ДИФФУЗИЯ» В СТРАНАХ БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА: ПЛОДЫ ЕВРОПЕЙСКОГО МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Ю. Н. Гладкий¹
И. Ю. Гладкий¹
К. Ю. Эйдемиллер²

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, 48.

² Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 195251, Россия, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.

Поступила в редакцию 19.04.2017 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2017-3-3

© Гладкий Ю. Н., Гладкий И. Ю.,
Эйдемиллер К. Ю., 2017

Рассматривается Западная Европа как ведущий центр притяжения иммигрантов в последние десятилетия, особенно в связи с «арабской весной». В качестве показательных регионов избраны страны Балтийского региона. Они по-разному «разбавлены» мусульманскими иммигрантами, но практически в каждой из них мусульманские диаспоры являются самыми многочисленными и быстрорастущими. Мусульманским общинам в странах региона, безусловно, присущи некоторые общие черты, но характерны и существенные различия, обусловленные, в частности, политикой правительств в отношении интеграции мигрантов. Цель статьи — выявление специфики процесса мусульманской миграции в страны Балтийского региона, особенно ввиду событий, именуемых «арабской весной», и их последствий. Анализируется хронология мусульманской иммиграции в страны Балтийского региона. Отмечается, что при всех сложностях более успешно интеграция мусульманских иммигрантов происходит, например, в Германии и Финляндии, в то время как в Швеции и Дании она явно «буксует». В странах региона, как и во всей Западной Европе, пока не сформированы концептуальные основы миграционной и интеграционной политики в отношении мусульманских иммигрантов. Авторы излагают возможные сценарии интеграции мусульманского населения: «имитационный», «конфронтационный», «сингапурский» и «палестинский». В качестве наиболее реального для стран Балтийского региона указывается «палестинский сценарий» — в связи с наблюдающимся сознательным отказом от адаптации и интеграции мигрантов в принимающий их социум.

Ключевые слова: мультикультурализм, иммиграция, мусульманская община, страны Балтийского региона, адаптация мигрантов, сценарии интеграции

Искушение мультикультурализмом. Как бы теоретически ни толковался мультикультурализм, его глубинная сущность — *единство при разнообразии* — практически никем не оспаривается. Не отвергается и большинство его универсальных детерминантов, официально признаваемых странами, решившими взять на «вооружение» идеи культурного плюрализма и подтверждающими право за нацией быть «культурной мозаикой», а не «плавильным котлом». Эти детерминанты: социальная справедливость, культурная демократия, равенство расовое, этническое, религиозное, классовое, гендерное и т. д.

Даже страны постсоветской Балтии, политики которых сначала отказывались признавать мультикультурализм, перед подписанием договора о вступлении в ЕС (1998) в конце концов вынуждены были «капитулировать» и продекларировали мультикультурный характер своих обществ и намерение интегрировать «неэстонцев», «нелатышей» и «нелитовцев». Впрочем, эти декларации вовсе не помешали их властям всеми способами отстаивать этнический, а не гражданский принцип строительства национальных государств, взяв за основу национальной политики ассимиляционную модель мультикультурализма. В этой связи правильнее говорить о провале в этих странах не мультикультурализма, а антидемократической ассимиляционной политики.

Эволюция современных дискуссий о судьбе мультикультурализма одно время, казалось, вплотную приблизилась к подведению некоей знаковой черты, особенно после известных «демаршей» руководителей ведущих западноевропейских государств (А. Меркель, Д. Кэмерона, Н. Саркози), сравнивших идеологию мультикультурализма, по сути, с путем, ведущим к разрушению государств и развалу Европейского сообщества. Критики подобной идеологии, опирающиеся на рост националистических настроений у коренного населения европейских стран (прежде всего, Голландии, Франции, Германии), и сегодня не перестают ссылаться на «угрозы» национальной гармонии и единству, опасность уничтожения самоидентификации европейских народов, их национальных культур, традиций, верований, национальных языков и, наконец, национальной истории. Можно привести немало направлений общественной мысли (либеральный национализм, феминизм, космополитизм и др.), представители которых (Б. Берри, С. Окин и др.) не только отмечают крайнюю противоречивость дискурса мультикультурализма, но и педалируют его неустранимые недостатки [10; 23].

Но признать крах идей мультикультурализма, объявить, что он «мертв», — значит отправить на «свалку истории» классические философские концепции мультикультурализма и толерантности, начиная с теории основоположника этих идей Ч. Тейлора [28] и кончая взглядами авторитетных современников — М. Уолцера, разрабатывающего проблемы коммунитаризма, толерантности и культурного плюрализма [7], А. Янга, предложившего концепцию «политики разнообразия» [31], Ч. Кукатаса и Б. Парекха, пропагандирующих концепции соответственно «либерально-эгалитаристского» и либертарианского мультикультурализма [17; 24], У. Кимлика — автора теории американского мультикультурализма и мультикультурного гражданства [18; 19] и др.

Сделать это, разумеется, нелегко еще и по той причине, что культурные различия в большинстве регионов мира обнаруживают тенденции к росту, а вовсе не исчезают и не сглаживаются. В результате фундаментальная мультикультурная проблема — «как объединить правовую концепцию справедливости и приоритет прав человека, на которых строится гражданство в либеральном обществе, с правами национальных, религиозных, сексуальных и других меньшинств» [2, с. 254] — остается на повестке дня вне зависимости от того, какой она носит характер: теоретический, эмпирический или практический.

Искушение мультикультурализмом по-прежнему остается «головной болью» как для многих западноевропейских правительств, так и для сторонников идей мультикультурализма и толерантности.

Хронология мусульманской иммиграции в страны Балтийского региона. Обилие вышедших на Западе работ, посвященных анализу эволюции этноконфессиональной структуры стран региона и ее влиянию на процесс трансформации социокультурного и политического пространства Северной Европы (в частности, фундаментальные труды Й. Нильсена [21; 22]), к сожалению, не восполняет недостаток официальных статистических данных. Это замечание относится, прежде всего, к событиям и процессам, порожденным «арабской весной», заметно отразившимся на мусульманской иммиграции в страны региона. Вместе с тем, исследования зарубежных коллег дают возможность воссоздать хронологию процесса мусульманской миграции в Западную Европу и, в частности, государства Балтийского региона.

В упрощенном виде он может быть представлен всего двумя этапами: *послевоенным* — с 1950-х до середины 1970-х годов, связанным с массовой трудовой миграцией; и *современным* — с середины 1970-х годов по настоящее время, обусловленным широкомасштабной государственной политикой привлечения иностранной рабочей силы в западноевропейские страны. Более же детальный исторический анализ мусульманской миграции позволяет выделить большее число этапов.

Начало *первого этапа* мусульманской иммиграции в страны Балтийского региона условно можно датировать чуть ли не «седой древностью» — XIV веком, когда на польско-литовских землях поселились приглашенные золотоордынцы, а также XVIII веком, когда прусский король Фридрих II сформировал воинское мусульманское подразделение, состоящее преимущественно из боснийцев, албанцев и татар. Разумеется, в данных случаях речь шла, скорее, о символических миграционных потоках, не приведших к этносоциальной «турбулентности».

Второй этап мусульманской миграционной волны ассоциируется с послевоенной Европой XX века до 1975 года. Эти временные рамки обусловлены тем, что именно с начала 60-х годов XX века фиксируется массовый приезд на заработки мигрантов в страны Западной Европы, наибольшая часть которых проживала на традиционно мусульманских территориях бывшей Югославии, Турции и Пакистана. Кстати, уже к середине 70-х годов все страны Западной Европы на парламентском уровне приняли ограничительные меры по регуляции данного процесса.

Третий этап ограничен рамками 1975—1995 годов — временем действия национальных законодательств — вплоть до 1 января 1995 года, когда, помимо Дании (член ЕС с 1 января 1973 года), два ключевых государства Балтийского региона — Финляндия и Швеция — вошли в состав ЕС. Именно в этот временной отрезок мусульманская миграция приобретает как в Европе, так и во всем мире четкий «военный» характер. После практически пятидесятилетнего затишья, со времен Второй мировой войны, центральные части географического центра исламского мира захлестывает «прилив насилия».

Четвертый этап миграционных потоков в страны Балтийского региона приходится на период с 1995 года вплоть до 2015-го, ассоциирующегося с европейским миграционным кризисом. Состав и характер мусульманской миграции в регион Северной Европы он существенно не изменил, изменились лишь правила приема мигрантов, определяемые как нормами ЕС, так и национальным законодательством. С начала 2011 года, после череды событий, именуемых «арабской весной» и их последствий в виде европейского миграционного кризиса 2015 года, государства ЕС столкнулись с фактически неконтролируемыми волнами исламской миграции (проявлявшимися и в прежние годы) с территориями Северной и Восточной Африки, а также из стран Юго-Западной Азии.

Наконец, *пятый этап* мусульманской миграционной волны в государства Балтийского региона приходится на период с 2015 года (и связанного с ним европейского миграционного кризиса) и продолжается по настоящее время. Несмотря на свою географическую удаленность от «горячих точек», эти страны не только не смогли не разделить бремени последствий гражданских войн в Афганистане, Сирии, Ираке, Сомали, Йемене и в других регионах мира, но и стали желанной целью для беженцев и потенциальной возможностью обосноваться в них на постоянное место жительства. Некоторые авторы полагают, что самая тревожная ситуация складывается сегодня именно в государствах Северной Европы.

Из-за используемых нелегальных каналов и способов точные масштабы нынешней мусульманской иммиграции в страны региона установить трудно. Поэтому степень доверия даже к официальной статистике, фиксирующей данного вида иммиграцию, в некоторых странах не может быть высокой.

Мусульмане в странах региона: факты и статистика. Величественные мечети — шедевры мусульманской храмовой культуры для пятничных (соборных) богослужений — появились почти в каждой из европейских столиц, проекты их строительства в настоящее время обсуждаются в Таллинне, Риге и Рейкьявике — в странах, где мусульманское население исчисляется считанными процентами, их десятymi и сотыми. В странах Балтийского региона население многих столиц от 5 до 25 % составляют мусульмане. Имеется некая общая проблема исламской «диффузии», однако в каждой стране она обретает свою уникальность и специфику.

Общей для всех государств Балтийского региона является тенденция отхода местного населения от лютеранской конгрегации. Если проследить эту динамику с 1990 года и до сего дня, то факты и цифры будут говорить сами за себя: так, в Церкви Швеции доля прихожан в 1990 году составляла 89% от всего населения Швеции, а в 2016-м упала до 63,2%; в Церкви Датского Народа за тот же временной период доля прихожан снизилась с 89,3 до 76,9%; к Церкви Норвегии в 2001 году причисляли себя 86,6% от общего числа всего населения Норвегии, а уже в 2016-м таких было только 72,6%. Самое серьезное падение зафиксировала Церковь Исландии — 88,6% прихожан в 2000 году против 71,5% в 2016-м [12; 13—15]. Нетрудно заметить, что в случае сохранения данной динамики в будущем, а именно: убывания христианского населения во всех странах Северной Европы по 1% в год, можно прогнозировать, что уже к 2025 году христиане будут составлять лишь 50—60% от общего населения стран Северной Европы, а в государствах Западной Европы мусульмане составят половину верующего населения.

Своеобразным оплотом ислама в балтийских странах сегодня можно считать *Германию*, если иметь в виду общую численность мусульманского населения: по состоянию на 2015 год его численность составляла, по экспертным оценкам, 4,4—4,7 млн человек, то есть 5,4—5,7% от всего населения страны (рис. 1, 2), которое на 1 января 2016 года составляло 82,2 млн человек [12].

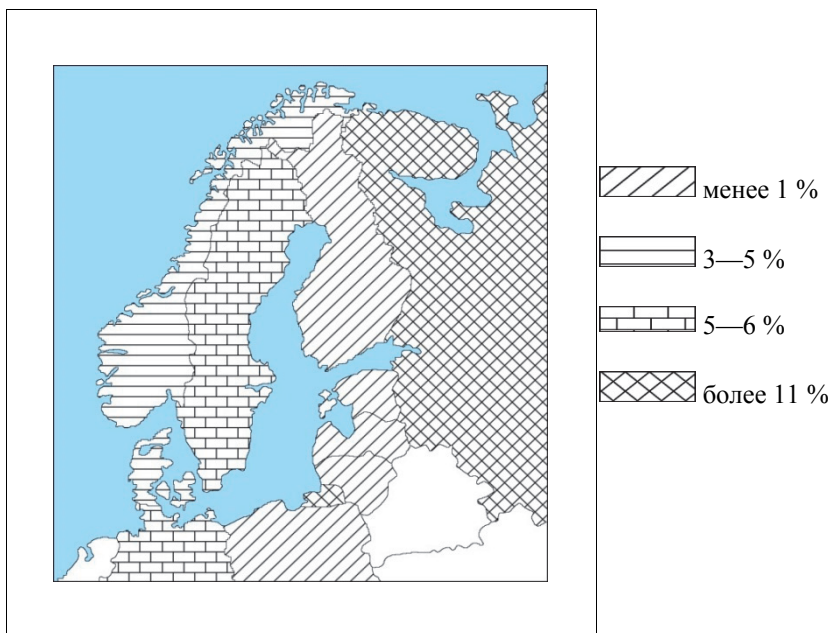

Рис. 1. Доля мусульман в населении Балтийских стран (включая Норвегию) в 2015 году, %

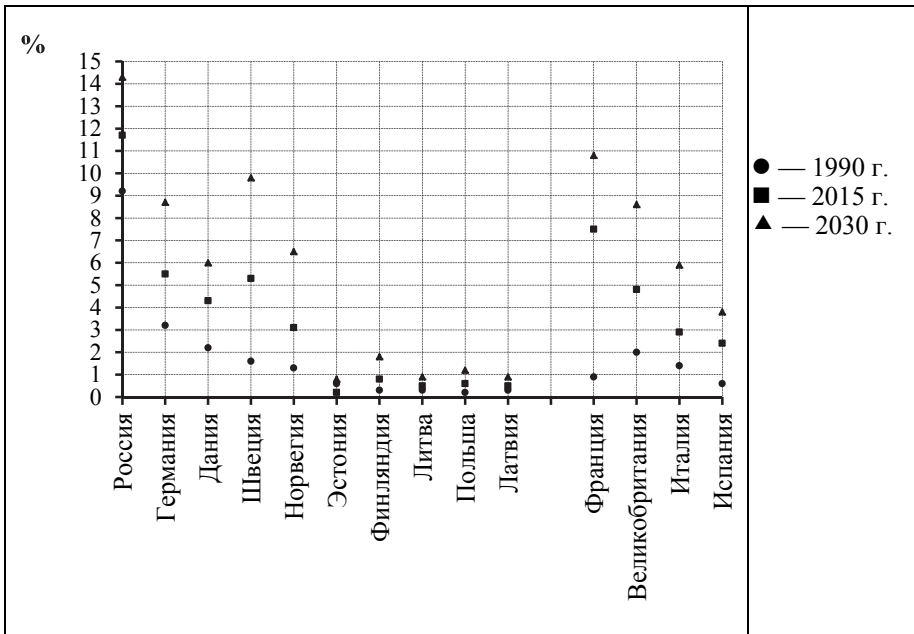

Рис. 2. Увеличение доли мусульманского населения в странах Балтийского региона и других ведущих странах Европы

Составлено по [1] и скорректировано авторами с учетом последствий «арабской весны».

Несмотря на то что одна из первых мечетей в Германии — Вюнсдорф — была построена в лагере для военнопленных мусульман Халбмондлагер («Лагерь полумесяца») в 1915 году (позднее, в 1925 году, снесена), первые мусульмане как страта немецкого общества появились двумя веками раньше. В 1745 году король Пруссии Фридрих II создал в прусской армии мусульманское подразделение, состоящее преимущественно из боснийцев, албанцев и татар, в 1760 году был создан корпус, насчитывавший около 1000 боснийцев. Первые иностранные рабочие, большинство из которых прибыли в Германию из сельских районов Юго-Восточной Анатолии, именно как часть немецкого общества появились в ФРГ сразу же после оформленного раздела Германии и закрытия Восточного Берлина бетонной стеной в 1961 году.

С тех самых пор их число, как и число мусульман, в Германии неуклонно растет. Раздел Германии на ФРГ и ГДР до сих пор можно увидеть не только на экономической, но и этноконфессиональной карте. Так, три четверти мусульманского населения проживает на территориях бывшей ФРГ. Этому есть несколько причин. Главная из них — в бывшей ГДР до 1990 года отсутствовала какая-либо массовая трудовая миграция из стран, находящихся за пределами соцлагеря. Второстепенная заключается в том, что, как показывают опросы, менталитет «восточных немцев», выдержанный советским режимом, до сих пор крайне негативно относится к эмигрантам из мусульманских стран, однако при этом «оси» намного терпимее относятся к мусульманам,

нежели их западные соседи — «веси» (в федеральных землях бывшей ГДР, а также в Рейнланд-Пфальце, Шлезвиг-Гольштейне и Гамбурге в школах учителям разрешено носить платки).

Мусульманская община Германии неоднородна, однако подавляющее большинство (около 63 %) имеют *турецкое* происхождение. И в отличие от большинства других европейских стран значительные мусульманские общины присутствуют в некоторых сельских регионах Германии, особенно в Баден-Вюртемберге, Гессене, Баварии и Северной Рейн-Вестфалии [29; 32; 33].

Мусульманская умма на территории *Швеции* появилась в 70-е годы прошлого века с иммигрантами из Ирана и Ирака и впоследствии пополнилась выходцами из югославской Боснии и Герцеговины, Сомали, Марокко и некоторых других стран Ближнего Востока. Лишь за период с 2011 по 2014 год мусульманское население Швеции увеличилось на 2% и по состоянию на 2015 год составляло не менее 7,5% от всего населения страны. Имеющиеся данные позволяют сделать вывод о том, что мусульманское население Швеции становится после христианской (католической, протестантской или православной) второй по численности общиной в Европе и наиболее динамично растущей религиозной группой на всем европейском континенте, а ислам, соответственно, — второй по числу верующих религией в Швеции. В стране функционирует Шведская исламская академия, созданы партии исламской ориентации, собственный журнал и т. д. Косвенным подтверждением роста мусульманских общин является наличие в стране 50 мусульманских кладбищ.

Абсолютное большинство шведских мусульман (75%) проживает в крупных городах: Стокгольме, Упсале и Гетеборге. Эресуннский мост, соединяющий столицу Дании Копенгаген и шведский город Мальме, создает территорию почти «сплошного» мусульманского расселения.

Первая волна исламской иммиграции в *Данию* связана с завозом в 60-е годы XX века дешевой рабочей силы из Северной Африки, Турции и Пакистана, когда в стране обрели кров до 10 тыс. мусульманских семей. В 80-е годы вследствие событий на Ближнем Востоке в Дании осели беженцы из Ирака и Ирана, Ливана, а также палестинцы. Позже хлынули беженцы из Сомали, затем из бывшей Югославии и т. д.

Согласно официальной статистике Дании, в 2015 году в стране было выдано почти 85 тыс. видов на жительство. Для сравнения: на 1 апреля 2016 года все население Дании составляло 5 717 014 человек, из которого иммигранты — 501 057 человек, в том числе 290 333 человек неевропейского происхождения [14]. По мусульманскому населению в Дании цифры серьезно разнятся. Датские власти не регистрируют религиозную принадлежность людей, кроме членов Национальной Церкви (Церкви Датского Народа), а местные исследователи учитывают только членов зарегистрированных общин. Однако даже те цифры, что приводят авторитетные местные исследователи заставляют задуматься. Социолог из Университета Копенгагена Брайан А. Якобсен приводит следующую статистику на 2016 год. На 1 января 2016 года 70,9% мусульман в Дании — граждане Дании (в основном в результате натурализации), этот показатель понизился в сравнении с 1 января 2015 года —

73,7%. На 1 января 2016 года все мусульманское население в Дании им оценивается в 284 тыс. человек (приблизительно 5%), для сравнения: с 1 января 2015 года показатель был ниже более чем на 20 тыс. человек — 263 800 (4,7% от всего населения Дании). При этом половина всего мусульманского населения Дании проживает в столичном регионе [16].

Появление первой мусульманской общины в *Финляндии* обязано ее вхождению в состав Российской империи, откуда в Великое княжество Финляндское переселялись татары-купцы со своими семьями, а также служивое дворянство. Считается, что «финские татары» органично интегрировались в финское общество и представляют собой уникальный пример «удачной» политики мультикультурализма, по крайней мере, в Северной Европе.

Прежде чем стать второй по численности религиозной конфессией в стране, мусульманская умма пополнилась многочисленными мигрантами из Ирака, Сомали, Косово, Афганистана, России, Албании, Нигерии, Сирии, Марокко, Алжира. На рубеже последних столетий количество мусульман в стране превысило 70 тыс. человек (альтернативные источники сообщают цифру в 150—170 тыс.), в результате чего православные христиане уступили мусульманам вторую позицию в национальном рейтинге.

Как и в других странах региона, мусульманские общины концентрируются, главным образом в крупных городских поселениях, прежде всего в Хельсинки (рис. 3, 4). Именно здесь (в 40 км от столицы) находится отдельно стоящая мечеть, построенная татарами в 1944 году и долгое время являвшаяся самой северной мечетью в мире. В литературе иногда указываются 10 действующих мечетей в Хельсинки, но это не отдельно стоящие здания с минаретами, а достаточно просторные модельные залы, чаще всего арендованные.

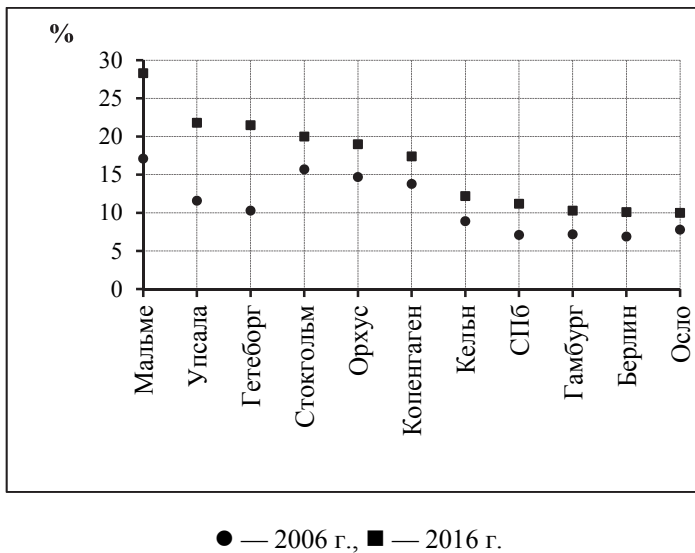
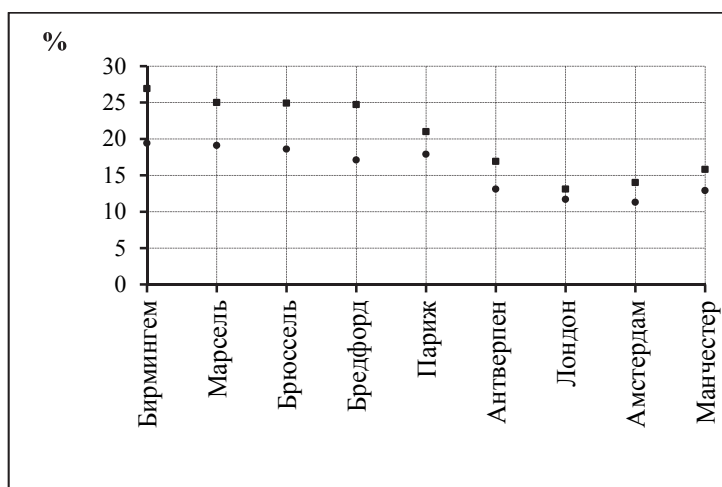

Рис. 3. Изменение доли мусульман в крупных отдельных городах Балтийского региона

● — 2006 г., ■ — 2016 г.

Рис. 4. Изменение доли мусульман в городах Западной Европы

Как известно, **Норвегия** официально не относится к странам Балтийского региона, однако эта приполярная скандинавская страна множеством социокультурных и логистических «нитей» тесно связана со своими балтийскими соседями. Неслучайно в 1992 году она была включена в состав Совета государств Балтийского моря.

Мусульманское население Норвегии, как и во всех странах Северной Европы, является самым многочисленным из всех конфессиональных меньшинств, проживающих на территории страны. Еще в 2007 году государственным бюро статистики этой страны было зарегистрировано 79,1 тыс. членов самых разнородных мусульманских общин (что, кстати, было на 10% больше, чем в предыдущем 2006 году), к 2010 году это цифра возросла до 99 тыс. человек. По состоянию на 2015 год в стране проживало 141 тыс. официально зарегистрированных мусульман, реальное же количество, по оценкам независимых и альтернативных источников, больше в 2—2,5 раза. В целом мусульмане составляют около 7% от всего населения Норвегии, хотя степень их концентрации по фюльке (губерниям) и коммунам очень различается: каждый десятый житель Осло — мусульманин, в то время как во втором по численности городе Норвегии — Акерсхусе — только 1 из 55.

Несмотря на свою социальную привлекательность, Норвегия так и не смогла стать «землей обетованной» для мигрантов, в том числе в силу своих климатических и других природных реалий. Имеются свидетельства того, что семьи, бежавшие от войн на Ближнем Востоке, готовы обратно вернуться в палатку в лагерь для беженцев на границе с Литвой, поскольку их дети не могут адаптироваться к полярным дням и ночам, а нехватка витамина D отражается на их костной системе, со-

здает предпосылки к отставанию в развитии. Та же проблема актуальна и для всех остальных приполярных стран, куда так стремятся беженцы Финляндии и Швеции.

Пока слабо вовлечена в процесс «глобального контрнаступления» ислама *Польша*. Ее население — ультраконсервативное моноэтническое католическое общество, не готовое к размытию собственной национальной идентичности, как это, например, уже произошло во Франции и происходит в настоящее время в соседней с Польшей Германии. Польский этнос как «христианская среда» после фактического провала теории европейского мультикультурализма и кризиса адапционных моделей, основанных на ней, не готова представлять свой социум для очередного эксперимента над собой [25]. Все это, справедливости ради, нисколько не отражается на тех мусульманах, которые смогли адаптироваться в столь агрессивной для них «ортодоксальной» католической среде. Мусульмане, ставшие полноценными гражданами Польши, не чувствуют на себе «положительную» или отрицательную дискриминацию. И не важно — польско-литовские это татары, полностью интегрированные в общество, сохраняющие при этом свою самобытность и ислам как ее неотъемлемую часть, или 20 лет тому назад приехавшие сомалийцы.

Судя по косвенным данным, в стране насчитывается около 4 тыс. *татар-мусульман*, традиционно проживающих в трех татарских поселениях: Бохоники, Крушиняны и Сокулка, а также в городах Гданьск, Белосток, Гожув-Великопольски и др. [25]. Их родословная относится к XIV столетию, когда на польско-литовские земли были приглашены татары-золотоордынцы, известные как искусные воины и торговцы. Общее же количество мусульман в этой стране оценивается примерно в 30—35 тыс. человек, включая не только выходцев из африканских стран «социалистической ориентации», эмигрантов из бывших Югославии и СССР, чеченскую общину, но и около 7 тыс. этнических поляков, принявших ислам [3]. Последняя цифра, базирующаяся на данных Польской исламской ассоциации, нуждается в серьезной верификации.

Мусульманские уммы стран постсоветской Балтии — *Литвы, Латвии и Эстонии* — крайне малочисленны, хотя так было не всегда, особенно на литовской земле. Так, первые последователи ислама (войско в 40 тыс. человек под предводительством сына хана Золотой Орды Тохтамыша — Джелал ад-Дина) прибыли на территорию Великого княжества Литовского еще в XIV веке по приглашению великого князя Витовта для помощи ему в Грюнвальдской битве. После разгрома Ордена и утраты им боеспособности в ходе Великой войны (1409—1411) часть татар из войска осталась на территории княжества и благополучно ассимилировалась среди местного населения. Князь Витовт образовал из татарских поселков оборонительный пояс вдоль жмудской границы и в укрепленных окрестностях замков в Литве — около Троков, Вильно, Ковно, Лиды, Крево, Новогрудка, Гродно.

Однако в 1941 году, во время оккупации Прибалтики нацистами и превращения ее в рейхскомиссариат Остланд, местные коллаборационисты после отхода советских войск принялись зачищать территорию от евреев, цыган и мусульман. В Польшу бежали почти все представители мусульманской общины, часть тех, кто этого не сделал вовремя, позднее были убиты или казнены, точное их количество неизвестно. После этих событий Литва не сумела восстановить свое мусульманское население, а в настоящее время оно и вовсе покидает пределы страны, но уже по социально-экономическим причинам. По очень приблизительным подсчетам, в Литве осталось около 10 тыс. мусульман. У них есть свои мечети, магазины, школы культурные центры, но жизнь мусульманской уммы Литвы постепенно затухает.

История мусульманских общин Латвии и Эстонии со времен Второй мировой войны почти совпадает с литовской, за исключением ряда нюансов. На территории Латвии сегодня проживает от 10 до 12 тыс. мусульман (менее 1% от общего населения страны) [12]. А вот мусульманская община Эстонии сумела восстановиться и с годами только наращивает свой потенциал. Точное количество мусульман, проживающих в Эстонии, разнится в десятки раз: от 1,5 тыс. официально зарегистрированных, до 30 тыс. в совокупности. С уверенностью можно говорить, что сегодня в Эстонии мусульман проживает больше, чем в Латвии и Литве, вместе взятых, и одновременно с этим мусульманская община Эстонии приближается к численности уммы Польши. При этом мусульманская община Эстонии крайне неоднородна. Верховный муфтий Эстонии Ильдар Мухамедшин — татарин, а абсолютное большинство общины — это азербайджанцы, турки, представители Средней Азии и совсем уж экзотических стран Африки и Азии.

Отношения между мусульманами и властями в странах Прибалтики непростые, что проявляется в вопросах как бытовой дискриминации, так и политики (таких как, например, строительство мечетей в Риге и Таллине и др.). Проект ЕС по размещению беженцев и вынужденных переселенцев из мусульманских стран здесь фактически провалился. Так, считанные семьи, которые решились на переезд в Литву, столкнулись на месте с практически тотальной нищетой и агрессивным отношением к себе, многие, получив первые пособия, поспешили покинуть пределы страны.

Для *России*, с ее колоссальной территорией, омываемой множеством морей, статус «балтийская страна» имеет узкоспециальный смысл. С Балтийским регионом корректнее ассоциировать Калининградскую и Ленинградскую области, Санкт-Петербург и некоторые другие субъекты Северо-Запада РФ. Численность мусульман Северной столицы некоторые эксперты оценивают сегодня уже в 12—13% от общего населения мегалополиса.

Традиции секуляризованного советского общества и сегодня отражаются на дискуссии о численности мусульман в России. Общее количество правоверных в стране сегодня чаще всего оценивается примерной цифрой в 15—20 млн человек, то есть около 13% населения РФ.

Многие мусульмане — сезонные рабочие, не имеют регистрации и нигде не состоят на учете. Мультикультурная Россия (с доминантой православия) с 2005 года является наблюдателем в Организации исламского сотрудничества — международном объединении 57 стран. Имея своих представителей в ООН и ЕС, эта организация стремится стать единым голосом мусульман в мире.

Европеизация мигрантов или исламизация европейцев? Модели включения иммигрантов в национальные социумы заметно различаются по странам в зависимости от используемых методов социальной адаптации иммигрантов [4; 7—9; 11; 26; 27; 30 и др.]. Отдельные авторы считают, что, например, Франция практикует так называемую *ассимиляционную* модель, Германия — модель *сегрегации*, Великобритания — *плюралистическую* модель и т. д. [29]. Родившееся на территории Франции лицо автоматически, по *праву почвы*, становится ее гражданином. В основе французской модели лежит установка на постепенное усвоение мигрантами ценностей и стереотипов поведения, принятых на новой родине и, как следствие этого, предполагает отказ граждан от своей прежней идентичности. Предполагается, что именно в этом случае переселенцы могут считаться полноправными членами общества [5].

Суть «сегрегационного» характера немецкой модели (здесь в основу гражданства положен принцип *права крови*) состоит в том, что лицу, родившемуся в иммигрантской семье на территории Германии, стать ее гражданином весьма затруднительно (именно это обстоятельство способствует формированию обособленных иммигрантских общин). Содержание так называемой плюралистической модели Великобритании первоначально ассоциировалось с принятием Британского национального акта, согласно которому устанавливалось единое гражданство для метрополии и ее колоний (прежде всего, Индии, Пакистана и Бангладеш), а позже (с 1985 года) было закреплено пропагандой тезиса о «многокультурном укладе» британского общества. По традиции иммигрантские общины здесь пользуются широкими правами. Но в последние годы и Великобритания ограничивает приток иностранной рабочей силы исключительно высококвалифицированными кадрами (чему способствует введение специальной шкалы баллов для желающих иммигрировать в страну иностранных граждан в зависимости от их образования, квалификации, заработка и т. д.).

Иммиграционные законодательства рыночно развитых стран Балтийского региона в той или иной мере отражают упомянутые модели натурализации иммигрантов. В скандинавских странах, проводящих политику ограничения миграционных потоков, получить гражданство по линии профессиональной иммиграции сегодня практически невозможно. Исключением являются лица, обладающие дефицитной профессией, а также солидным капиталом, способным пополнить социальные и пенсионные фонды. В менее развитых балтийских странах Восточной Европы стимулируется лишь бизнес-иммиграция, с установлением

конкретных требований к уставному капиталу при регистрации собственной фирмы. Политика нынешнего квотирования при распределении Брюсселем беженцев из объятых военными действиями Ближнего Востока все чаще входит в противоречие с иммиграционным законодательством большинства стран ЕС.

Однако суть противоречий еще глубже. Как известно, интеграционные и иммиграционные стратегии, помимо директоратов Европейской комиссии, разрабатываются также министрами по интеграции. Согласно обновленной версии утвержденного ими официального акта «Общие базовые принципы интеграции», акцент делается не столько на приспособление иммигрантов к нормам и негласным правилам данного общества, сколько на *двусторонний процесс обоюдной адаптации граждан*. Дословно иммиграция трактуется как «динамический двухсторонний процесс», предполагающий «взаимное приспособление между всеми иммигрантами и жителями государств» [1, с. 160]. Именно данный тезис, весьма критично воспринимаемый рядом государств из-за спорности «пределов обоюдной трансформации», сегодня бесконечно рецитируется европейскими политиками и представителями экспертного сообщества.

В целом ситуация с иммигрантами мусульманского происхождения остается узлом пока не разрешимых противоречий. Какой бы иммиграционной модели ни следовали страны, их потомки в разных поколениях остаются жить в своем кругу, сохраняют исламскую идентичность, культурные традиции, семейные связи, образуя при этом параллельные общества в виде устойчивых общин иммигрантов на этнической основе. На фоне депопуляционных процессов внутри автохтонного населения количественное разрастание мусульманских диаспор позволяет отдельным авторам говорить о «глобальном контрнаступлении» ислама, все чаще связывая его с демографическим, цивилизационным и политическим прессингом и рассматривая его как угрозу социальной стабильности и национальной идентичности западноевропейских стран.

В большинстве государств Балтийского региона четко фиксируется демографическая тенденция, связанная с «замещающим» ростом мусульманского населения, сопровождающаяся в лучшем случае демографической стагнацией титульного этноса, в худшем — его депопуляцией. Так, по уровню рождаемости «исламизированная» Швеция обогнала Финляндию, в которой в отдельные годы фиксируется превышение смертности над рождаемостью. Конечно, более позитивные социально-экономические сдвиги в Швеции в большей мере способствуют оздоровлению демографической обстановки, но роль растущего количества многодетных семей мусульманских иммигрантов в этом процессе несомненна.

Психологический стресс местного населения, обусловленный перспективой «угасания» титульного этноса, трудно «совмещается» с идеями мультикультурализма и толерантности, пропагандируемыми их адептами [7; 17—19; 28]. Рост радикализации общества в балтийских странах (как, впрочем, и во всей Западной Европе) как реакция насе-

ния на укрепление мусульманской уммы грозит со временем вылиться межконфессиональный конфликт, который, по мнению авторов, в состоянии подвергнуть трансформации даже административно-территориальную карту государств.

Сторонники антиисламского движения в Германии *Pegida* (нем. *Patriotische Europäer gegen die Islamisierung des Abendlandes* — патриотические европейцы против исламизации Запада) под влиянием праворадикальных и особенно популистских сил, ловко используя протестную реакцию немецких граждан на увеличение потока мигрантов из стран Ближнего и Среднего Востока, все чаще выводят местных жителей на многотысячные митинги под лозунгами «За сохранение нашей культуры», «Против религиозного фанатизма», «Против религиозных войн на немецкой земле» и др. [33].

Даже в такой стране, как Финляндия, где практика социальной адаптации иммигрантов (поддержание многих исламских традиций: открытие магазинов с продуктами стандарта «халаль», установление для мусульманок отдельных часов в бассейнах, предоставление врачей-женщин в родильных отделениях, издание исламской литературы и т. д.) нередко ставится «в пример» другим странам, в последние годы ширится кампания против излишней открытости Суоми для мигрантов-мусульман. Так, в 2015 году в стране состоялось несколько митингов под многозначительными лозунгами: «Ислам уничтожит нас» и «Закрывать границы».

Авторы, разделяющие идеи культурного плюрализма, «либерально-эгалитаристского и либертарианского мультикультурализма» [7; 17; 24; 31] иногда склоны преувеличивать возможности интеграции мусульманских иммигрантов в таких странах, как Швеция или Дания, как одних из самых гуманных по отношению к иноэтничному населению. Увы, эти страны не стали исключением из списка государств, где возрастают предубеждения к исламской религии и мусульманам (согласно социологическим опросам, лишь 2—3% респондентов в скандинавских странах положительно относятся к исламу, а более 60% — крайне негативно). И в одной, и в другой стране созданы политические блоки и партии, использующие антииммигрантские лозунги, смысл которых сводится к тому, что мигранты из стран Ближнего Востока не только являются тяжелым бременем для налогоплательщиков, но и представляют реальную угрозу национальным культурам.

Одним из наиболее распространенных заголовков-клише в средствах массовой информации стало выражение *Европеизация мигрантов или исламизация европейцев?*

О возможных сценариях интеграции мусульманского населения. По мнению авторов, существует несколько предсказуемых сценариев, связанных с интеграцией (реинтеграцией?) мусульманского населения Западной Европы, и, в частности, стран Балтийского моря. В культурно-историческом ландшафте, а также психоментальной структуре населения стран Балтийского региона эти сценарии в своем «чистом виде» рабочими не являются. Их можно применить, скорее, в

качестве примеров и «шаблонов», которые, обладая своей собственной особой региональной идентичностью, при их наложении, все равно приведут, на наш взгляд, к антагонизму и конфронтации сторон.

Имитационный сценарий — наиболее востребованная на сегодняшний день модель политики интеграции во всех пяти крупнейших европейских экономиках ЕС: Германии, Великобритании, Франции, Италии и Испании. Эту модель можно охарактеризовать, прежде всего, той ситуацией, которая сложилась с вопросом интеграции и адаптации мигрантов в вышеуказанных государствах, когда огромные средства, направленные на разного рода программы по ассимиляции (прежде всего культурной) мигрантов, не оправдываются результатами в силу формализованности подхода, а также коррупционной составляющей самих моделей. Основная его цель, вместо комплексного решения проблем и задач по адаптации и интеграции мигрантов, — купирование материальными средствами возникающих из-за реализации этого сценария издержек.

Конфронтационный сценарий. Этой модели в скрытой форме уже придерживается ряд стран Северной Европы — Нидерланды и Дания. Если в Латвии и Эстонии в адрес русскоязычного населения, действует открытая политика апартида и апартеида, то в Нидерландах по отношению к мусульманам она проходит завуалированно. По этой причине на протяжении последних 10 лет Нидерланды продолжают нести серьезные имиджевые издержки внутри ЕС, а Дания — внушительные, экономические, ибо среди мусульман всего мира есть негласный бойкот на товары из вышеуказанных стран. Наблюдается также воздержание от опосредованных услуг фирм и компаний, связанных, пусть и косвенно, с этими государствами. Основная цель конфронтационного сценария — вместо комплексного решения проблем и задач по адаптации и интеграции мигрантов — их физическое выдавливание (преимущественно мусульманского населения) с территорий государства путем создания невыносимых, а порой и просто невозможных условий для жизни.

Сингапурский сценарий считается одной из наиболее «прогрессивных» моделей адаптации и интеграции мигрантов в мире для развитых стран. Система была создана от безысходности и соткана на основе внутренних противоречий Сингапура, поэтому есть серьезные основания сомневаться в ее универсальности и долговечности. В Сингапуре преимущественно распространено сегрегированное расселение этноконфессиональных групп, за этим ведется строгий контроль со стороны государства. К примеру, в одном квартале не должны жить более 25% малайцев или 13% индийцев. Но в этой модели есть и свои положительные стороны, одна из которых — как только в квартале количество мусульман подходит к 20—25%, мечеть в этом квартале строится за счет государства и передается в собственность общины. Помимо этого, государство признает некоторые нормативно-правовые акты, среди которых — акты гражданского состояния, шариатские суды в вопросах наследования и т. д. Также Конституция Сингапура (ст. 152) запрещает миссионерскую деятельность среди религиозных меньшинств. Этот

сценарий противоречит основополагающим принципам декларируемых в Европе ценностей — прежде всего, личной свободы выбора, свободы передвижения и выбора места жительства, а также неприкосновенности частной жизни.

Палестинский сценарий представляется авторам наиболее реальным для стран Балтийского региона в связи с наблюдающимся сознательным отказом мигрантов от адаптации и интеграции в принимающий их социум. По сути, этот вариант — геттоизация территорий, в основном крупных городов или даже целых городских агломераций со значительным мусульманским населением по примеру *сектора Газа*. Возможен также вариант создания более пространственных резерваций наподобие Западного берега реки Иордан. Кстати, в непростых условиях чеченской войны и даже после создания Чеченской республики Ичкерия РФ отказалась от реализации «Палестинского сценария». После нормализации обстановки, Россию направила все свои усилия в пользу максимально возможной интеграции Чечни и ее народа в РФ.

Если в странах региона получится выработать какой-то собственный вариант, найти уникальный интеграционно-адаптационный путь развития мусульманского населения в своих государствах, это положительно скажется на всех участниках данного процесса.

Список литературы

1. *Бородай С.* Ислам в современной Европе: демография, интеграция, перспективы // Ислам в современном мире. 2013. № 1—2. URL: <http://www.idmedina.ru/books/islamic> (дата обращения: 15.03.2017).
2. *Волкова Т. П.* Классические философские концепции мультикультурализма и толерантности // Вестник МГТУ. 2011. Т. 14, № 2. С. 254—259.
3. *Емельянов И. В.* Ислам в Польше. Полумесяц под крылом белого орла // Медина аль-ислам. 2008. № 76. URL: <http://www.islamrf.ru/news/culture/islam-world/4188/> (дата обращения: 15.03.2017).
4. *Рязанцев С. В.* Опыт и проблемы регулирования миграционных потоков в странах Западной Европы. М., 2001.
5. *Тандонне М.* Иммиграционная политика Франции и проблема нелегальной миграции // Иммиграционная политика западных стран: Альтернативы для России. М., 2002. С. 204—212.
6. *Сапего Г.* Иммигранты в Западной Европе // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 9. С. 50—58.
7. *Уолцер М.* О терпимости. М., 2000.
8. *Четверикова О.* Ислам в современной Европе // Россия в 21 веке. М., 2005. С. 53—77.
9. *Atkinson R., Davoudi S.* The Concept of Social Exclusion in the European Union: Concept, Development and Possibilities // Journal of Common Market Studies. 2000. Vol. 38, № 3. P. 427—448.
10. *Barry B.* Culture and Equality: an Egalitarian Critique of Multiculturalism. Cambridge, 2001. P. 36.
11. *Brown A.* Do we need mass immigration? L., 2002. P. 153.
12. *Census 2011.* Population by religious community indicated, municipalities // Official Statistics Portal (OSP). URL: <http://osp.stat.gov.lt/en/2011-m.-surasymas> (дата обращения: 11.04.2017).

13. *Culture shock hits refugees in Karasjok*. URL: <http://www.newsinenglish.no/2017/02/09/culture-shock-hits-refugees-in-karasjok> (дата обращения: 11.04.2017).
14. *Danmarks Statistic. Stigning i arbejdsstyrken*. URL: <http://www.dst.dk/da/Statistik/NytHtml?cid=20613> (дата обращения: 11.04.2017).
15. *Handbook on Integration for policy — makers and practitioners*. European Commission, 2010.
16. *Jacobsen B. A. Hvor mange muslimer bor der i Danmark?* URL: <https://www.religion.dk/religionsanalysen/hvor-mange-indvandrere-lever-i-danmark/april2016> (дата обращения: 01.04.2017).
17. *Kukathas Ch. The Liberal Archipelago: a theory of diversity and Liberal vision* // Oxford Scholarship Online. 2003. URL: <http://www.oxfordscholarship.com/view/10.1093/019925754X.001.0001/acprof-9780199257546> (дата обращения: 11.04.2017).
18. *Kymlicka W. Finding Our Way. Rethinking Ethnocultural Relations in Canada*. Toronto ; Oxford ; N. Y., 1998.
19. *Kymlicka W. Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights*. Oxford, 1995.
20. *Leiken S. Bearers of Global Jihad? Immigration and National Security after 9/11*. Washington, 2004. P. 44—48.
21. *Nielsen S. J. Islam in Denmark: The Challenge of Diversity*. Lanham MD, 2012.
22. *Nielsen S. J. Muslim Political Participation in Europe*. Edinburgh, 2013.
23. *Okin S. Multiculturalism Bad for Women?* Princeton, 1999.
24. *Parekh B. C. Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory*. Cambridge, Mass., 2002.
25. *Poland «changing for the worse» for Muslims and refugees* // EUobserver. URL: <https://euobserver.com/beyond-brussels/134447> (дата обращения: 15.03.2017).
26. *Rasmussen H. K. No entry: Immigration policy in Europe*. Copenhagen, 1997.
27. *Roy O. Globalized Islam: The search for a new Ummah*. N. Y., 2004.
28. *Taylor Ch. Multiculturalism and the «Politics of Recognition»*. Princeton, 1992.
29. *Tibi B. Islamische Zuwanderung. Die gescheiterte Integration*. Stuttgart ; München, 2002. S. 102—143.
30. *Vitorino A. Towards a Common Migration Policy for the European Union: Opening Speech for the Conference on «Migrations: Scenarios for the 21st Century»* Deliveiy. Rome, 2000.
31. *Young I. Justice and the Politics of Difference*. Princeton, 1990.
32. *Wagner S., Powell J. Ethnisch-kulturelle Ungleichheit im deutschen Bildungssystem Zur Überrepräsentanz von Migrantenjugendlichen an Sonderschulen*. Heidelberg, 2003. P. 183—208.
33. *Wie viele Muslime leben in Deutschland?* URL: http://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Publikationen/WorkingPapers/wp71-zahl-muslime-deutschland.pdf?_blob=publicationFile (дата обращения: 12.03.2017).

Об авторах

Гладкий Юрий Никифорович, доктор географических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заведующий кафедрой экономической географии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия.

E-mail: Gladky43@rambler.ru

Гладкий Игорь Юрьевич, доктор географических наук, доцент кафедры физической географии и природопользования, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия.

E-mail: Gladky68@gambler.ru

Эйдемиллер Константин Юрьевич, кандидат географических наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия.

E-mail: keidemiller@gmail.com

Для цитирования:

Гладкий Ю. Н., Гладкий И. Ю., Эйдемиллер К. Ю. Исламская «диффузия» в странах Балтийского региона: плоды европейского мультикультурализма // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 3. С. 43—62. doi: 10.5922/2074-9848-2017-3-3.

ISLAMIC DIFFUSION IN THE BALTICS:
THE FRUIT OF EUROPEAN MULTICULTURALISM

Yu. N. Gladkiy¹

I. Yu. Gladkiy¹

K. Yu. Eidemiller²

¹ *A. I. Herzen Russian State Pedagogical University
48 Moiki nab., Saint Petersburg, 191186, Russia*

² *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
29 Polytechnicheskaya ul., Saint Petersburg, 195251, Russia*

Submitted on April 19, 2017

This article considers Western Europe as a principal centre that has been attracting migrants over recent decades, primarily, in the aftermath of the Arab Spring. The Baltic region states are chosen for demonstration. Although they have different proportions of Muslim immigrants, Muslim diasporas are the most numerous and rapidly growing ones in the Baltics. Undoubtedly, Muslim communities across the region enjoy certain similarities. The differences they have are explained, among other factors, by national policies towards migrant integration. This article aims to identify the features of Muslim migration to the Baltic States in the aftermath of the Arab Spring. The authors analyse the timeline of Muslim immigration to the Baltic region. It is stressed that, despite current difficulties, Germany and Finland are more successful in integrating immigrants than, for instance, Sweden and Denmark. Just like other Western European countries, the Baltic States have not developed a conceptual framework for their migration and integration policies towards Muslim immigrants. The authors describe possible Muslim integration scenarios — the Singaporean and Palestinian ones, simulation, and confrontation. Given their apparent conscientious refusal to adapt and integrate migrants, the Baltic States are most likely to face the Palestinian scenario.

Key words: multiculturalism, immigration, Muslim community, Baltic region states, adaptation of migrants, integration scenarios

References

1. Boroday, S. 2013, Islam in modern Europe: demography, integration, prospects, *Islam v sovremennom mire* [Islam in the modern world], no. 1—2 (29—30), available atL: <http://www.idmedina.ru/books/islamic> (accessed: 15.03.2017). (in Russ.)
2. Volkova, T.P. 2011, Classic philosophical concepts of multiculturalism and tolerance, *Bulletin of the MGTU*, Vol. 14, no. 2, p. 254—259. (in Russ.)
3. Emelyanov, I.V. 2008, Islam in Poland. The Crescent moon under the wing of a white eagle, *Medina al-Islam*, no. 76. (in Russ.)
4. Ryazantsev, S.V. 2001, *Opyt i problemy regulirovaniya migratsionnykh potokov v stranakh Zapadnoi Evropy* [Experience and problems of migration management in the countries of Western Europe], Moscow, 71 p. (in Russ.)
5. Tantone, M. 2002, Immigration policies of France and the issue of illegal immigration, *Immigratsionnaya politika zapadnykh stran: Al'ternativy dlya Rossii* [Immigration policies of Western countries: Alternatives for Russia], Moscow, p. 204—212. (in Russ.)
6. Sapega, G. 2006, Immigrants in Western Europe, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations], no. 9, p. 50—58. (in Russ.)
7. Walzer M. 1997, *On Toleration*, New Haven.
8. Chetverikova, O. 2005, Islam in modern Europe, *Rossiya v 21 veke* [Russia in the 21st century], February 2005, Moscow, p. 53—77.
9. Atkinson, R., Davoudi, S. 2000, The Concept of Social Exclusion in the European Union: Concept, Development and Possibilities, *Journal of Common Market Studies*, Vol. 38, no. 3, p.427—448. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-5965.00229>.
10. Barry B. 2001, *Culture and Equality: an Egalitarian Critique of Multiculturalism*, Cambridge, p. 36.
11. Brown, A. 2003, Do we need mass immigration? *Lancing*, no. 6, 150p.
12. Population by religious community indicated, municipalities, 2011, *Official Statistics Portal (OSP)*, available at: <http://osp.stat.gov.lt/en/2011-m.-surasymas> (accessed 11.4.2017).
13. Berglund, N. 2017, Culture shock hits refugees in Karasjok, *Newsinenglish.no*, available at: <http://www.newsinenglish.no/2017/02/09/culture-shock-hits-refugees-in-karasjok> (accessed 11.4.2017).
14. *Danmarks Statistic*, 2015, available at: <http://www.dst.dk/da/Statistik/NytHtml?cid=20613> (accessed 11.04.2017).
15. *Handbook on Integration for policy — makers and practitioners*, 2010, Third edition. European Comission, 174 pp.
16. Jacobsen, B.A. 2016, Hvor mange muslimer bor der i Danmark? *Kristeligt Dagblad*, available at: <https://www.religion.dk/religionsanalysen/hvor-mange-indvandrere-lever-i-danmark> (accessed 01.04.2017).
17. Kukathas, Ch. 2003, *The Liberal Archipelago: a theory of diversity and Liberal vision*, Oxford Scholarship Online, available at: <http://www.oxfordscholarship.com/view/10.1093/019925754X.001.0001/acprof-9780199257546> (accessed 11.04.2017). DOI: 10.1093/019925754X.001.0001
18. Kymlicka W. 1998, *Finding Our Way. Rethinking Ethnocultural Relations in Canada*, Toronto, Oxford, N.Y., p. 102.
19. Kymlicka, W. 1995, *Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights*, Oxford, 296 p.
20. Leiken, S. 2004, *Bearers of Global Jihad? Immigration and National Security after 9/11*, Washington, p. 44—48.

21. Nielsen, S.J. 2012, *Islam in Denmark: The Challenge of Diversity*, ed., Lanham MD, Lexington, 262 p.
22. Nielsen, S.J. 2013, *Muslim Political Participation in Europe*, Edinburgh, 360 p. DOI: <https://doi.org/10.3366/edinburgh/9780748646944.001.0001>.
23. Okin, S. 1999, *Multiculturalism Bad for Women?* Princeton, Princeton University Press, 146 p.
24. Parekh, B.C. 2002, *Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory*, Cambridge, Mass, 400 p.
25. Bienvenu, H. 2016, Poland «changing for the worse» for Muslims and refugees, *EUobserver*, available at: <https://euobserver.com/beyond-brussels/134447> (accessed 15.03.2017).
26. Rasmussen, H.K. 1997, *No entry: Immigration policy in Europe*. Copenhagen, 206 p.
27. Roy, O. 2004, *Globalized Islam: The search for a new Ummah*, N.Y., 304 p.
28. Taylor, Ch. 1992, *Multiculturalism and the «Politics of Recognition»*, Princeton, 262 p.
29. Tibi, B. 2002, *Islamische Zuwanderung. Die gescheiterte Integration*, Stuttgart, München, p. 102—143.
30. *Towards a Common Migration Policy for the European Union*, 2000, Opening Speech by Commissioner Antonio Vitorino for the Conference on «Migrations: Scenarios for the 21st Century» Deliveiy, Rome.
31. Young, I. 1990, *Justice and the Politics of Difference*, Princeton, 304 p.
32. Wagner, S., Powell, J. 2003, *Ethnisch-kulturelle Ungleichheit im deutschen Bildungssystem Zur Überrepräsentanz von Migrantenjünglichen an Sonderschulen*, Heidelberg, p. 183—208.
33. Stichs, A. Wie viele Muslime leben in Deutschland? *Federal Office for Migration and Refugees*, available at: http://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Publikationen/WorkingPapers/wp71-zahl-muslime-deutschland.pdf?_blob=publicationFile (accessed 12.03.2017).

The authors

Prof. Yuri N. Gladkiy, Head of the Department of Economic Geography, Herzen State Pedagogical University, Russia.

E-mail: Gladky43@rambler.ru

Prof. Igor Yu. Gladkiy, Associate Professor, Department of Physical Geography and Environmental Management, Herzen State Pedagogical University, Russia.

E-mail: Gladky68@rambler.ru

Konstantin Yu. Eidemiller, Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University, Russia.

E-mail: keidemiller@gmail.com

To cite this article:

Gladkiy Yu. N., Gladkiy I. Yu., Eidemiller K. Yu. 2017, Islamic Diffusion in the Baltics: The Fruit of European Multiculturalism, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 3, p. 43—62. doi: 10.5922/2074-9848-2017-3-3.

**ИНДЕКС РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
ПОТЕНЦИАЛА
КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ
УРОВНЯ СОЦИАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ СТРАН
БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА**

И. С. Гуменюк¹

В целях актуализации стратегии развития России целесообразно сравнить РФ по уровню социального развития с другими странами Балтийского региона, часть из которых относится к мировым лидерам по качеству жизни населения. Наиболее популярным инструментом сопоставления стран по уровню социального развития являются комплексные интегральные показатели, при расчете которых учитываются различные компоненты, определяющие качество жизни населения. Проводится анализ современного уровня социального развития стран Балтийского региона, также представлена динамика его изменения в период с 1990 по 2016 год. Анализ производится на основе значений индекса развития человеческого потенциала, именуемого также индексом человеческого развития. Обладая как неоспоримыми преимуществами, так и существенными недостатками, данный индекс по-прежнему остается самым популярным и авторитетным инструментом оценки уровня социального развития страны.

Статистический анализ социального уровня развития с использованием результатов значений индекса развития человеческого потенциала позволяет дифференцировать страны Балтийского региона по трем группам, различающимся как современным уровнем социального развития, так и особенностями его развития в исследуемый отрезок времени. Делается вывод, что за весь период исследования наибольший разрыв в уровне социального развития между странами Балтийского региона наблюдался в 2000 году. В дальнейшем для стран региона был характерен процесс сокращения уровня разрыва, в первую очередь за счет активного социального развития стран третьей группы: Литвы, Латвии, России. С учетом характера социально-экономического развития стран Балтий-

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 26.02.2017 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2017-3-4

© Гуменюк И. С., 2017

ского региона в период 2015—2016 годов с высокой долей уверенности можно прогнозировать, что в ближайшие годы для всех стран региона будет характерно снижение темпов роста уровня социального развития, сопровождающееся одновременным усилением разрыва в уровне социального развития между странами.

Ключевые слова: социальное развитие государства, Балтийский регион, индекс развития человеческого потенциала, индекс человеческого развития

Введение

Повышение социального уровня развития, чаще всего определяемое через улучшение качества жизни и роста благосостояния населения [6], — первостепенная задача страны, развивающейся по принципам социального государства. Выступая ключевой задачей национального развития, повышение уровня социального развития одновременно является необходимым условием для экономического роста и повышения глобальной конкурентоспособности государства [1]. П. Кругман выделял роль человеческого капитала как важного фактора «второй природы» в развитии территории любого уровня [14]. Чем выше качество жизни населения, тем выше эффективность трудовых ресурсов, выступающих важнейшим фактором экономического роста. Уровень социального развития страны также определяет ее международную привлекательность и возможности привлечения внешних инвесторов и качественных трудовых ресурсов. Поэтому задача по оценке уровня социального развития страны, в том числе в контексте межстранового сопоставления и анализа, обладает важным исследовательским и прикладным значением.

Формулируя, каким должен быть уровень социального развития в стране, исследователи и представители общественных организаций зачастую в качестве примера, к которому должна стремиться Россия, приводят страны Европейского союза, чаще всего входящие в Балтийский регион (Швеция, Дания, Финляндия, Германия). В связи с этим представляется актуальным сопоставить и проанализировать уровень социального развития в государствах Балтийского региона, к которым традиционно принято относить Германию, Данию, Швецию, Финляндию, Польшу, Россию, Литву, Латвию и Эстонию [7]. Целесообразно определить ключевые тенденции социального развития этих стран, выявить, какое место среди них занимает Россия.

Выбор методики оценки стран по уровню социального развития

Сопоставление стран по уровню социального развития, безусловно, относится к категории комплексных задач, так как само понятие «социальное развитие страны» является многоаспектным, подразумевающим учет как количественных, так и качественных показателей, определя-

ющих характер и специфику качества и уровня жизни населения страны. Чаще всего для проведения таких межстрановых сравнений принято использовать интегральные показатели, которые рассчитываются на основе учета нескольких количественных или качественных показателей, характеризующих различные аспекты социального развития. При этом подходы к содержанию понятия социального развития, а соответственно, и к применяемым для его оценки параметрам активно изменялись по мере роста числа исследований по данной теме.

В работе «Качество жизни населения: грани проблемы в фокусе преобразований» [6] авторы выделяют четыре последовательных периода исследования социальной жизни:

1) конец 1940-х — начало 1960-х годов. В этот период в качестве социальных использовались стоимостные показатели, показатели системы социальных счетов и др.;

2) 1960-е годы — период создания первых комплексных систем социальных индикаторов; разрабатываются индексы удовлетворенности личности, различными сферами жизнедеятельности. Социальные индикаторы получают практическое применение при определении целей социальной политики, при оценке различных социальных программ;

3) 1970—1990-е годы — для данного периода характерна постановка задач разработки комплекса социальных показателей и формирования общих требований к системам социальных индикаторов;

4) современный этап, начавшийся в 1990-е годы, — характерно внимание к вопросам организации социально-экономического планирования, повышения благосостояния, улучшения условий и качества жизни. Качество жизни становится интегральным индикатором оценки социальных программ, проектов, определителем условий жизнедеятельности.

Многообразие исследовательских подходов к определению и содержанию понятий «социальное развитие» и «качество жизни населения» [3] привело к появлению многих интегральных показателей оценки разной степени авторитетности и популярности применения. Все существующие подходы и методики определения уровня социального развития и качества жизни населения М. А. Исакин [5, с. 29] предлагает разделить на три группы — в зависимости от выбора лица, с позиции которого следует оценивать качество жизни:

1) объективные концепции, в которых методика расчета строится на использовании объективных, независимых от чьего-либо мнения показателей;

2) субъективные концепции, строящиеся на учете представлений людей об их жизненных условиях. Стоит также в эту группу отнести методики, использующие экспертные оценки, как инструмент определения уровня социального развития;

3) комбинированные концепции, сочетающие в себе объективные и субъективные факторы качества жизни.

В рамках данной статьи стоит задача сопоставления современного социального уровня развития в странах Балтийского региона и особен-

ностей его изменения в предыдущие годы. В связи с этим возникает актуальный вопрос, какую методику стоит взять за основу при проведении такого межстранового сопоставления. Целесообразно в этом случае использовать методику, получившую наибольшую популярность, имеющую общественное и экспертное признание, разработанную и применяемую авторитетной организацией. Интересный практический инструмент проведения отбора методики приведен в статье И. Н. Рубанова и В. С. Тикунова «О методике оценки индекса развития человеческого потенциала и его использования в российских условиях» [8]. Авторы применяли при анализе популярности различных методик показатель частоты упоминаний каждой методики в сети Интернет. Повторив данную процедуру с учетом современного уровня популярности, было произведено ранжирование наиболее известных методик (табл. 1).

Таблица 1

**Ранжирование по популярности цитирования основных методик
оценки социального уровня развития стран**

Англоязычный термин (и его аббревиатура)	Русскоязычный термин / перевод	Разработчик / заказчик	Индекс цитируемости*
Human Development Index (HDI)	Индекс развития человеческого потенциала	ООН	35 990 000
Gross National Happiness (GNH)	Валовое национальное счастье	Король Бутана Jigme Singye Wangchuck	6 520 000
Social Progress Index (SPI)	Индекс социального прогресса	Гарвардская школа бизнеса и Массачусетский технологический институт	4 380 000
Better Life Index (BLI)	Индекс удовлетворенности жизнью	Комиссия по основным показателям экономической деятельности и социального прогресса	3 390 000
World Happiness Index (WHI)	Уровень счастья населения страны	Подразделение ООН по поиску стабильного развития	1 450 000
Happy Planet Index (HPI)	Всемирный индекс счастья	Фонд «Новая экономика» (New Economics Foundation) (NEF)	760 000
Genuine Progress Indicator (GPI)	Индикатор истинного прогресса	Общественный некоммерческий институт Redefining Progress	740 000
Quality-of-life	Индекс качества жизни	Журнал «The Economist»	486 000

Окончание табл. 1

Англоязычный термин (и его аббревиатура)	Русскоязычный термин / перевод	Разработчик / заказчик	Индекс цитируемости*
Physical quality of life index	Индекс физического качества жизни	Британский совет по внешним исследованиям	130 000
Vanderford-Riley wellbeing schedule	Индекс благосостояния Вандерфорда-Рили	н/д	5 260

* Количество упоминаний в сети Интернет (по данным Google.com на 24 марта 2017 года).

Источник: разработано автором.

Результаты позволяют сделать вывод, что наиболее используемой и широко известной в настоящее время методикой является Индекс развития человеческого потенциала — ИРЧП (Human Development index — HDI). Данный интегральный показатель был разработан для Программы развития ООН (ПРООН) и ежегодно рассчитывается для всех стран ООН с 1990 года.

Индекс развития человеческого потенциала: достоинства и недостатки методики

В первоначальной версии методики расчета данного индекса учитывались три показателя, характеризующие ключевые элементы социального развития в стране:

1) ожидаемая продолжительность жизни — показатель, который в равной степени оценивает как уровень развития медицины в стране, так и состояние окружающей среды, качество питания, доступность для основных групп населения лекарств, медикаментов и пр.;

2) уровень грамотности населения страны (среднее количество лет, потраченных на обучение) — оценивает доступность для населения страны базовых образовательных услуг, а также дает представление о качестве трудовых ресурсов;

3) уровень жизни населения страны, оцениваемый через валовый национальный доход (ВНД) на душу населения, по паритету покупательной способности [19].

Индекс развития человеческого потенциала обладает рядом преимуществ перед другими методами оценки социального развития.

1. Данная методика относится к числу объективных концепций, строится на использовании достоверной статистической информации. Это делает результаты исследования доступными для перепроверки, а также исключает часто искаженные субъективные оценки экспертов или населения страны.

2. Данная методика имеет достаточно продолжительный период применения (начиная с 1990 года) и ежегодно рассчитывается для всех стран — членов ООН. Благодаря этому HDI¹ можно использовать, с одной стороны, для межстранового сопоставления современного уровня социального развития. С другой стороны, данный интегральный показатель позволяет проводить анализ изменений интенсивности и характера социального развития в конкретной стране за последние 25 лет. Большая часть других популярных методик либо относительно молоды, либо используются на нерегулярной основе, что затрудняет их практическое применение.

3. Индекс развития человеческого потенциала может использоваться для сопоставления уровня социального развития как на страновом, так и на макро- или микроуровне. Авторы ежегодного глобального рейтинга, публикуемого по заказу ПРООН, представляют сводные результаты расчета уровня социального развития не только по странам, но и в разрезе макрорегионов. В России имеются публикации, в которых методика применяется на уровне субъектов РФ [4; 9]. Методика расчета HDI позволяет проводить сравнения не только между макрорегионами или отдельными странами, но и между конкретными регионами этих стран, выявляя тенденции социального развития на локальных территориях.

Обладая несомненными достоинствами, предлагаемый ООН интегральный показатель имеет и множество недостатков. Практически с начала своего появления метод приобрел немало критиков, замечания которых условно можно разделить на три группы.

1. Критика технологии расчета индекса. Исследователи [12; 28] критиковали весовую равнозначность используемых параметров в итоговом значении HDI. Как отмечают в своей статье Д. Хоу и др. [18], страны, имеющие примерно равное значение HDI, могли существенно различаться по уровню развития различных компонентов. Высокие значения одного из компонентов индекса могли нивелировать в совокупном значении HDI слабое развитие других составляющих. Кроме того, к критике технологии расчета индекса можно отнести сильную прямую зависимость значения HDI с величиной ВВП на душу населения в стране. В статье И. В. Бубиса и др. [2] произведен корреляционный анализ между этими показателями, доказавший сильную прямую связь между ними. На практике это означает что показатель, призванный оценивать комплексный характер социального развития сильно зависит от уровня благосостояния в стране, и слабо коррелируется с уровнем развития других важных компонентов качества жизни населения. Как итог, многие авторы предлагали свои варианты совершенствования технологии расчета показателя HDI [30; 33; 34].

2. Замечания второй группы касались параметров, которые использовались при расчете индекса HDI. Многие исследователи указывали, что применяемые параметры охватывают не все аспекты качества жизни населения. Среди наиболее популярных параметров, чаще всего отмечающихся в числе недостающих: параметры оценки экологического

¹ Здесь и далее Индекс развития человеческого потенциала будет обозначаться английской аббревиатурой HDI.

состояния условий проживания населения [15; 32]; параметры оценки гражданских прав и политических свобод [11]; параметры оценки равных возможностей доступа к социальным услугам и уровень социального неравенства в стране [31; 35].

3. Третья группа критиков негативно оценивают HDI как инструмент объективной оценки современного уровня социального развития в стране. Исследователи, чью критику можно отнести к этой группе [13; 17; 27], отмечают, что используемые параметры — чаще всего результат длительных процессов и явлений (например, ожидаемая продолжительность жизни), а сам индекс описывает в большей степени картину прошлого, а не существующую ситуацию. И любая попытка изменить положение, предпринимаемая государством, найдет отражение в рейтинге не сразу, а лишь через продолжительный промежуток времени. Как итог, индекс не дает представления о том, какую социальную политику в настоящее время проводит каждое государство, на решении каких задач оно сосредоточено в первую очередь.

Авторы исследования, принимая критику, ежегодно актуализировали методику расчетов, а в 2010 году существенно ее доработали (путем корректировки показателей с учетом уровня социального неравенства внутри стран), после чего сам индекс поменял свое название на «Индекс человеческого развития» (ИЧР). При этом число критиков данного показателя, предлагавших свои варианты дальнейшей модернизации методики, не стало меньше [10; 29; 36].

Несмотря на всю имеющуюся критику, индекс развития человеческого потенциала остается самым популярным и авторитетным международным показателем оценки уровня социального развития стран, позволяющий проводить анализ между всеми странами — членами ООН, в том числе и расположенными в фокусе данной статьи странами Балтийского региона.

Результаты сопоставления стран Балтийского региона по уровню социального развития

В таблице 2 предоставлены значения HDI для стран Балтийского региона в период с 1991 по 2016 год. Также для сравнения в таблице указаны первые 10 стран рейтинга для каждого представленного года. В докладе 1991 года (в первом по времени появлении докладе 1990 года общего рейтинга HDI в разрезе отдельных стран представлено не было) шесть стран Балтийского региона располагались в верхней части списка. Швеция входила в число 10 лучших стран (5-е место), Германия, Дания и Финляндия входили в первую двадцатку, Польша и СССР располагались на 32-м и 33-м местах соответственно (табл. 2). В рейтинге 1995 года представлены девять стран Балтийского региона, в числе лидеров — Финляндия и Швеция. Самый низкий показатель HDI у Литвы, занимающей 72-е место. После кардинальной переработки методики расчета индекса, произошедшей в 2010 году, существенно изменились как количественные результаты показателя, так и расположение стран Балтийского региона в рейтинге.

Страны Балтийского региона в рейтинге стран по показателю Индекс развития человеческого потенциала (HDI) в период с 1991 по 2016 год

1991		1995		2000		2005		2010		2016				
Место в рейтинге	Страна	HDI	Место в рейтинге	Страна	HDI	Место в рейтинге	Страна	HDI	Место в рейтинге	Страна	HDI			
Первые 10 стран рейтинга*														
1	Канада	0,982	1	Канада	0,935	1	Норвегия	0,963	1	Норвегия	0,938	1	Норвегия	0,949
2	Япония	0,981	2	США	0,938	2	Исландия	0,956	2	Австралия	0,937	2	Австралия	0,939
3	Норвегия	0,978	3	Япония	0,937	3	Австралия	0,955	3	Новая Зеландия	0,907	3	Швейцария	0,939
4	Швейцария	0,977	4	Нидерланды	0,936	4	Люксембург	0,949	4	США	0,902	4	Германия	0,926
5	Швеция	0,976	5	Финляндия	0,934	5	Исландия	0,949	5	Ирландия	0,895	5	Дания	0,925
6	США	0,976	6	Исландия	0,933	6	Швеция	0,949	6	Лихтенштейн	0,891	6	Сингапур	0,925
7	Австралия	0,971	7	Норвегия	0,933	7	Бельгия	0,947	7	Нидерланды	0,890	7	Нидерланды	0,924
8	Франция	0,969	8	Франция	0,931	8	Нидерланды	0,946	8	Канада	0,888	8	Ирландия	0,923
9	Нидерланды	0,968	9	Испания	0,930	9	Япония	0,945	9	Швеция	0,885	9	Исландия	0,921
10	Великобритания	0,962	10	Швеция	0,929	10	Великобритания	0,944	10	Германия	0,885	10	Канада	0,920
Страны Балтийского региона														
12	Германия	0,955	15	Германия	0,921	11	Финляндия	0,917	13	Финляндия	0,941	16	Финляндия	0,913
13	Дания	0,953	16	Дания	0,920	14	Германия	0,911	14	Дания	0,941	19	Дания	0,866
14	Финляндия	0,953	43	Эстония	0,862	15	Дания	0,911	20	Германия	0,930	34	Эстония	0,865
32	Польша	0,874	48	Латвия	0,857	44	Польша	0,814	36	Польша	0,858	41	Польша	0,795
33	СССР	0,873	51	Польша	0,855	46	Эстония	0,801	38	Эстония	0,853	44	Литва	0,848
			52	Россия	0,849	52	Литва	0,789	39	Литва	0,852	48	Латвия	0,830
			71	Литва	0,796	62	Россия	0,771	48	Латвия	0,836	65	Россия	0,804
						63	Латвия	0,771	62	Россия	0,795			

* Примечание: страны Балтийского региона выделены полужирным курсивом.
 Источник: Составлено автором на основе данных: [20—25].

Если в 2005 году лидер рейтинга — Норвегия — имела значение HDI — 0,963, то в 2010 году при сохранении лидерства значение HDI Норвегии снизилось до 0,938. В рейтинге 2010 года среди стран Балтийского региона в число первых 10 вошли Швеция и Германия, у которых также существенно сократилось значение HDI (примерно на 0,05 пункта). Все остальные страны Балтийского региона ухудшили свои позиции в рейтинге 2010 года по сравнению с 2005-м. В последнем на сегодняшний день опубликованном рейтинге 2016 года в число мировых лидеров из стран Балтийского региона вошли Германия и Дания. Швеция и Финляндия снизили свои позиции, в то время как остальные страны Балтийского региона показали положительную динамику. В рейтинге 2016 года все страны региона входят в число 50 лучших стран.

Целесообразно более внимательно рассмотреть динамику изменения значения HDI стран Балтийского региона в период 2010—2016 годов, в том числе в разрезе отдельных показателей, определяющих итоговое значение индекса. Эти данные представлены в таблице 3, показатели скорректированы с учетом социального неравенства внутри страны.

Таблица 3

**Значение HDI и его составляющих для стран Балтийского региона
в рейтинге 2010 и 2016 годов**

Страна	2010					2016				
	HDI	HDI с поправкой на неравенство	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении с учетом неравенства	Индекс образования с учетом неравенства	Индекс дохода с поправкой на неравенство	HDI	HDI с поправкой на неравенство	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении с учетом неравенства	Индекс образования с учетом неравенства	Индекс дохода с поправкой на неравенство
Швеция	0,885	0,824	0,934	0,825	0,726	0,913	0,851	0,928	0,826	0,806
Германия	0,885	0,814	0,911	0,858	0,689	0,926	0,859	0,905	0,891	0,787
Финляндия	0,871	0,806	0,913	0,805	0,711	0,895	0,843	0,907	0,830	0,796
Дания	0,866	0,810	0,884	0,813	0,738	0,925	0,858	0,894	0,896	0,789
Эстония	0,812	0,733	0,784	0,851	0,590	0,865	0,788	0,835	0,856	0,684
Польша	0,795	0,709	0,829	0,728	0,590	0,848	0,770	0,840	0,806	0,685
Литва	0,783	0,693	0,752	0,804	0,551	0,848	0,759	0,778	0,833	0,675
Латвия	0,769	0,684	0,768	0,778	0,536	0,830	0,742	0,780	0,803	0,653
Россия	0,719	0,636	0,661	0,631	0,616	0,804	0,725	0,705	0,796	0,678

Источник: [24; 26].

Как видно из таблицы 3, среди всех показателей, входящих в HDI, самый большой разрыв по странам Балтийского региона наблюдался по показателю «Ожидаемая продолжительность жизни при рождении с учетом неравенства». Разница между наибольшим (Швеция) и наименьшим (Россия) значениями составила в 2016 году 0,223 пункта. Наименьший разрыв по странам региона — по показателю «Индекс образования с учетом неравенства». Разница по итогам 2016 года составила 0,1 пункта.

Основной вывод, который можно сделать, анализируя таблицу 3, для стран Балтийского региона в период 2010—2016 годов был характерен процесс сокращения разрыва в уровне социального развития. Если в 2010 году разница между наибольшим (Швеция) и наименьшим (Россия) значениями HDI составляла 0,166, то в 2016 году она сократилась до 0,122. По остальным параметрам темпы выравнивания еще выше: разница в показателе «Индекс дохода с поправкой на неравенство» уменьшилась с 0,202 до 0,153 пунктов (–0,049), разница в показателе «Ожидаемая продолжительность жизни при рождении с учетом неравенства» — с 0,273 до 0,223 (–0,50), разница в показателе «HDI с поправкой на неравенство» — с 0,188 до 0,122 (–0,054). Самые существенные темпы выравнивания страны Балтийского региона продемонстрировали по показателю «Индекс образования с учетом неравенства»: разница между самым высоким и самым низким значениями уменьшилась с 0,227 до 0,1 (–0,127).

Анализ динамики уровня социального развития стран Балтийского региона с использованием Индекса человеческого развития в период с 1990 по 2016 год выявил существенные сложности его использования в ретроспективном плане. Постоянное стремление авторов исследования совершенствовать и актуализировать методику расчета, не говоря о существенном ее пересмотре в 2010 году, не позволяет максимально четко проанализировать динамику изменения факторов социального развития в странах на всем протяжении публикации рейтинга. Например, у Норвегии, по итогам 2016 года ставшей мировым лидером по уровню социального развития, значение HDI за период с 1990 по 2016 год неоднократно существенно изменялось как в положительную, так и в отрицательную сторону. При этом вряд ли так существенно улучшались или ухудшались социальные условия в стране, скорее речь идет об изменении методики расчета показателя. Индекс человеческого развития как интегральный показатель уровня социального развития страны вполне применим для сравнения стран в конкретный год, но крайне трудно применим для сравнения уровня социального развития одной страны в разные годы. Принимая во внимания данный недостаток, в докладе 2015 года [25] авторы исследования произвели перерасчет значения HDI для всех стран в период с 1990 по 2015 год с использованием актуальной методики расчета. Также авторы агрегировали темпы изменения показателя HDI для всех стран в формате многолетних периодов (табл. 4).

**Скорректированные значения показателя HDI
для стран Балтийского региона в период 1990—2015 годов**

Страна	Значение HDI								Усредненные темпы изменения HDI			
	1990	2000	2010	2011	2012	2013	2014	2015	1990—2000	2000—2010	2010—2015	1990—2015
Германия	0,801	0,860	0,912	0,916	0,919	0,920	0,924	0,926	0,71	0,59	0,30	0,58
Дания	0,799	0,862	0,910	0,922	0,924	0,926	0,923	0,925	0,76	0,55	0,32	0,59
Швеция	0,815	0,877	0,901	0,903	0,904	0,906	0,909	0,913	0,73	0,28	0,25	0,45
Финляндия	0,783	0,856	0,878	0,884	0,887	0,890	0,893	0,895	0,90	0,25	0,37	0,53
Эстония	0,728	0,781	0,838	0,850	0,856	0,860	0,863	0,865	0,71	0,70	0,65	0,69
Польша	0,712	0,784	0,829	0,834	0,838	0,850	0,852	0,855	0,97	0,56	0,62	0,74
Литва	0,731	0,757	0,826	0,830	0,834	0,841	0,846	0,848	0,36	0,87	0,53	0,60
Латвия	0,703	0,728	0,810	0,812	0,814	0,822	0,828	0,830	0,35	1,07	0,49	0,67
Россия	0,733	0,720	0,785	0,792	0,799	0,803	0,805	0,804	0,18	0,87	0,48	0,37

Источник: [25].

Изучение скорректированных показателей HDI позволяет выявить основные тенденции в изменении уровня социального развития стран Балтийского региона в период с 1990 по 2015 год. Наименьшая степень расслоения стран региона по уровню социального развития приходится на 1990 год (разница между максимальным и минимальным значениями — 0,112). Это объясняется относительно высоким уровнем социального развития стран бывшего СССР в начале сложного периода рыночных преобразований, проходивших в 1990-е годы. В период 1990—2000 годов страны Балтийского региона, не входившие в СССР (за исключением Эстонии), демонстрировали рост значения HDI на уровне 0,7—0,9 пункта. В это же время у Литвы и Латвия темпы социального развития были в два раза ниже (0,35 пункта). А в России в тот период наблюдалось падение социального уровня, выраженное в уменьшении итогового показателя HDI (–0,18).

В итоге к 2000 году наблюдался самый высокий уровень социального расслоения между странами Балтийского региона, разница между самым высоким и самым низким значениями HDI составила 0,142 пункта. Период 2000—2010 годов характеризуется замедлением темпов социального развития в экономически развитых странах Балтийского региона (в среднем до уровня 0,5 пункта, а в Швеции и Финляндии и того ниже — до 0,25 пункта) с одновременным ускорением (или сохранением) темпов социального развития в странах бывшего СССР. Самые высокие темпы социального развития зафиксированы в данный период времени в Литве (1,07 пункта). К 2010 году разница в уровне социального развития между странами Балтийского региона вновь сократилась до отметки в 0,127 пункта.

Период 2010—2015 годов характеризуется относительной стабилизацией темпов социального развития между странами Балтийского региона. В экономически развитых странах региона (Германия, Дания, Швеция, Финляндия) темпы роста по сравнению с прошлым десятилетием снизились и колебались в интервале 0,25—0,37 пункта. Также замедлились, но остались высокими (в сравнении с развитыми странами региона) темпы роста и в других странах Балтийского региона. Самые высокие темпы в этот период зафиксированы в Эстонии (0,62) и Польше (0,62). Стабилизация темпов социального развития стран Балтийского региона в этот период отразилась и на разнице в уровне социального развития между странами региона. По сравнению с 2010 годом данный показатель в 2015 году практически не изменился и составил 0,122 пункта разницы между странами с самым высоким и самым низким значениями HDI.

Выводы и заключение

Сопоставляя страны Балтийского региона по уровню социального развития, основываясь на анализе индекса человеческого развития и динамики его изменения в период с 1990 по 2016 год, можно сформулировать несколько выводов.

Страны Балтийского региона по специфике социального развития дифференцируются на три группы.

1. *Страны с очень высоким уровнем социального развития, входящие в группу мировых лидеров.* К ним относятся Германия, Дания, Финляндия и Швеция. Данные страны, обладая высоким уровнем социального развития в 1990 году, в первые 10 лет продолжали демонстрировать стабильно высокие темпы социального развития. С 2000 года темп социального развития начал снижаться, к 2015 году упав почти в три раза по сравнению с периодом 1990—2000 годов. При этом в самой группе также произошли интересные изменения. До кардинального пересмотра методики расчета HDI, произошедшего в 2010 году, лидерами по уровню социального развития среди стран Балтийского региона считались Швеция и Финляндия. Они стабильно входили в число 15 лучших стран мира на всем протяжении расчета рейтинга. К 2015 году на позицию лидеров среди стран Балтийского региона вышли Дания и Германия, в первую очередь благодаря более высоким темпам роста социального уровня в последние пять лет.

2. *Страны ускоренного социального развития, приближающиеся к группе стран с высоким уровнем развития.* К ним относятся Эстония и Польша. По уровню социального развития в 1991 году они значительно уступали странам первой группы и были сопоставимы с Латвией, Литвой и Россией. Однако данные страны в период 1990—2000 годов демонстрировали темпы социального развития на уровне ведущих стран

региона, в последующие годы темп хотя и замедлился, но остался на высоком уровне вплоть до 2015 года. Стоит отметить, что в период 2010—2015 годов именно Эстония и Польша демонстрировали самый высокий темп социального развития среди всех стран Балтийского региона. Благодаря этому им удалось значительно приблизиться к группе стран с высоким уровнем социального развития. Но необходимо сделать существенную оговорку: речь идет лишь о значении показателя HDI в его чистом виде. При корректировке итогового показателя с учетом социального неравенства внутри страны (см. табл. 3) разрыв между Польшей, Эстонией и странами первой группы становится существенно выше.

3. *Страны со средним уровнем развития.* К их числу относятся Литва, Латвия и Россия. Для этих стран был характерен медленный (в случае с Россией и вовсе отрицательный) темп социального развития в период 1990—2000 годов — в силу сложно протекавших внутренних процессов рыночных преобразований. С 2000 года темп социального развития в этих странах был самым высоким среди всех государств Балтийского региона. Это позволило в значительной степени нивелировать отставание от остальных стран региона в уровне социального развития последнего десятилетия XX века. В период с 2010 по 2015 год темп роста социального развития в этих странах также замедлился, уступая темпу Польши и Эстонии, но превышая аналогичный показатель стран высокого уровня социального развития примерно в 1,5 раза.

Прогнозируя дальнейшее движение государств Балтийского региона в глобальном рейтинге стран по индексу человеческого потенциала, стоит отметить одну важную особенность в методике расчета рейтинга. Как и многие другие глобальные исследования, данный индекс оперирует статистическими данными двухлетней давности. На практике это означает, что рейтинг 2016 года иллюстрирует характер социального развития в странах на момент 2014 года. Принимая этот факт, с учетом характера социально-экономического развития стран Балтийского региона в период 2015—2016 годов с высокой долей уверенности можно прогнозировать, что в рейтингах ближайших двух лет для всех стран региона будет характерно снижение темпов роста уровня социального развития, сопровождающееся одновременным усилением разрыва в уровне социального развития между странами.

В заключение необходимо отметить, что предлагаемый в качестве инструмента оценки уровня социального развития страны индекс развития человеческого потенциала с точки зрения применения обладает как преимуществами, так и недостатками. В полной мере оценить уровень социального развития по значению данного показателя достаточно сложно. Разнообразные интегральные показатели, предлагаемые в настоящее время исследовательским сообществом, позволяют с разных позиций подойти к вопросу оценки уровня социального развития. При этом оценки уровня социального развития одних и тех же стран по раз-

ным методикам могут существенно различаться. Например, по результатам оценки уровня социального развития с использованием интегрального показателя «Всемирный индекс счастья» (The Happy Planet Index) [16], предложенного британским исследовательским центром New Economic Foundation, в рейтинге 2016 года все страны Балтийского региона расположены ниже 30-го места:

- 32-е место — Дания (показатель индекса счастья — 32,7);
- 37-е место — Финляндия (31,3);
- 49-е место — Германия (29,8);
- 61-е место — Швеция (28);
- 62-е место — Польша (27,5);
- 107-е место — Литва (21);
- 116-е место — Россия (18,7);
- 118-е место — Эстония (17,9);
- 121-е место — Латвия (17,1).

При этом самыми счастливыми странами по итогам 2016 года стали Коста-Рика (лидер рейтинга с показателем индекса счастья 44,7), Мексика, Колумбия, Вьетнам, Панама. Такие результаты рейтинга объясняются особенностями методики расчета индекса, который измеряет показатели удовлетворенности жителей каждой страны и среднюю продолжительность их жизни в соотношении с количеством потребляемых ими природных ресурсов. При этом экономические показатели в методологии расчета индекса не используются.

Предлагаемый в статье подход к оценке уровня социального развития стран Балтийского региона является лишь одним из возможных инструментов проведения такого анализа. При этом полученные результаты позволяют сделать важные выводы о социальном развитии рассматриваемых в статье стран в период с 1990 по 2016 год. Данные выводы в целях дальнейшего практического применения должны в полной мере компилироваться с результатами углубленного статистического и экспертного анализа уровня социального развития в каждой стране, в том числе с учетом исторических, современных и прогнозных особенностей ее социально-экономического и политического развития.

Список литературы

1. *Ахлакова И.Р.* Трудовые ресурсы как фактор экономического роста // Теория и практика общественного развития. 2012. №4. С. 285—287.
2. *Бубис И.В., Гилязетдинова К.Р., Дюкина Т.О.* О взаимосвязи между ВВП на душу населения, индексом счастья, индексом развития человеческого потенциала и индексом экологической эффективности // Приложение математики в экономических и технических исследованиях. 2014. №4(4). С. 57—61.
3. *Гоман Е.Ю.* Краткий обзор концепций качества жизни // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. №3. С. 70—74.
4. *Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г.* / под ред. А. А. Аузана, С. Н. Бобылева. М., 2011.

5. *Исакин М. А.* Выявление приоритетов социально-экономического развития региона: математико-методическое обеспечение и его экспериментальная апробация. М., 2007.
6. *Качество жизни населения: грани проблемы в фокусе преобразований* : коллективная монография / под ред. Н. А. Ворониной, И. В. Кузнецовой. Саратов, 2012.
7. *Межевич Н. М., Кретинин Г. В., Федоров Г. М.* К вопросу об экономико-географической структуризации Балтийского региона // Балтийский регион. 2016. Т. 8, №3. С. 15—29. doi: 10/5922/2074-9848-2016-3-1.
8. *Рубанов И. Н., Тикунов В. С.* О методике оценки индекса развития человеческого потенциала и его использования в российских условиях // Географический вестник. 2007. №1—2. С. 57—72.
9. *Сахарова О. Н.* Индекс развития человеческого потенциала: место России в современном мире // Вестник ТИУиЭ. 2014. №1 (19). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/indeks-razvitiya-chelovecheskogo-potentsiala-mesto-rossii-v-sovremen-nom-mire> (дата обращения: 29.03.2017).
10. *Blancard S., Hoarau J. F.* A new sustainable human development indicator for small island developing states: a reappraisal from data envelopment analysis // Economic Modelling. 2013. Vol. 30. P. 623—635. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2012.10.016>
11. *Boer L., Koekkoek A.* Human development report: Fad or fix tu re? // Development Policy Review. 1993. Vol. 11. P. 427—438.
12. *Desai M.* Human development: Concepts and measurement // European Economic Review. 1991. № 35(2—3). P. 350—357.
13. *Ephrenesis D.* Policy uses of HDI: Goals and strategies. SIDA Planeringssekretariatet. Stockholm, 1994.
14. *Fujita M., Krugman P.* The New economic geography: Past, present and the future // Papers in Regional Science. 2004. Vol. 83. P. 139—164.
15. *Grimm M., Harttge K., Klasen S., Misselhorn M.* A human development index by income groups // World Development. 2008. № 36(12). P. 2527—2546.
16. *Happy Planet Index.* URL: <http://www.happyplanetindex.org/> (дата обращения: 25.03.2017).
17. *Hopkins M.* Human development revisited: A new UNDP report // World Development. 1991. № 19(10). P. 1469—1473.
18. *Hou J., Walsh P. P., Zhang J.* The dynamics of Human Development Index // Social Science Journal. 2015. № 52(3). P. 331—347.
19. *Human Development Report 1990.* Technical notes URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/219/hdr_1990_en_complete_nostats.pdf (дата обращения: 27.03.2017).
20. *Human Development Report 1991.* Financing Human Development. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/220/hdr_1991_en_complete_nostats.pdf (дата обращения: 23.03.2017).
21. *Human Development Report 1995.* Gender and Human Development. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/256/hdr_1995_en_complete_nostats.pdf (дата обращения: 23.03.2017).
22. *Human Development Report 2000.* Human Rights and Human Development. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/261/hdr_2000_en.pdf (дата обращения: 23.03.2017).
23. *Human Development Report 2005.* International cooperation at a crossroads: Aid, trade and security in an unequal world. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/266/hdr05_complete.pdf (дата обращения: 23.03.2017).

24. *Human Development Report 2010. The Real Wealth of Nations: Pathways to Human Development.* URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/270/hdr_2010_en_complete_reprint.pdf (дата обращения: 23.03.2017).
25. *Human Development Report 2015. Work for Human Development.* URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2015_human_development_report_0.pdf (дата обращения: 20.03.2017).
26. *Human Development Report 2016: Human Development for Everyone.* URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2016_human_development_report.pdf (дата обращения: 23.03.2017).
27. *Ivanova I.F.J.* Effects of the human development index's social and economic components on country rankings. New Brunswick, Canada, 1994.
28. *Kelly A. C.* The human development index: "handle with care" // *Population and Development Review.* 1991. № 17(2). P. 315—324.
29. *Luque M., Perez-Moreno S., Rodriguez B.* Measuring human development: a multi-criteria approach // *Social Indicators Research.* 2016. № 125. P. 713—733. <https://doi.org/10.1007/s11205-015-0874-0>.
30. *Mazumdar K.* A new approach to human development index // *Review of Social Economy.* 2003. № 61(4). P. 535—549.
31. *McGillivray M.* The human development index: Yet another redundant composite development indicator? // *World Development.* 1991. № 19 (10). P. 1461—1468.
32. *Neumayer E.* The human development index and sustainability — a constructive proposal // *Ecological Economics.* 2001. № 39(1). P. 101—114.
33. *Noorbakhsh F.* A modified human development index // *World Development.* 1998. № 26(3). P. 517—528.
34. *Sagar A. D., Najam A.* The human development index: A critical review // *Ecological Economics.* 1998. Vol. 25. P. 249—264.
35. *Stewart F., Ranis G., Samman E.* *Human Development: Beyond the HDI.* Oxford, 2006.
36. *Wu P. C., Fan C. W., Pan S. C.* Does Human Development Index provide rational development rankings? Evidence from efficiency rankings in super efficiency model // *Social Indicators Research.* 2014. № 116(2). P. 647—658. <https://doi.org/10.1007/s11205-013-0285-z>.

Об авторах

Иван Сергеевич Гуменюк, кандидат географических наук, доцент кафедры географии, природопользования и пространственного развития, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: IGumeniuk@kantiana.ru

Для цитирования:

Гуменюк И. С. Индекс развития человеческого потенциала как инструмент оценки уровня социального развития стран Балтийского региона // *Балтийский регион.* 2017. Т. 9, № 3. С. 63—81. doi: 10.5922/2074-9848-2017-3-4.

HUMAN DEVELOPMENT INDEX AS A TOOL TO ASSESS SOCIAL DEVELOPMENT IN THE BALTIC STATES

I. S. Gumeniuk¹

¹ *Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevski Str., Kaliningrad, 236041, Russia*

Submitted on February 26, 2017

Reinvigorating Russia's development strategy requires a comparison between the social development of the Russian Federation and other Baltic region states, some of which are world leaders in terms of living standards. The most popular tools for country comparison are composite indices that take into account various components affecting the quality of life. This article analyses the current level and changes in the social development of the Baltic States in 1990—2016. The analysis is based on the values of human development index. Having distinct advantages and disadvantages, this index remains to be the most popular and influential tool for assessing a country's social development. A statistical analysis carried out with the use of HDI values makes it possible to divide the Baltic States into three groups according to their current development level and advancement trajectories. The greatest gap in progress was observed in 2000. Later, it narrowed as the social advancement of the third group — Lithuania, Latvia, and Russia — accelerated. The nature of the Baltic States' social improvement in 2015—2016 suggests that a decrease in social development rates will be observed in the coming years across the region, and the gap between the countries will increase.

Key words: national social development, Baltic region, human development index

References

1. Akhlakova, I. R. 2012, Labor as a factor of economic growth, *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], no. 4, p. 285—287. (in Russ.)
2. Bubis, I. V., Gilyazetdinova, K. R., Dyukina, T. O. 2014, On the relationship between GDP per capita, the index of happiness, the index of human development and the index of environmental efficiency, *Prilozhenie matematiki v ekonomicheskikh i tekhnicheskikh issledovaniyakh* [The application of mathematics in economic and technical studies], no. 4(4), p. 57—61. (in Russ.)
3. Goman, E. Yu. 2012, A Brief Overview of Quality of Life Concepts, *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Actual problems of the humanities and natural sciences], no. 3, p. 70—74. (in Russ.)
4. Auzan, A. A., Bobylev, S. N. (eds.) 2011, *Doklad o razvitii chelovecheskogo potentsiala v Rossiiskoi Federatsii za 2011 god* [Report on Human Development in the Russian Federation for 2011], Moscow, 146 p. (in Russ.)
5. Isakin, M. A. 2007, *Vyyavlenie prioritetov sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona: matematiko-metodicheskoe obespechenie i ego eksperimental'naya aprobatsiya* [Identification of priorities for socio-economic development of the region: mathematical and methodological support and its experimental approbation], Moscow. (in Russ.)

6. Voronina, N. A., Kuznetsova, I. V. (eds) 2012, *Kachestvo zhizni naseleniya: grani problemy v fokuse preobrazovaniy* [Quality of life of the population: the brink of a problem in the focus of transformations], Saratov, 150 p. (in Russ.)
7. Mezhevich N., Kretinin G., Fedorov G. 2016, Economic and Geographical Structure of the Baltic Sea region, *Balt. Reg.*, Vol. 8, no. 3, p. 11—21. DOI: 10.5922/2079-8555-2016-3-1. (in Russ.)
8. Rubanov, I. N., Tikunov, V. S. 2007, On the methodology for assessing the index of human development and its use in Russian conditions, *Geograficheskii vestnik* [Geographical Bulletin], no. 1—2, p. 57—72. (in Russ.)
9. Sakharov, O. N. 2014, Human Development Index: the place of Russia in the modern world, *Vestnik Taganrogsogo instituta upravleniya i ekonomiki* [Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics], no. 1(19), available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/indeks-razvitiya-chelovecheskogo-potentsiala-mesto-rossii-v-sovremennom-mire> (accessed 29.03.2017). (in Russ.)
10. Blancard, S., Hoara, J. F. 2013, A new sustainable human development indicator for small island developing states: a reappraisal from data envelopment analysis, *Economic Modelling*. Vol. 30, p. 623—635. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2012.10.016>
11. Boer, L., Koekkoek, A. 1993, Human development report: Fad or fix tu re? *Development Policy Review*, Vol. 11, p. 427—438.
12. Desai, M. 1991, Human development: Concepts and measurement, *European Economic Review*, no. 35(23), p. 350—357.
13. Ephrenesis, D. 1994, *Policy uses of HDI: Goals and strategies*, SIDA Planeringssekretariatet.
14. Fujita, M., Krugman, P. 2004, The New economic geography: Past, present and the future, *Papers in Regional Science*, Vol. 83, p. 139—164
15. Grimm, M., Harttge, K., Klasen, S. Misselhorn, M. 2008, A human development index by income groups, *World Development*, no. 36(12), p. 2527—2546.
16. Happy Planet Inde, available at: <http://www.happyplanetindex.org/> (accessed 25.03.2017).
17. Hopkins, M. 1991, Human development revisited: A new UNDP report, *World Development*, no. 19(10), p. 1469—1473.
18. Hou, J., Walsh, P. P., Zhang, J. 2015, The dynamics of Human Development Index, *Social Science Journal*, no. 52(3), p. 331—347.
19. Human Development Report 1990. Technical notes, 1990, available at: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/219/hdr_1990_en_complete_nostats.pdf (accessed 27.03.2017).
20. Human Development Report 1991. *Financing Human Development, 1991*, available at: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/220/hdr_1991_en_complete_nostats.pdf (accessed 23.03.2017).
21. Human Development Report 1995. *Gender and Human Development, 1995*, available at: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/256/hdr_1995_en_complete_nostats.pdf (accessed 23.03.2017).
22. Human Development Report 2000. *Human Rights and Human Development, 2000*, available at: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/261/hdr_2000_en.pdf (accessed 23.03.2017).
23. Human Development Report 2005. *International cooperation at a crossroads: Aid, trade and security in an unequal world, 2005*, available at: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/266/hdr05_complete.pdf (accessed 23.03.2017).
24. Human Development Report 2010 *The Real Wealth of Nations: Pathways to Human Development, 2010*, available at: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/270/hdr_2010_en_complete_reprint.pdf (accessed 23.03.2017).

25. Human Development Report 2015. Work for Human Development, 2015, available at: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2015_human_development_report_0.pdf (accessed 20.03.2017)
26. Human Development Report 2016: Human Development for Everyone, 2016, available at: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2016_human_development_report.pdf (accessed 23.03.2017)
27. Ivanova, I. F. J. 1994, *Effects of the human development index's social and economic components on country rankings*, New Brunswick, Canada.
28. Kelly A. C. The human development index: «handle with care» // *Population and Development Review*. 1991. 17(2). P. 315—324.
29. Luque, M., Perez-Moreno, S., Rodriguez, B. 2016, Measuring human development: a multi-criteria approach, *Social Indicators Research*, no. 125, p. 713—733. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-015-0874-0>.
30. Mazumdar, K. 2003, A new approach to human development index, *Review of Social Economy*, no. 61(4), p. 535—549.
31. McGillivray, M. 1991, The human development index: Yet another redundant composite development indicator? *World Development*, no. 19 (10), p. 1461—1468.
32. Neumayer, E. 2001, The human development index and sustainability — a constructive proposal, *Ecological Economics*, no. 39(1), p. 101—114.
33. Noorbakhsh, F. 1998, A modified human development index, *World Development*, no. 26(3), p. 517—528.
34. Sagar, A. D., Najam, A. 1998, The human development index: A critical review, *Ecological Economics*, no. 25, p. 249—264.
35. Stewart, F., Ranis, G., Samman, E. 2006, Human Development: Beyond the HDI, *QEH Working Papers qehwps135*.
36. Wu, P. C., Fan, C. W. Pan, S. C. 2014, Does Human Development Index provide rational development rankings? Evidence from efficiency rankings in super efficiency model, *Social Indicators Research*, no. 116(2), p. 647—658. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-013-0285-z>

The author

Dr Ivan S. Gumeniuk, Associate Professor, Department of Geography, Environmental Management, and Spatial Development, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: IGumeniuk@kantiana.ru

To cite this article:

Gumeniuk I. S. 2017, Human Development Index as a Tool to Assess Social Development in the Baltic States, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 3, p. 63—81. doi: 10.5922/2074-9848-2017-3-4.

ЭМПИРИЧЕСКИЙ
ПОДХОД
К ВОСПРИЯТИЮ
СОТРУДНИКАМИ
ПОЛЬСКИХ БАНКОВ
СИСТЕМ ПОВЫШЕНИЯ
МОТИВАЦИИ
ПЕРСОНАЛА

Е. Казьмерчик^{1, 2}

Э. Желиховская¹

Рассматривается проблема эффективности систем повышения мотивации персонала. Это одна из наиболее сложных проблем в управлении персоналом, так как к эффективности управления персоналом и корпоративному PR выдвигаются строгие требования. Актуальность данной темы обусловлена влиянием, оказываемым системой повышения мотивации на все этапы управления персоналом. Представлены результаты эмпирического обследования сотрудников польских банков, имевшего целью установить степень соответствия мотивационных систем банков личным ожиданиям сотрудников, а также проанализировать воздействие поощрения на такое соответствие. Выдвигается тезис о том, что сотрудники мужского пола в большей степени удовлетворены банковскими системами повышения мотивации, чем сотрудники женского пола. Вывод подкрепляется результатами, полученными на выборке из 1920 сотрудников польских банков. Статья состоит из пяти разделов. За введением следует второй раздел, в котором рассматривается система повышения мотивации персонала и анализируется сформулированный выше тезис. В третьем разделе представлены источники и методы исследования, в четвертой части делаются выводы, пятая часть является заключительной.

Ключевые слова: мотивация, стимулы, соответствие ожиданиям, сотрудники, банки, Польша

¹ Государственный экономический университет в Познани, 61—875, Польша,

Познань, аллея Неподлеглиости, 10.

² Тюменский государственный университет,

625003, Россия,

Тюмень, ул. Володарского, 6.

Поступила в редакцию 06.03.2017 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2017-3-5

© Казьмерчик Е., Желиховская Э., 2017

Введение

К исследованиям, посвященным мотивации персонала, обращается все больше исследователей [15, S. 85; 16, S. 30; 19, S. 38; 22, S. 151; 24, S. 21; 31, p. 9]. Особое внимание уделяется проблеме поощрений, в разной степени используемых банками, и их воздействию на удовлетворенность сотрудников работой. Создание эффективной

системы стимулирования — непростая задача. Залог эффективности такой системы — подбор нужных инструментов. Необходимо изучать меняющиеся потребности и ожидания сотрудников. Для достижения эффективности системы повышения мотивации важно принимать во внимание индивидуальные особенности сотрудников.

Мотивация — ключевой фактор успеха организации. Мотивация персонала тесно связана с реализацией существующих мер стимулирования. Удовлетворенность персонала требует тщательного планирования таких мер.

В данной статье анализируются меры стимулирования персонала, применяемые польскими банками. Выбор банковского сектора обусловлен его динамичным ростом. В банках работает большое количество сотрудников, занимающих различные должности, и наблюдается сложная организационная структура. Данный сектор характеризуется значительной ротацией персонала. В частности, нередки переводы сотрудников из иностранных отделений головных банков [3, р. 147; 15, S. 63].

Как показывает представленный ниже обзор литературы, исследователи не раз обращались к теме стимулирования персонала [2, р. 633; 6, с. 88—90; 7, р. 71; 8, р. 91; 9, р. 2207; 11, р. 1; 17, р. 227; 21, р. 81; 26, р. 107; 29, р. 701; 30, р. 466]. Тем не менее довольно редко уделяется внимание мотивации персонала в меняющихся экономических и социальных условиях [23, с. 50; 28, с. 29—30; 32, р. 127]. Недостаточно изученным остается восприятие сотрудниками польских банков подобных систем повышения мотивации.

В данном исследовании особое внимание уделяется восприятию группой респондентов, представляющих банковский сектор Польши, систем повышения мотивации персонала. В статье представлены результаты проведенного авторами эмпирического обследования сотрудников польских банков с целью выявить соответствие мер стимулирования персонала индивидуальным ожиданиям служащих и проанализировать влияние стимулов на восприятие ими систем повышения мотивации. Структура исследования соответствует поставленной задаче. Обосновывается тезис о том, что банковские сотрудники мужского пола в большей степени удовлетворены существующей системой стимулов, чем сотрудники женского пола.

Для достижения заявленной цели была изучена литература на польском, английском и русском языках по экономике, управлению персоналом, банковскому делу, а также психологии труда. Авторы обращались к таким источникам, как Цифровая библиотека Ассоциации вычислительной техники, база BazEkon, базы данных EBSCO, Emerald, ProQuest. Было проведено обследование порядка 2000 банковских сотрудников.

После введения кратко анализируется значимость трудовой мотивации, формулируется тезис об удовлетворенности сотрудников системами повышения мотивации, а также описываются используемые методы. Далее характеризуется выборка и представляются результаты исследования.

Мотивация персонала и ее восприятие сотрудниками

На рубеже столетий подходы к трудовой мотивации претерпели существенные изменения. Лишь недавно она стала восприниматься как ключевой компонент процесса управления, нацеленный на повышение эффективности. До индустриальной революции самыми распространенными способами мотивации были запугивание и угроза физического или материального наказания и социальных последствий [27, р. 12]. Сегодня термин «мотивация» используется во многих дисциплинах: психологии, науке управления и организации и экономике.

Цель стимулирования — достижение оптимального уровня мотивации. Мотивация играет основную роль как в обычной, так и в профессиональной жизни. Она позволяет индивидууму достигать целей, поставленных самостоятельно или же организацией. Дайанна Подомороф указывает на то, что «мотивированные работники — залог выживания компании. Они более эффективны, а их позитивный настрой заразителен и помогает создать хорошую атмосферу» [20, р. 37].

С точки зрения организации мотивирование является одной из основных функций управления [1, S. 21; 15, S. 85; 18, S. 136]. Управленцы играют ключевую роль в обеспечении эффективности организации. Они обязаны направлять и мотивировать сотрудников к достижению поставленных целей. Управленцы удовлетворяют потребности персонала, подчеркивая ценность последних для организации, а также вознаграждая их за успехи.

В данной работе выдвигается тезис о том, что сотрудники мужского пола чаще оказываются удовлетворены банковскими системами стимулирования персонала, чем сотрудники женского пола. Данный тезис был сформулирован на основании результатов обследования, проведенного в 2008 году некоммерческой организацией Catalyst. Имея ту же квалификацию и тот же уровень образования, что и мужчины, женщины оказываются в меньшей степени удовлетворены своей карьерой [12, р. 82]. Представляется, что в Польше сотрудники банков мужского пола также больше удовлетворены мерами стимулирования персонала, чем сотрудники женского пола.

Методология²

Данные опроса, проведенного в январе-апреле 2016 года были использованы для проверки данного тезиса. При сборе данных применялся метод «снежного кома»³. Новых участников опроса приглашали ли-

² Данная работа — часть более обширного исследования, посвященного подбору кадров, формам занятости, мотивации, построению профессиональной карьеры, сокращениям, увольнению и содействию в трудоустройстве. Используемые в данном исследовании методы применялись и в других работах Ежи Казьмерчика, посвященных другим аспектам управления персоналом (см.: [3, р. 146]).

³ Данный метод не затратен. Также его преимущество заключается в простоте и охвате больших групп.

ца, уже его прошедшие. Использовались личные контакты, наносились визиты в банки. Было разослано более 20 тыс. запросов с просьбой заполнить анкету по электронной почте или в социальных сетях (Facebook, GoldenLine и LinkedIn) и тематических форумах. Анкеты были доступны как в электронной (<https://docs.google.com/forms/d/1fq9ZKdr8zXA7zjp8wFowBqJ6ciT4nSmjer598pGWbG0/viewform>), так и в бумажной форме.

Основному опросу предшествовал предварительный, состоявший из двух частей. Вначале обследовалась небольшая группа респондентов (180 студентов) с целью выявить возможные противоречия и убедиться в том, что вопросы ясно сформулированы. Предварительный опрос помог усовершенствовать анкету. На втором этапе было обследовано 100 представителей банковского сектора.

На вопросы анкеты ответили 1949 респондентов, 29 анкет были забракованы, так как возникли сомнения в добросовестности отвечавших (например, в некоторых анкетах на все закрытые вопросы был дан ответ «0»). Таким образом, выборку составили 1920 респондентов, заполнивших 152 электронные и 1768 бумажных анкет. В таблице 1 представлены подробные данные о структуре выборки.

Таблица 1

Структура выборки

Характеристика		Количество респондентов	Доля респондентов, %
Пол	Мужской	1312	68,33
	Женский	473	24,64
	Не указано	135	7,03
Образование	Высшее (экономическое)	883	45,99
	Высшее (другое)	515	26,82
	Среднее (экономическое)	270	14,06
	Среднее (другое)	189	9,84
	Среднее-техническое	2	0,1
	Начальное	2	0,1
	Не указано	59	3,1
Должность	Высшая руководящая	43	2,24
	Руководящая среднего звена	129	6,72
	Руководящая нижнего звена	153	7,97
	Не руководящая	1485	77,34
	Не указано	110	5,73
Подразделение	Головной офис	409	21,3
	Региональное отделение	416	21,66
	Операционное отделение	1020	53,13
	Не указано	75	3,91

Окончание табл. 1

Характеристика		Количество респондентов	Доля респондентов, %
Тип банка	Коммерческий	1342	69,90
	Кооперативный	481	25,05
	Не указано	97	5,05
Капитал	Польский	919	47,86
	Иностранный	863	44,95
	Не указано	138	7,19
Тип работы	Работа с клиентами	1118	58,23
	Работа с документами	460	23,96
	Не указано	342	17,81
Инвалидность	Нет	1820	94,79
	Легкая	12	0,63
	Средняя	8	0,42
	Тяжелая	2	0,1
	Не указано	78	4,06

Источник: составлено авторами на основе данных опроса.

Состав выборки по полу, образованию и типу банка соответствует структуре персонала польских банков [15, с. 115—124]. Средний возраст респондента составил 36,612 лет, средний стаж работы в банковской сфере — 12,065 лет (от 1 до 43 лет), а средний стаж — 14,967 лет (табл. 2).

Таблица 2

Сведения о возрасте и стаже респондентов

Характеристика	Минимальный	Максимальный	Средний	Медианный	Среднеквадратическое отклонение
Возраст	19	64	36,612	35	9,7496
Стаж в банковской сфере	1	43	12,065	10,000	9,5799
Стаж на текущем месте работы	1	43	9,835	7,000	9,3882
Общий стаж	1	45	14,976	12,000	10,2416

Источник: составлено авторами на основе данных опроса.

Большинство респондентов работали в пунктах с населением приблизительно 50 тыс. человек. Самая малочисленная группа работала в пунктах с населением 200—250 человек (табл. 3).

Сведения о населенных пунктах

Население, тыс. чел.	Количество респондентов	Доля респондентов, %
Менее 50	658	34,27
50—100	251	13,07
100—200	245	12,76
200—500	124	6,46
Более 500	541	28,18
Не указано	101	5,26

Источник: составлено авторами на основе данных опроса.

Анкета состояла из введения, 23 закрытых вопросов и нескольких вопросов по поводу работы и социальных характеристик. Основная часть анкеты включала в себя вопросы по разным областям управления персоналом. Некоторые из них были призваны протестировать выдвинутый тезис.

Удовлетворенность сотрудников по результатам эмпирического исследования

Соответствие имеющихся систем стимулирования персонала индивидуальным ожиданиям может быть проанализировано при помощи дерева принятий решений. Так же, как и в случае кластеров, при построении дерева учитываются сходства и различия. Предполагалось, что соответствие систем стимулирования персонала ожиданиям сотрудников является зависимой переменной, а характеристики банковских служащих — независимой.

Метод деревьев классификации и регрессии (ДКР) подразумевает, что однородность группы выступает в качестве критерия разбиения. Получившиеся группы должны обладать максимальной внутренней однородностью. CHAID (автоматическое выявление взаимосвязей по методу хи-квадрат) обеспечивает многоуровневое разделение. Хи-квадрат оптимизируется, а группы могут быть объединены в категории. Обычно при использовании обоих методов каждый узел складывается как минимум 50 наблюдениями.

По методу CHAID (рис. 1), ключевым фактором, определяющим, насколько система стимулирования персонала соответствует ожиданиям сотрудников, является возраст. Молодые сотрудники (не старше 27 лет) в большей степени удовлетворены существующей системой стимулирования. Второй по важности фактор — место работы (для младшего персонала) и пол (для старшего персонала). Работающие в головном офисе молодые сотрудники чаще оказываются удовлетворены системой мер повышения мотивации. Тем не менее женщины стар-

ше 27 в меньшей степени удовлетворены такой системой, чем мужчины той же возрастной группы. Здесь важным различием выступает такой показатель, как дни отсутствия на рабочем месте. Женщины старше 27 лет, часто отсутствующие на работе, реже были удовлетворены системой стимулирования. Эта зависимость может стать темой отдельного исследования. В частности, интересно рассмотреть, является ли отсутствие на рабочем месте причиной меньшей удовлетворенности системой стимулирования, или же зависимость обратна.

По методу ДКР (рис. 2), главный фактор — дни отсутствия на рабочем месте. Как и в случае применения СНАИД, оказалось, что сотрудники, чаще присутствующие на рабочем месте, в большей степени удовлетворены системой стимулирования персонала. Сотрудников, отсутствовавших на рабочем месте как минимум 4,5 дня, можно разделить на две группы: до 27,5 лет (большая степень удовлетворенности) и старше 27,5 лет (меньшая степень удовлетворенности). Данные результаты согласуются с выводами, полученными при помощи метода СНАИД. Таким образом, высокая удовлетворенность персонала системой стимулирования наблюдается у молодых сотрудников мужского пола, часто присутствующих на рабочем месте.

Согласно рисунку 3:

— существует различие между долей женщин (18,3%) и долей мужчин (15,6%), заявивших о полной неудовлетворенности системой стимулирования персонала;

— в группе, заявляющей о несоответствии системы стимулирования персонала их ожиданиям, на 3% больше мужчин, чем женщин (34% и 31% соответственно);

— в группе не имеющих определенного мнения о системе повышения мотивации преобладают женщины (26,5%), а мужчины составляют 20,5%;

— существует значительное различие между долями мужчин (26,3%) и женщин (19,2%), частично удовлетворенных системой стимулирования персонала;

— сравнимы доли женщин (4,9%) и мужчин (3,6%), заявивших о полном соответствии существующих систем повышения мотивации их ожиданиям (разница составляет 1,3%).

Различия между определенными группами респондентов в их восприятии систем повышения мотивации могут показаться незначительными. Тем не менее при более тщательном рассмотрении оказывается, что женщины чаще говорят о несоответствии системы стимулирования персонала их ожиданиям. Некоторые из них полностью не удовлетворены мерами стимулирования персонала.

Проведенное исследование частично подтвердило выдвинутый тезис. Банковские служащие мужского пола чаще говорили об удовлетворенности системой повышения мотивации, чем их коллеги-женщины. Этот вывод подтверждают и результаты исследования организации Catalyst, показавшего, что женщины реже удовлетворены карьерой, чем мужчины [12, p. 82].

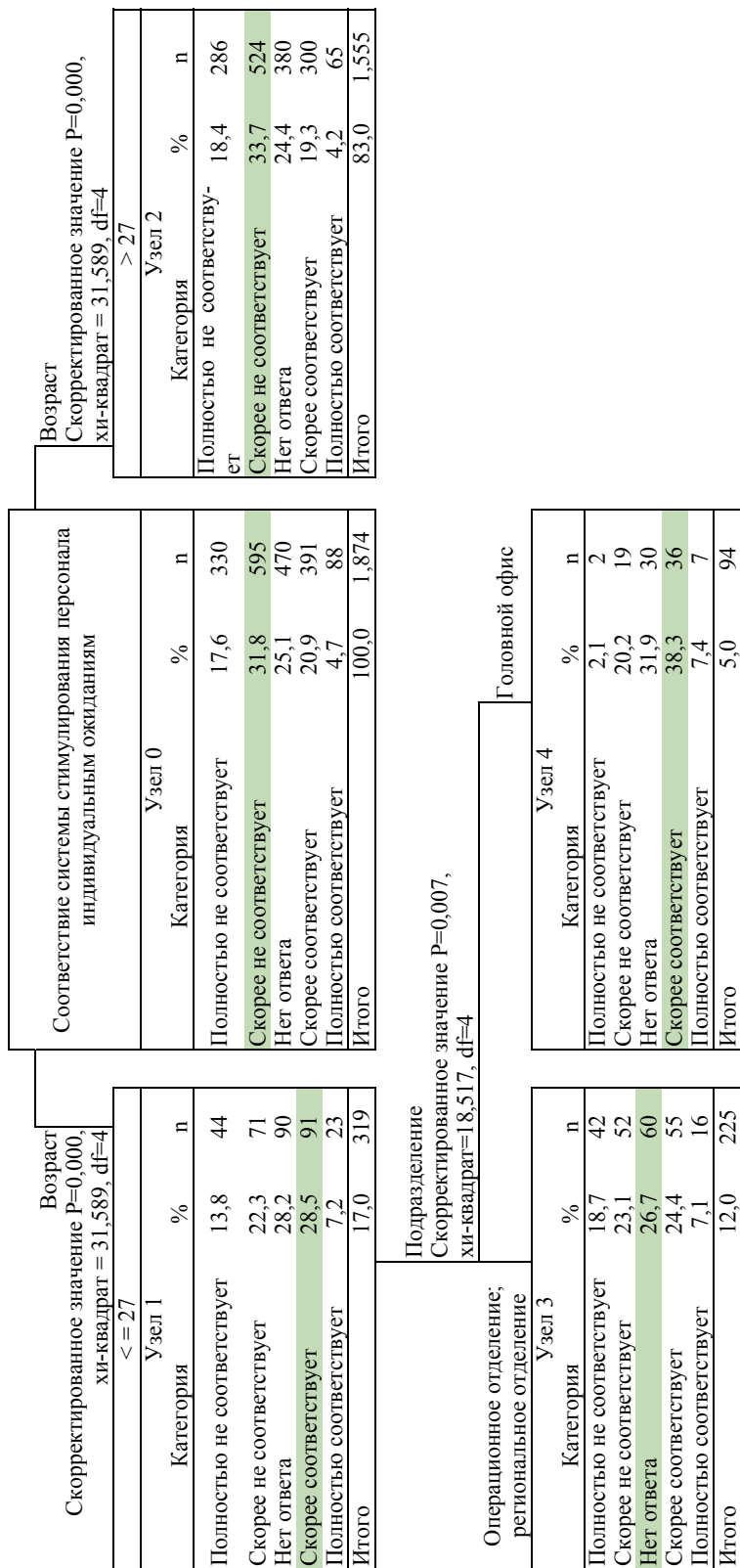

Рис. 1. Дерево принятия решений: соответствие системы стимулирования персонала ожиданиям респондентов (метод CHAID) (начало, продолжение и окончание см. на с. 90, 91)

Источник: составлено авторами на основании данных опроса.

>27			
Узел 2			
Категория	%	n	
Полностью не соответствует	18,4	286	
Скорее не соответствует	33,7	524	
Нет ответа	24,4	380	
Скорее соответствует	19,3	300	
Полностью соответствует	4,2	65	
Итого	83,0	1,555	

Пол
Скорректированное значение $P=0,000$,
хи-квадрат=38,840, $df=8$

Женщины		
Узел 5		
Категория	%	n
Полностью не соответствует	19,8	210
Скорее не соответствует	32,3	342
Нет ответа	25,9	274
Скорее соответствует	17,4	184
Полностью соответствует	4,5	48
Итого	56,5	1,058

Мужчины		
Узел 6		
Категория	%	n
Полностью не соответствует	15,6	61
Скорее не соответствует	34,6	135
Нет ответа	19,7	77
Скорее соответствует	27,4	107
Полностью соответствует	2,6	10
Итого	20,8	390

Не указано		
Узел 7		
Категория	%	n
Полностью не соответствует	14,0	15
Скорее не соответствует	43,9	47
Нет ответа	27,1	29
Скорее соответствует	8,4	9
Полностью соответствует	6,5	7
Итого	5,7	107

Рис. 1. Продолжение (начало см. на с. 89, окончание — на с. 91)

Женщины			
Узел 5			
Категория	%	n	
Полностью не соответствует	19,8	210	
Скорее не соответствует	32,3	342	
Нет ответа	25,9	274	
Скорее соответствует	17,4	184	
Полностью соответствует	4,5	48	
Итого	56,5	1,058	

Дни отсутствия на рабочем месте за последний год (за исключением выходных)
Скорректированное значение $P=0,009$,
хи-квадрат= $20,121$, $df=4$

$< = 2,00$

Узел 8			
Категория	%	n	
Полностью не соответствует	6,4	5	
Скорее не соответствует	30,8	24	
Нет ответа	25,6	20	
Скорее соответствует	33,3	26	
Полностью соответствует	3,8	3	
Итого	4,2	78	

$> 2,00$

Узел 9			
Категория	%	n	
Полностью не соответствует	20,9	205	
Скорее не соответствует	32,4	318	
Нет ответа	25,9	254	
Скорее соответствует	16,1	158	
Полностью соответствует	4,6	45	
Итого	52,3	980	

Рис. 1. Окончание (начало см. на с. 89, продолжение — на с. 90).

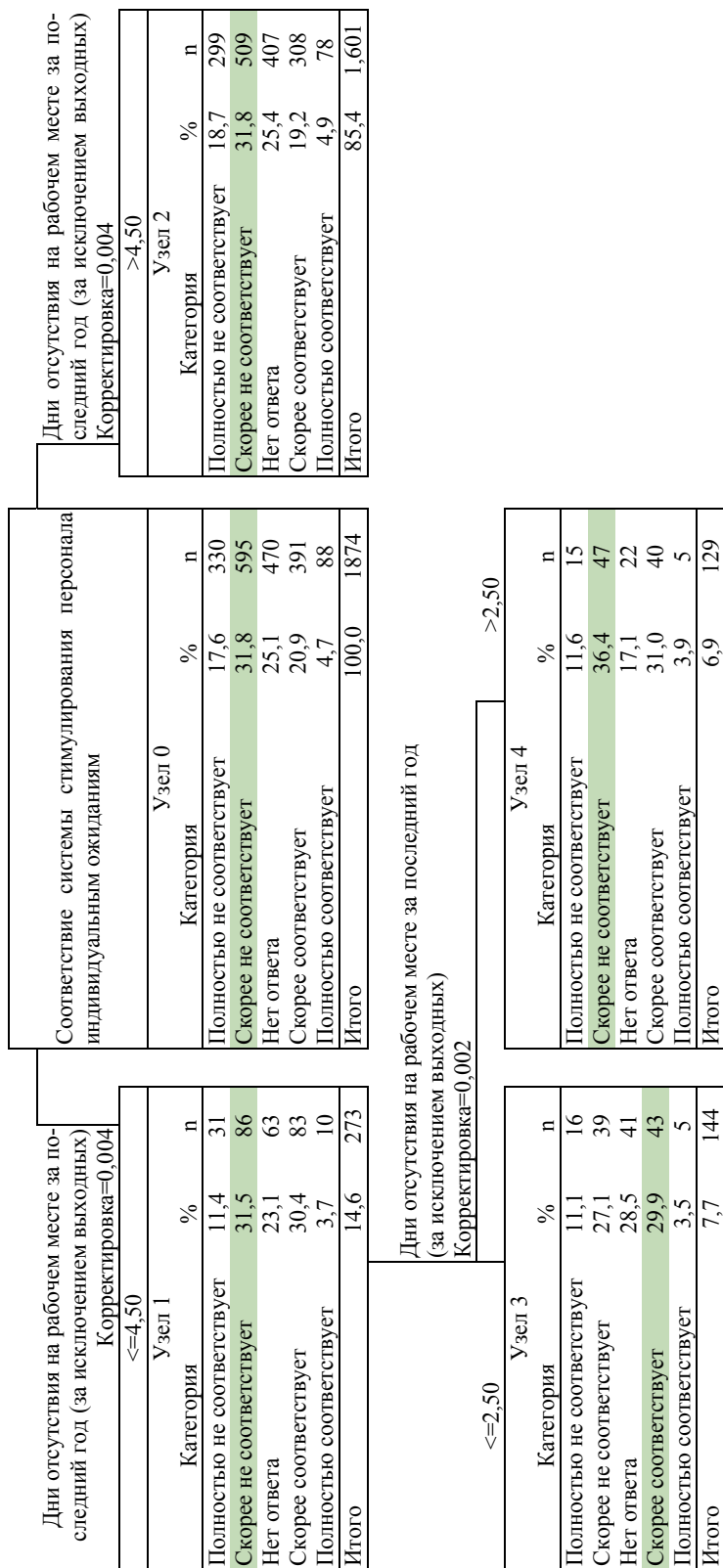

Рис. 2. Дерево принятия решений: соответствие системы стимулирования персонала ожиданиям респондентов (метод ДКР) (начало, продолжение и окончание см. на с. 93, 94)

Источник: составлено авторами на основании данных опроса.

Возраст Корректировка=0,004		Возраст Корректировка=0,004		Возраст Корректировка=0,004	
<=27,50		> 4,50		>27,50	
Узел 5		Узел 2		Узел 6	
Категория	%	п	Категория	%	п
Полностью не соответствует	15,2	41	Полностью не соответствует	18,7	299
Скорее не соответствует	20,8	56	Скорее не соответствует	31,8	509
Нет ответа	29,7	80	Нет ответа	25,4	407
Скорее соответствует	26,8	72	Скорее соответствует	19,2	308
Полностью соответствует	7,4	20	Полностью соответствует	4,9	78
Итого	14,4	269	Итого	85,4	1,601

Пол Корректировка=0,003		Пол Корректировка=0,003			
Женщины		Мужчины			
Узел 11		Узел 12			
Категория	%	п	Категория	%	п
Полностью не соответствует	20,8	209	Полностью не соответствует	14,9	49
Скорее не соответствует	33,1	332	Скорее не соответствует	36,9	121
Нет ответа	26,0	261	Нет ответа	20,1	66
Скорее соответствует	15,2	153	Скорее соответствует	25,3	83
Полностью соответствует	4,9	49	Полностью соответствует	2,7	9
Итого	53,6	1,004	Итого	17,5	328

Рис. 2. Продолжение (начало см. на с. 92, окончание — на с. 94)

Размер населенного пункта Корректировка=0,003		Размер населенного пункта Корректировка=0,003		Размер населенного пункта Корректировка=0,003	
100—200 тыс. человек		50—100 тыс. человек;		200—500 тыс. человек;	
Узел 7		Узел 3		Узел 8	
Категория	%	п	Категория	%	п
Полностью не соответствует	10,7	9	Полностью не соответствует	11,1	16
Скорее не соответствует	29,8	25	Скорее не соответствует	27,1	39
Нет ответа	38,1	32	Нет ответа	28,5	41
Скорее соответствует	17,9	15	Скорее соответствует	29,9	43
Полностью соответствует	3,6	3	Полностью соответствует	3,5	5
Итого	4,5	84	Итого	7,7	144

Размер населенного пункта Корректировка=0,003		Размер населенного пункта Корректировка=0,002		Размер населенного пункта Корректировка=0,002	
до 50 тыс. человек;		50—100 тыс. человек;		более 500 тыс. человек	
Узел 9		Узел 4		Узел 10	
Категория	%	п	Категория	%	п
Полностью не соответствует	3,8	2	Полностью не соответствует	11,6	15
Скорее не соответствует	28,3	15	Скорее не соответствует	36,4	47
Нет ответа	17,0	9	Нет ответа	17,1	22
Скорее соответствует	45,3	24	Скорее соответствует	31,0	40
Полностью соответствует	5,7	3	Полностью соответствует	3,9	5
Итого	2,8	53	Итого	6,9	129

Стаж на текущем месте работы Корректировка=0,002		Стаж на текущем месте работы Корректировка=0,002		Стаж на текущем месте работы Корректировка=0,002	
<=3,50		>2,50		>3,50	
Узел 9		Узел 4		Узел 10	
Категория	%	п	Категория	%	п
Полностью не соответствует	11,7	7	Полностью не соответствует	17,1	13
Скорее не соответствует	23,3	14	Скорее не соответствует	42,1	32
Нет ответа	15,0	9	Нет ответа	17,1	13
Скорее соответствует	46,7	28	Скорее соответствует	21,1	16
Полностью соответствует	3,3	2	Полностью соответствует	2,6	2
Итого	3,2	60	Итого	4,1	76

Рис. 2. Окончание (начало см. на с. 92, продолжение — на с. 93).

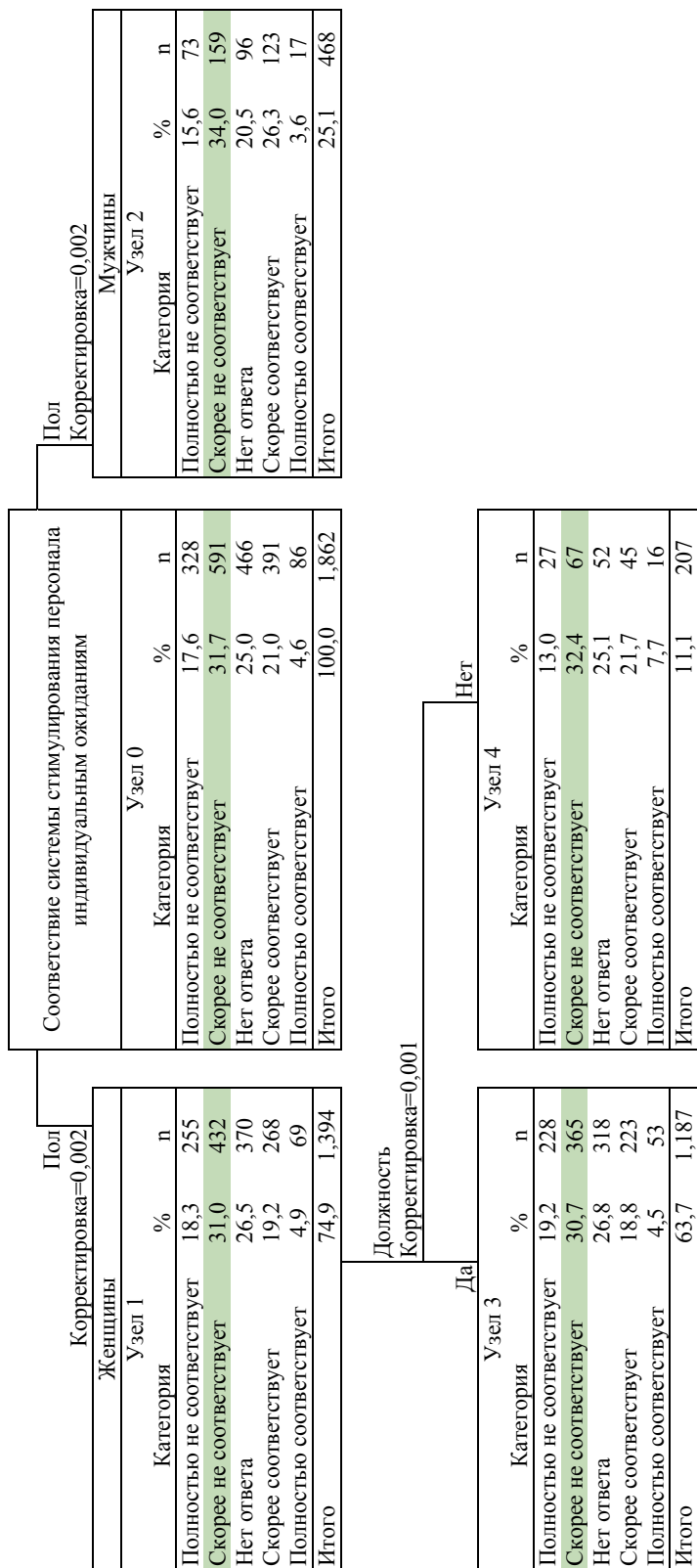

Рис. 3. Дерево принятия решений: соответствие системы стимулирования персонала ожиданиям респондентов (по полу и должности, метод ДКР) (начало, окончание см. на с. 96)

Источник: составлено авторами на основании данных опроса.

Мужчины			
Узел 2			
Категория	%	n	
Полностью не соответствует	15,6	73	
Скорее не соответствует	34,0	159	
Нет ответа	20,5	96	
Скорее соответствует	26,3	123	
Полностью соответствует	3,6	17	
Итого	25,1	468	

Должность
Корректировка=0,000

Не руководящая			
Узел 5			
Категория	%	n	
Полностью не соответствует	16,3	58	
Скорее не соответствует	33,5	119	
Нет ответа	21,4	76	
Скорее соответствует	25,1	89	
Полностью соответствует	3,7	13	
Итого	19,1	355	

Руководящая			
Узел 6			
Категория	%	n	
Полностью не соответствует	13,3	15	
Скорее не соответствует	35,4	40	
Нет ответа	17,7	20	
Скорее соответствует	30,1	34	
Полностью соответствует	3,5	4	
Итого	6,1	113	

Рис. 3. Окончание (начало см. на с. 95)

Интересно рассмотреть причины такой ситуации. Одна из них — более высокие зарплаты сотрудников мужского пола (данный фактор не был учтен в опросе). Согласно результатам, полученным Л. ван Скерс и Й. Ботхой [25, р. 108—109], существует корреляция между удовлетворенностью работой и мотивацией сотрудников — чем выше степень удовлетворенности работой, тем выше мотивация. Данная корреляция особенно заметна в случае сотрудников старшего возраста с большим стажем. При этом она не зависит от пола.

Любопытно объединить результаты обоих исследования. Из вышесказанного следует, что банковские служащие мужского пола в большей степени удовлетворены системой стимулирования персонала, чем женщины. Можно предположить, что мужчины чаще оказываются удовлетворены своей работой. В соответствии с выводами Л. ван Скерс и Й. Ботхы мужчины, работающие в польских банках, мотивированы больше, чем женщины. Интересным выводом является усиление корреляции в зависимости от возраста и стажа. Данный феномен на рассматривался в настоящем исследовании, но он заслуживает самого пристального внимания.

Также интересно проанализировать корреляцию между удовлетворенностью системой стимулирования персонала и должностью респондента. Можно предположить, что женщины в меньшей степени удовлетворены такой системой, так как они реже занимают руководящие должности, чем мужчины, которые по большей части выступают за сокращение количества стимулирующих мер. В этой ситуации анализ дерева принятых решений по методу CHAID не позволяет сделать вывод о значимости такого фактора, как должность. В таком случае, если бы женщины чаще занимали руководящие должности, они бы все равно были в меньшей степени удовлетворены системой стимулирования персонала.

В то же время, по методу ДКР (рис. 3), женщины, занимающие руководящие должности, в большей степени удовлетворены системой повышения мотивации, чем женщины, представляющие младший персонал. Пол оказывает большее влияние на удовлетворенность системой стимулирования, чем должность. При этом выводы, полученные по методу CHAID, не говорят о том, что должность оказывает влияние на удовлетворенность сотрудников женского пола.

Существуют ли меры стимулирования, повышающие удовлетворенность системой повышения мотивации? И метод CHAID (рис. 4), и метод ДКР (рис. 5) показывает, что повышение в должности увеличивает удовлетворенность сотрудников системами стимулирования. Сотрудники, назвавшие состоявшееся повышение в качестве меры стимулирования, оказались в большей степени удовлетворены системой повышения мотивации. Значимость данной меры и то, что большинство респондентов не говорили о ней как о свершившемся факте, указывают на целесообразность стимулирования карьерного роста.

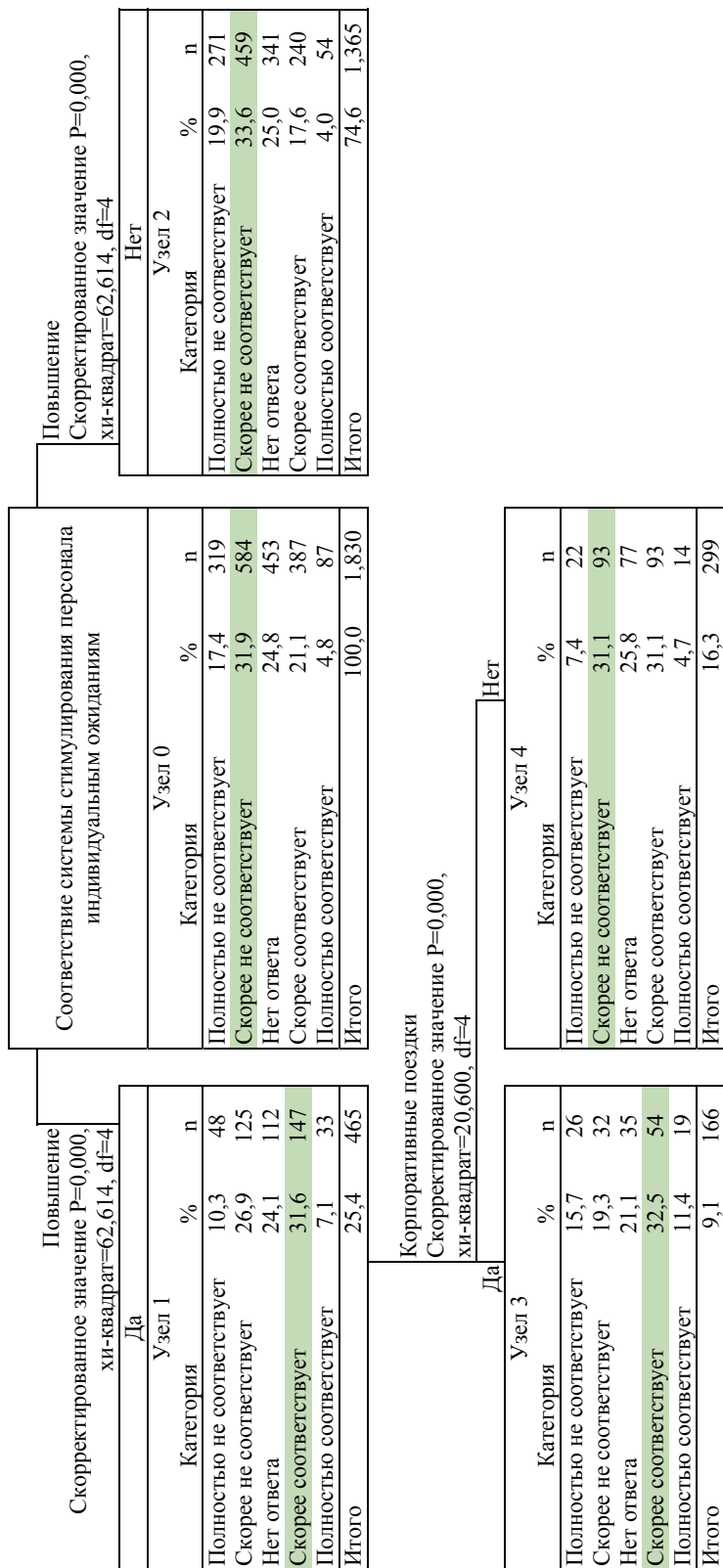

Рис. 4. Дерево принятия решений: соответствие системы стимулирования персонала ожиданиям респондентов (по мерам стимулирования, SHAID) (начало, продолжение и окончание см. на с. 99—101)

Источник: составлено авторами на основании данных опроса.

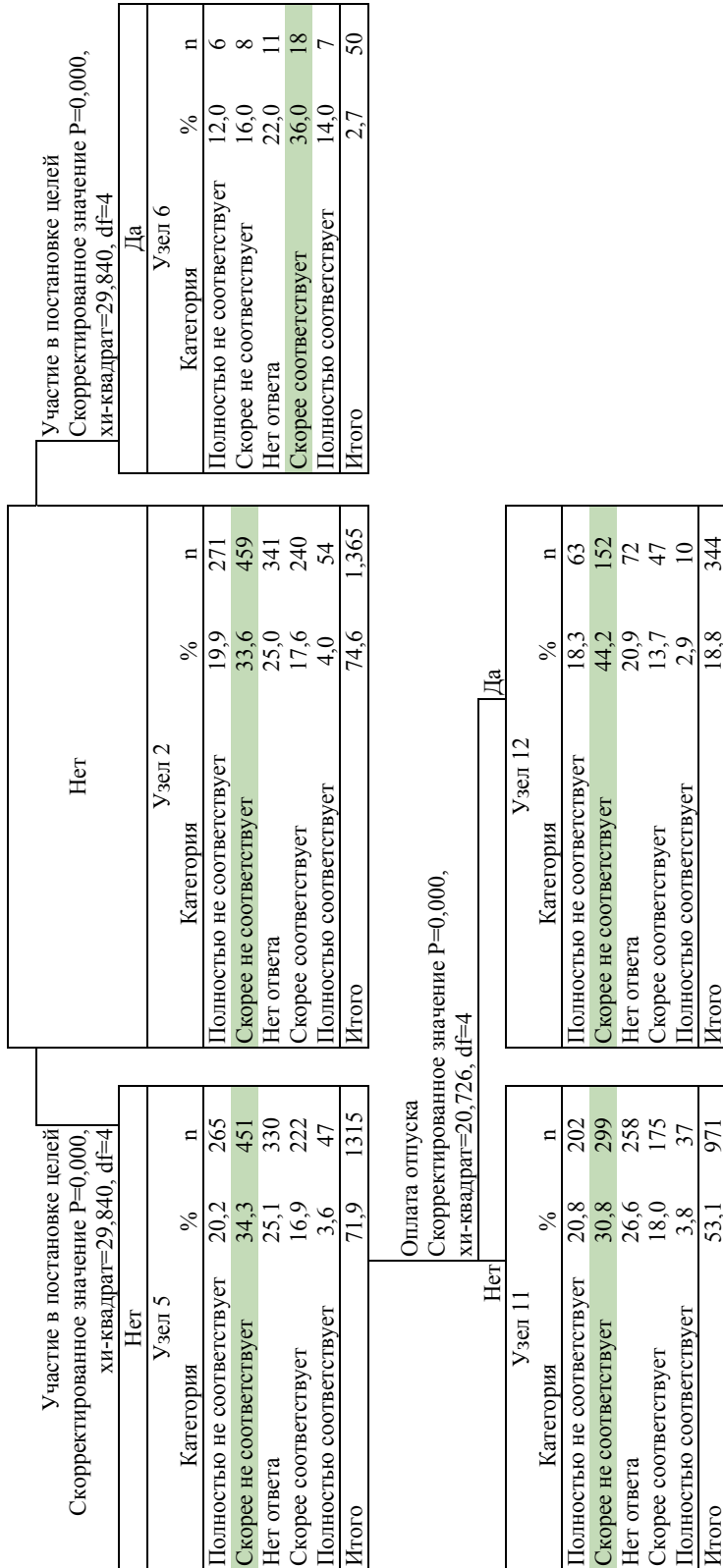

Рис. 4. Продолжение (начало см. на с. 98, продолжение и окончание — на с. 100, 101)

Да			
Узел 3			
Категория	%	n	
Полностью не соответствует	15,7	26	
Скорее не соответствует	19,3	32	
Нет ответа	21,1	35	
Скорее соответствует	32,5	54	
Полностью соответствует	11,4	19	
Итого	9,1	166	

Индивидуальное медицинское обслуживание			
Скорректированное значение $P=0,014$, χ^2 -квдрат=12,506, $df=4$			
Да		Нет	
Узел 7		Узел 8	
Категория	%	n	
Полностью не соответствует	20,0	21	
Скорее не соответствует	16,2	17	
Нет ответа	26,7	28	
Скорее соответствует	28,6	30	
Полностью соответствует	8,6	9	
Итого	5,7	105	

Узел 8			
Категория	%	n	
Полностью не соответствует	8,2	5	
Скорее не соответствует	24,6	15	
Нет ответа	11,5	7	
Скорее соответствует	39,3	24	
Полностью соответствует	16,4	10	
Итого	3,3	61	

Рис. 4. Продолжение (начало см. на с. 98, продолжение и окончание — на с. 99, 101)

Нет			
Узел 4			
Категория	%	n	
Полностью не соответствует	7,4	22	
Скорее не соответствует	31,1	93	
Нет ответа	25,8	77	
Скорее соответствует	31,1	93	
Полностью соответствует	4,7	14	
Итого	16,3	299	

Дополнительное страхование
 Скорректированное значение $P=0,002$,
 хи-квадрат=17,439, $df=4$

Да

Узел 9		
Категория	%	n
Полностью не соответствует	1,2	1
Скорее не соответствует	21,2	18
Нет ответа	27,1	23
Скорее соответствует	44,7	38
Полностью соответствует	5,9	5
Итого	4,6	85

Нет

Узел 10		
Категория	%	n
Полностью не соответствует	9,8	21
Скорее не соответствует	35,0	75
Нет ответа	25,2	54
Скорее соответствует	25,7	55
Полностью соответствует	4,2	9
Итого	11,7	214

Рис. 4. Окончание (начало см. на с. 98, продолжение — на с. 99—100)

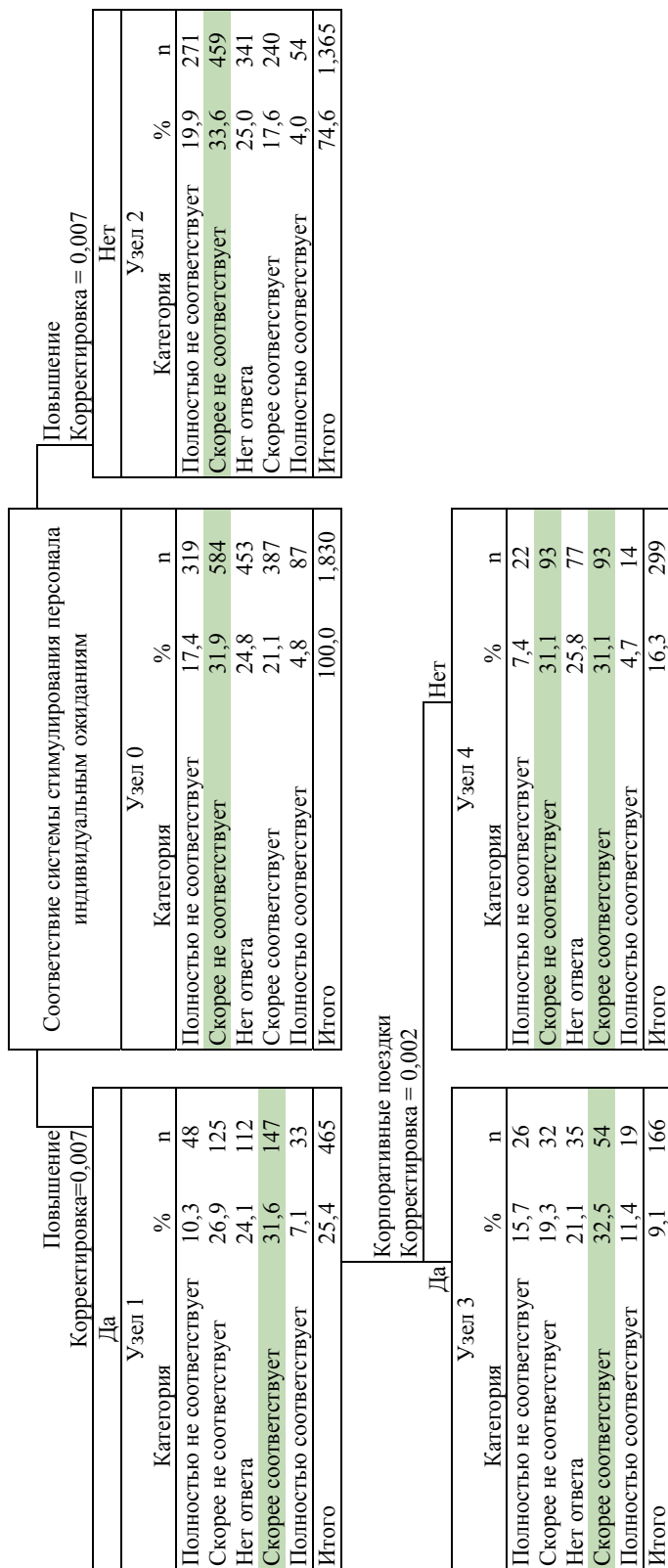

Рис. 5. Дерево принятия решений: соответствие системы стимулирования персонала ожиданиям респондентов (по мерам стимулирования, метод ДКР) (начало, продолжение и окончание см. на с. 103—106)

Источник: составлено авторами на основании данных опроса.

Да			
Узел 3			
Категория	%	n	
Полностью не соответствует	15,7	26	
Скорее не соответствует	19,3	32	
Нет ответа	21,1	35	
Скорее соответствует	32,5	54	
Полностью соответствует	11,4	19	
Итого	9,1	166	

Компенсация расходов
на спорт и развлечения
Корректировка = 0,001

Нет Узел 7 Узел 8 Да

Узел 7			
Категория	%	n	
Полностью не соответствует	15,2	10	
Скорее не соответствует	15,2	10	
Нет ответа	12,1	8	
Скорее соответствует	43,9	29	
Полностью соответствует	13,6	9	
Итого	3,6	66	

Узел 8			
Категория	%	n	
Полностью не соответствует	16,0	16	
Скорее не соответствует	22,0	22	
Нет ответа	27,0	27	
Скорее соответствует	25,0	25	
Полностью соответствует	10,0	10	
Итого	5,5	100	

Рис. 5. Продолжение (начало см. на с. 102, продолжение и окончание — на с. 104—106)

Дополнительное страхование Корректировка = 0,002				Дополнительное страхование Корректировка = 0,002			
Да				Нет			
Узел 9	Категория	%	n	Узел 4	Категория	%	n
	Полностью не соответствует	1,2	1		Полностью не соответствует	7,4	22
	Скорее не соответствует	21,2	18		Скорее не соответствует	31,1	93
	Нет ответа	27,1	23		Нет ответа	25,8	77
	Скорее соответствует	44,7	38		Скорее соответствует	31,1	93
	Полностью соответствует	5,9	5		Полностью соответствует	4,7	14
	Итого	4,6	85		Итого	16,3	299
Выговоры Корректировка = 0,001				Выговоры Корректировка = 0,001			
Нет				Да			
Узел 13	Категория	%	n	Узел 14	Категория	%	n
	Полностью не соответствует	9,1	13		Полностью не соответствует	11,3	8
	Скорее не соответствует	32,2	46		Скорее не соответствует	40,8	29
	Нет ответа	23,1	33		Нет ответа	29,6	21
	Скорее соответствует	30,8	44		Скорее соответствует	15,5	11
	Полностью соответствует	4,9	7		Полностью соответствует	2,8	2
	Итого	7,8	143		Итого	3,9	71

Рис. 5. Продолжение (начало см. на с. 102, продолжение и окончание — на с. 103, 105—106)

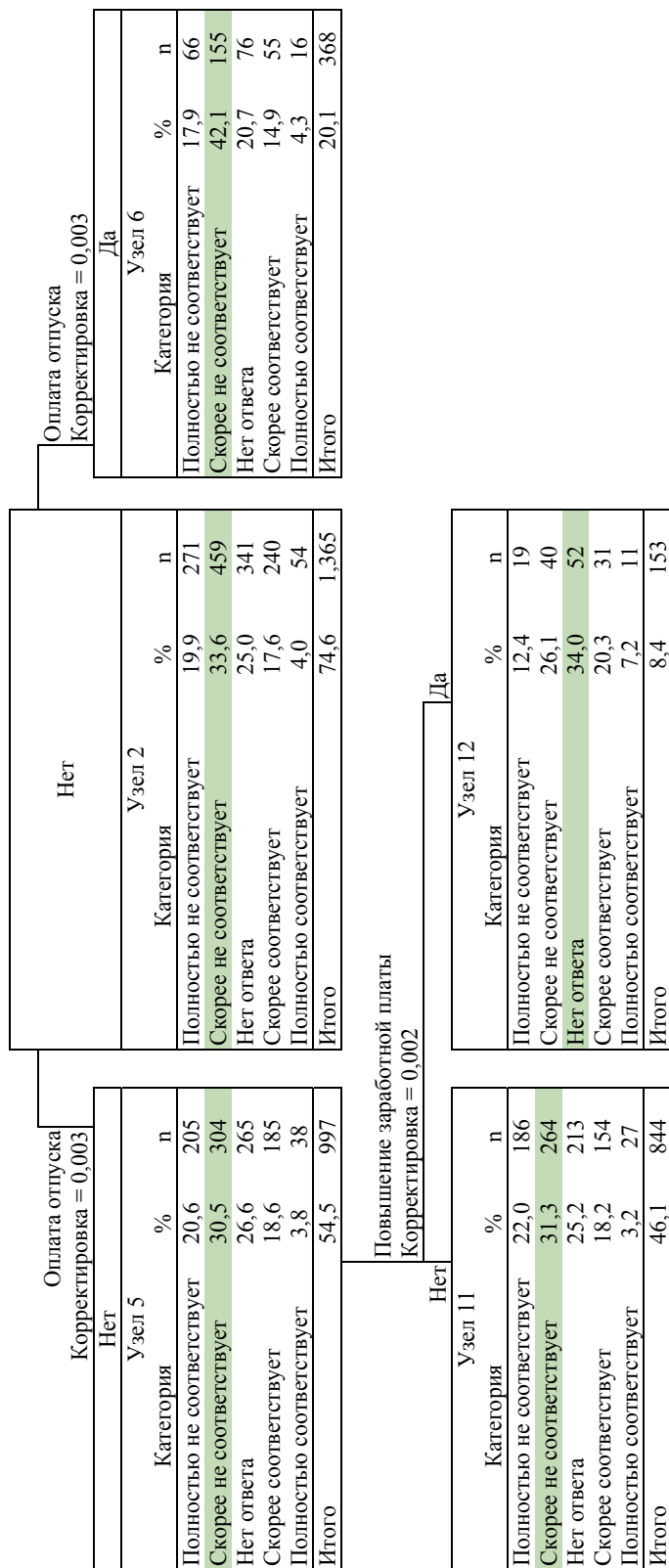

Рис. 5. Продолжение (начало см. на с. 102, продолжение и окончание — на с. 103—104, 106)

Похвала Корректировка = 0,001				Нет				Похвала Корректировка = 0,001			
Нет				Узел 11				Узел 16			
Узел 15				Категория				Категория			
		%	n			%	n			%	n
Полностью не соответствует	24,5		142	Полностью не соответствует	22,0		186	Полностью не соответствует	16,7		44
Скорее не соответствует	31,7		184	Скорее не соответствует	31,3		264	Скорее не соответствует	30,3		80
Нет ответа	25,2		146	Нет ответа	25,2		213	Нет ответа	25,4		67
Скорее соответствует	15,3		89	Скорее соответствует	18,2		154	Скорее соответствует	24,6		65
Полностью соответствует	3,3		19	Полностью соответствует	3,2		27	Полностью соответствует	3,0		8
Итого	31,7		580	Итого	46,1		844	Итого	14,4		264

Выговоры Корректировка = 0,002				Нет				Да			
Узел 17				Узел 18							
Категория				Категория							
		%	n			%	n				
Полностью не соответствует	15,3		24	Полностью не соответствует	18,7		20				
Скорее не соответствует	28,0		44	Скорее не соответствует	33,6		36				
Нет ответа	21,0		33	Нет ответа	31,8		34				
Скорее соответствует	31,8		50	Скорее соответствует	14,0		15				
Полностью соответствует	3,8		6	Полностью соответствует	1,9		2				
Итого	8,6		157	Итого	5,8		107				

Рис. 5. Окончание (начало см. на с. 102, продолжение — на с. 103—105)

Результаты, полученные при использовании обоих методов, демонстрируют, что для сотрудников, назвавших повышение возможным, важным инструментом повышения мотивации являются корпоративные поездки (по мнению респондентов, такие поездки снимают стресс, вызванный руководящей работой) [4, р. 128; 13, р. 93]. Среди других мер назывались участие в постановке целей, индивидуальное медицинское планирование, дополнительное страхование, оплачиваемый отпуск, оплачиваемые поездки и компенсация расходов на спортивные занятия. Тем не менее их влияние на удовлетворенность системой повышения мотивации не очевидно. Стоит отметить важность участия в постановке целей (метод CHAID). Анализ показывает, что сотрудникам хотелось бы оказывать влияние на то, что происходит в банке. Неудивительно, что такое участие повышает удовлетворенность сотрудников системой мотивации [5, р. 1—2; 10, р. 419—420; 14, р. 1].

Заключение

Проведенное исследование частично подтвердило тезис о различии в удовлетворенности мужчин и женщин системой стимулирования персонала. Различия между группами респондентов в их оценке систем стимулирования персонала могут показаться незначительными. Тем не менее было показано, что мужчины, работающие в банках, в большей степени удовлетворены системой стимулирования персонала, чем их коллеги-женщины.

В данной работе применялись два метода для интерпретации данных, полученных от сотрудников банков. Были сделаны интересные выводы: при использовании метода CHAID наиболее значимым фактором оказался возраст, а при использовании метода ДКР — дни отсутствия на рабочем месте. На основании применения CHAID можно сделать два ключевых вывода:

- молодые сотрудники (до 27 лет), работающие в головном офисе, в большей степени удовлетворены системой повышения мотивации;
- среди сотрудников старше 27 лет женщины, часто отсутствующие на рабочем месте, оказались наименее удовлетворены системой повышения мотивации.

Метод ДКР показал, что наибольшее удовлетворение системой повышения мотивации наблюдалось среди молодых мужчин, наиболее редко отсутствующих на рабочем месте.

Самой важной мерой стимулирования является повышение в должности, что подтверждается обоими методами.

Существующие инструменты заслуживают отдельного исследования. Стоит обратить внимание на причины более высокой удовлетворенности системами повышения мотивации среди мужчин, чем женщин. Мотивация сотрудников с точки зрения работодателя требует

дальнейшего изучения. Мнения работодателей и сотрудников могут различаться. Кроме того, представляется интересным рассмотреть причины сложившейся ситуации, а также факторы, определяющие использование тех или иных мер.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 16-03-00500 «Возможности и ограничения новой индустриализации и противоречия социокультурного пространства: на примере Тюменского региона»). Тюменский государственный университет.

Список литературы

1. *Andrzejczak A.* Ogólne zasady uczenia się i motywacji // Podstawy przygotowania zawodowego nauczycieli przedmiotów ekonomicznych / ed. A. Andrzejczak. Poznań, 2002. S. 130.
2. *Abernethy M.A., Dekker H.C., Schulz A.K.-D.* Are Employee Selection and Incentive Contracts Complements or Substitutes? // *Journal of Accounting Research*. 2015. Vol. 53, №4. P. 633—668.
3. *Aptacy M., Kaźmierczyk J.* The Management by Objectives in Banks: The Polish Case // *The International Journal Entrepreneurship And Sustainability Issues*. 2016. Vol. 4, №2. P. 146—158.
4. *Chadsey J., Beyer S.* Social relationships in the workplace // *Mental Retardation & Developmental Disabilities Research Reviews*. 2001. Vol. 7, №2. P. 128—133.
5. *Damen T. G. E., Müller B. C. N., van Baaren R. B., Dijksterhuis A.* Re-Examining the Agentic Shift: The Sense of Agency Influences the Effectiveness of (Self)Persuasion // *PLoS ONE*. 2015. Vol. 10, №6. P. 1—9.
6. *Давыденко В. А.* Модель специалиста с учетом потребности рынка профессионального труда // Модель специалиста XXI века в контексте модернизации высшего образования : матер. Всерос. науч.-метод. конф., г. Туапсе, 15—17 сентября 2004 г. Тюмень, 2004. Ч. 1. С. 88—92.
7. *Drake A. R., Wong J., Salter S.* Empowerment, Motivation, and Performance: Examining the Impact of Feedback and Incentives on Nonmanagement Employees // *Behavioral Research in Accounting*. 2007. Vol. 19, № 1. P. 71—89.
8. *Erbas B. C., Erbas C.* Employee Incentive Mechanism Design for Technology Firms // *Journal of Integrated Design & Process Science*. 2004. Vol. 8, №1. P. 91—111.
9. *Fulghieri P., Sevilir M.* Mergers, Spinoffs, and Employee Incentives // *Review of Financial Studies*. 2011. Vol. 24, №7. P. 2207—2241.
10. *Gentsch A., Weiss C., Spengler S. et al.* Doing good or bad: How interactions between action and emotion expectations shape the sense of agency // *Social Neuroscience*. 2015. Vol. 10, №4. P. 418—430.
11. *Gordon A. A., Kaswin J.* Effective Employee Incentive Plans: Features and Implementation Processes // *Cornell HR Review*. 2010. P. 1—6.
12. *Ibarra H., Carter N. M., Silva C.* Why Men Still Get More Promotions Than Women // *Harvard Business Review*. 2010. Vol. 88, №9. P. 80—85.
13. *Ilies R., Wilson K. S., Wagner D. T.* The Spillover of Daily Job Satisfaction onto Employees' Family Lives: The Facilitating Role of Work-Family Integration // *Academy of Management Journal*. 2009. Vol. 52, №1. P. 87—102.
14. *Ismail M. A. F., Shimada S.* 'Robot' Hand Illusion under Delayed Visual Feedback: Relationship between the Senses of Ownership and Agency // *PLoS ONE*. 2016. Vol. 11, №7. P. 1—9.

15. *Kaźmierczyk J.* Technologiczne i społeczno-ekonomiczne determinanty zatrudnienia w sektorze bankowym w Polsce. Warszawa, 2011.
16. *Kopertyńska M. W.* Motywowanie pracowników: teoria i praktyka. Warszawa, 2009. S. 319.
17. *Park R., Appelbaum E., Kruse D.* Employee involvement and group incentives in manufacturing companies: a multi-level analysis // *Human Resource Management Journal*. 2010. Vol. 20, №3. P. 227—243.
18. *Penc J.* Motywowanie w zarządzaniu. Kraków, 2000. S. 285.
19. *Pierścieniak A., Krent D., Jakiela K.* Motywacja wewnętrzna jako kluczowy czynnik zaangażowania pracownika // *Przedsiębiorstwo i region*. 2013. №5. S. 38—47.
20. *Podmoroff D.* 365 sposobów na codzienne motywowanie i nagradzanie pracowników. Warszawa, 2010. S. 228.
21. *Rehu M., Lusk E., Wolff B.* Incentive Preferences of Employees in Germany and the USA: An Empirical Investigation // *Management Revue*. 2005. Vol. 16, №1. P. 81—98.
22. *Robbins S.P., Judge T.A.* Zachowania w organizacji. Warszawa, 2012. P. 404.
23. *Ромашкина Г. Ф., Андрианова Е. В.* Мотивация в сфере труда: идеальные модели и поведение // *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 3: Общественные науки. 2007. Т. 51, №3. С. 50—55.
24. *Sekuła Z.* Motywowanie do pracy: teorie i instrumenty. Warszawa, 2010. S. 232.
25. *van Scheers L., Botha J.* Analysing relationship between employee job satisfaction and motivation // *Journal of Business and Retail Management Research*. 2014. Vol. 9, №1. P. 98—109.
26. *Soniewicki M.* The company's international competitive advantage — the role of knowledge. Warszawa, 2015.
27. *Steers R.M., Porter L.W.* Motivation and work behavior. N. Y., 1983.
28. *Воронов В. В., Лавриненко О. Я., Сташане Я. В.* Оценка динамики межрегиональных различий (европейский опыт) // *Социологические исследования*. 2004. №1. С. 29—39.
29. *Wang H., Lim S. S.* Real options and real value: the role of employee incentives to make specific knowledge investments // *Strategic Management Journal*. 2008. Vol. 29, №7. P. 701—721.
30. *Wang H. C., Barney J. B.* Employee Incentives to Make Firm-Specific Investments: Implications for Resource-Based Theories of Corporate Diversification // *Academy of Management Review*. 2006. Vol. 31, №2. P. 466—476.
31. *Whiting K.* Catch the waves: motivating today's young workforce // *Supervision*. 2014. Vol. 75, №10. P. 9—10.
32. *Wyrwa J.* Organizational restructuring as a way of counteracting a crisis in an enterprise // *Scientific Journal of Polish Economic Society in Zielona Góra*. 2015. №2. P. 127—143.

Об авторах

Ежи Казьмерчик, кандидат наук экономики, адъюнкт, кафедра обучения и развития кадров, Государственный экономический университет в Познани, Польша; постдокторант, Научно-исследовательский центр Финансово-экономического института, Тюменский государственный университет, Россия.

ORCID ID: orcid.org/0000-0002-5976-021

E-mail: jerzy.kazmierczyk@ue.poznan.pl

Эльжбета Желиховская, кафедра обучения и развития кадров, Государственный экономический университет в Познани, Польша.

E-mail: zelichowska.e@gmail.com

Для цитирования:

Казьмерчик Е., Желиховская Э. Эмпирический подход к восприятию сотрудниками польских банков систем повышения мотивации персонала // Балтийский регион. 2017. Т. 9, №3. С. 82—112. doi: 10.5922/2074-9848-2017-3-5.

SATISFACTION OF POLISH BANK EMPLOYEES
WITH INCENTIVE SYSTEMS: AN EMPIRICAL APPROACH

J. Kaźmierczyk^{1, 2}

E. Żelichowska¹

¹ Poznan University of Economics
10 Al. Niepodległości, Poznań, 61—875, Poland

² Tyumen State University
6 Volodarskogo St., Tyumen, 625003, Russia

Submitted on March 06, 2017

This article considers employee satisfaction with incentive systems. Strict requirements for the efficiency of human resource management (HRM) and internal public relations make it a major management problem. The importance of this study lies in the fact that incentives affect all stages of HRM. This work reports the results of an empirical survey of Polish bank employees, which was aimed to establish to what degree incentive systems met employees' expectations, and to analyse the impact of such incentives on employee satisfaction. The authors advance the thesis that male bank employees are more satisfied with existing incentive systems than their female counterparts. The discussion is supported by empirical research based on a sample of 1, 920 Polish bank employees. The article is divided into five sections. The introductory section is followed by Section Two, which reviews employee motivation and analyses the above thesis. Section Three describes data sources and research methods, and Section Four presents findings and conclusions.

Key words: motivation, incentives, compliance, employees, banks, Poland

References

1. Andrzejczak, A. (ed.) 2001, Ogólne zasady uczenia się i motywacji. In: *Podstawy przygotowania zawodowego nauczycieli przedmiotów ekonomicznych*, Poznań, p. 130.
2. Abernethy, M. A., Dekker, H. C., Schulz A.K-D. 2015, Are Employee Selection and Incentive Contracts Complements or Substitutes? *Journal of Accounting Research*, Vol. 53, no. 4, p. 633—668.

3. Aptacy, M., Kaźmierczyk, J. 2016, The Management by Objectives in Banks: The Polish Case, *The International Journal Entrepreneurship And Sustainability Issues*, Vol. 4, no. 2, p. 146—158.
4. Chadsey, J., Beyer, S. 2001, Social relationships in the workplace, *Mental Retardation & Developmental Disabilities Research Reviews*, Vol. 7, no. 2, p. 128—133.
5. Damen, T.G.E., Müller, B.C.N., van Baaren, R.B., Dijksterhuis, A. 2015, Re-Examining the Agentic Shift: The Sense of Agency Influences the Effectiveness of (Self)Persuasion, *PLoS ONE*, Vol. 10, no. 6, p. 1—9.
6. Davydenko, V.A. 2004, Model of a specialist taking into account the demand of the professional labor market, *Model' spetsialista XXI veka v kontekste modernizatsii vysshego obrazovaniya* [Model of a specialist of the XXI century in the context of modernization of higher education], Part I, Materials of the All-Russian Scientific and Methodological Conference, September 15—17, 2004, Tuapse, p. 88—92. (In Russ.)
7. Drake, A.R., Wong, J., Salter, S. 2007, Empowerment, Motivation, and Performance: Examining the Impact of Feedback and Incentives on Nonmanagement Employees, *Behavioral Research in Accounting*, no. 19, p. 71—89.
8. Erbas, B.C., Erbas, C. 2004, Employee Incentive Mechanism Design for Technology Firms, *Journal of Integrated Design & Process Science*, Vol. 8, no. 1, p. 91—111.
9. Fulghieri, P., Sevilir, M. 2011, Mergers, Spinoffs, and Employee Incentives, *Review of Financial Studies*, Vol. 24, no. 7, p. 2207—2241.
10. Gentsch, A., Weiss, C., Spengler, S., Synofzik, M., Schütz-Bosbach, S. 2015, Doing good or bad: How interactions between action and emotion expectations shape the sense of agency, *Social Neuroscience*, Vol. 10, no. 4, p. 418—430.
11. Gordon, A.A., Kaswin, J. 2010, Effective Employee Incentive Plans: Features and Implementation Processes, *Cornell HR Review*, p. 1—6.
12. Ibarra, H., Carter, N.M., Silva, C. 2010, Why Men Still Get More Promotions Than Women, *Harvard Business Review*, Vol. 88, no. 9, p. 80—85.
13. Ilies, R., Wilson, K.S., Wagner, D.T. 2009, The Spillover of Daily Job Satisfaction onto Employees' Family Lives: The Facilitating Role of Work-Family Integration, *Academy of Management Journal*, Vol. 52, no. 1, p. 87—102.
14. Ismail, M.A.F., Shimada, S. 2016, 'Robot' Hand Illusion under Delayed Visual Feedback: Relationship between the Senses of Ownership and Agency, *PLoS ONE*, Vol. 11, no. 7, p. 1—9.
15. Kaźmierczyk, J. 2011, *Technologiczne i społeczno-ekonomiczne determinanty zatrudnienia w sektorze bankowym w Polsce*, Warszawa, p. 234.
16. Kopertyńska, M.W. 2009, *Motywowanie pracowników: teoria i praktyka*, Warszawa, p. 319.
17. Park, R., Appelbaum, E., Kruse, D. 2010, Employee involvement and group incentives in manufacturing companies: a multi-level analysis, *Human Resource Management Journal*, Vol. 20, no. 3, p. 227—243.
18. Penc, J. 2000, *Motywowanie w zarządzaniu*, Kraków, Wydawnictwo Profesjonalnej Szkoły Biznesu, p. 285.
19. Pierścieniak, A., Krent, D., Jakięła, K. 2013, Motywacja wewnętrzna jako kluczowy czynnik zaangażowania pracownika, *Przedsiębiorstwo i region*, no. 5, p. 38—47.
20. Podmoroff, D. 2010, *365 sposobów na codzienne motywowanie i nagradzanie pracowników*, Warszawa, Wolters Kluwer, p. 228.
21. Rehu, M., Lusk, E., Wolff, B. 2005, Incentive Preferences of Employees in Germany and the USA: An Empirical Investigation, *Management Revue*, Vol. 16, no. 1, p. 81—98.

22. Robbins, S. P., Judge, T. A. 2012, *Zachowania w organizacji*, Warszawa, Polskie Wydawnictwo Ekonomiczne, p. 404.
23. Romashkina, G. F., Andrianova, E. V. 2007, Motivation in the world of work: ideal models and behavior, *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennyye nauki* [Izvestiya Ural Federal University. Series 3: Social Sciences], Vol. 51, no. 3, p. 50—55. (In Russ.)
24. Sekuła, Z. 2010, *Motywowanie do pracy: teorie i instrumenty*, Warszawa, Polskie Wydawnictwo Ekonomiczne, p. 232.
25. Scheers, L. van, Botha, J. 2014, Analysing relationship between employee job satisfaction and motivation, *Journal of Business and Retail Management Research (JBRMR)*, Vol. 9, no. 1, p. 98—109.
26. Soniewicki, M. 2015, *The company's international competitive advantage — the role of knowledge*, Warszawa, Difin, p. 188.
27. Steers, R. M., Porter, L. W. 1983, *Motivation and work behavior*, New York, McGraw-Hill, p. 658.
28. Voronov, V. V., Lavrinenko, O. Ya., Stashane, Ya. V. 2004, Assessment of the dynamics of interregional differences (European experience), *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], no. 1, p. 29—39.
29. Wang, H., Lim, S. S. 2008, Real options and real value: the role of employee incentives to make specific knowledge investments, *Strategic Management Journal*, Vol. 29, no. 7, p. 701—721.
30. Wang, H. C., Barney, J. B. 2006, Employee Incentives to Make Firm-Specific Investments: Implications for Resource-Based Theories of Corporate Diversification, *Academy of Management Review*, Vol. 31, no. 2, p. 466—476.
31. Whiting, K. 2014, Catch the waves: motivating today's young workforce, *Supervision*, Vol. 75, no. 10, p. 9—10.
32. Wyrwa, J. 2015, Organizational restructuring as a way of counteracting a crisis in an enterprise, *Scientific Journal of Polish Economic Society in Zielona Góra*, no. 2, p. 127—143.

The authors

Dr Jerzy Kaźmierczyk, Scientific Research Centre of Financial and Economic Institute, Tyumen State University, Russia; Department of Education and Personnel Development, Poznan University of Economics, Poland. ORCID ID: orcid.org/0000-0002-5976-021

E-mail: jerzy.kazmierczyk@ue.poznan.pl

Elżbieta Żelichowska, Department of Education and Personnel Development, Poznan University of Economics, Poznań, Poland.

E-mail: zelichowska.e@gmail.com

To cite this article:

Kaźmierczyk J., Żelichowska E. 2017, Satisfaction of Polish Bank Employees with Incentive Systems: An Empirical Approach, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 3, p. 82—112. doi: 10.5922/2074-9848-2017-3-5.

КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОЙ ШВЕЦИИ: ХРИСТИАНСКИЕ ДЕНОМИНАЦИИ

О. А. Балабейкина¹
В. Л. Мартынов²

Рассматриваются пространственно-временная диффузия христианских ценностей на территории Швеции и особенности ее современного конфессионального пространства. Цель работы — выявить историко-географические особенности формирования христианского пространства Швеции и современные тенденции его трансформации, а также ввести в научный оборот данные по экономической деятельности крупных религиозных организаций. Актуальность обусловлена тем, что на данный момент христианство — лидирующая по числу последователей религия в Швеции, а именно религия во многом формирует мировоззренческие ориентиры в обществе. Описывается трансформация административно-территориальной и канонической структуры христианских конфессий в Швеции. Утверждается, что, несмотря на секуляризацию общества Швеции, религия остается одним из важнейших компонентов культуры коренного населения и мигрантов, а значит, конфессиональное пространство требует своего изучения.

Особое внимание уделяется новейшим изменениям в христианском пространстве Швеции. Для нас актуально, что в нем увеличивается роль приходов Русской православной церкви Московского патриархата, что проявляется в расширении культовой инфраструктуры и усложнении ее территориальной системы.

В статье впервые в научной литературе приводятся и анализируются данные, касающиеся экономической организации конфессионального пространства в одной из зарубежных стран.

Выявлена связь между миграционными процессами в обществе и изменением внутренней структуры христианского пространства.

Ключевые слова: география религий, конфессиональное пространство, экономическая деятельность религиозной организации, церковно-административная структура

¹ Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 191023, Россия, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21.

² Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48.

Поступила в редакцию 30.05.2016 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2017-3-6

© Балабейкина О. А., Мартынов В. Л., 2017

Введение

Конфессиональная география, или география религий, — одно из наиболее интересных, но в то же время и относительно слабо развитых направлений отечественной социально-экономической географии. Исследования в области конфессиональной географии в современной России начали проводиться с 90-х годов XX века. Они были и остаются связаны в первую очередь с традиционными религиями нашей страны. Научный интерес к проявлениям религиозной жизни, в том числе к ее территориальной организации, наметившийся в нашей стране был активирован в появлении ряда работ таких авторов, как С. Г. Сафронов, И. Ю. Филимонова и др. [1; 2]. Отечественные исследования в этой области касаются в подавляющем большинстве случаев конфессионального пространства России в целом [3; 4] или ее отдельных регионов [5; 6]. Научные работы, посвященные изучению географии религий в других странах, встречаются гораздо реже и представлены в основном отдельными статьями [7; 8]. Исключение составляют диссертационное исследование и другие работы К. Ю. Эйдемиллера, посвященные роли ислама как фактору трансформации социокультурного пространства в странах Северной Европы [9; 10], а также периодические и фундаментальные научные работы Ю. В. Зудова, отражающие специфику конфессионального пространства Дании [11; 12].

Основные проблемы в развитии конфессиональной географии связаны с тем, что в ней слабо или вообще неприменимы традиционные для социально-экономической географии методы исследования. Точную численность людей, принадлежащих к тому или иному вероисповеданию, установить можно не всегда. Государственные статистические органы в большинстве стран мира, включая Россию, такие данные в настоящее время не собирают. Статистика, сообщаемая представителями различных конфессий, не всегда отличается точностью и достоверностью. Точный учет своих приверженцев ведут тоталитарные секты и псевдорелигиозные организации типа «Общества свидетелей Иеговы», «Церкви сайентологии» и другие, поскольку основное содержание их деятельности — сбор «пожертвований», но они совершенно не намерены делиться этими сведениями не то что с исследователями, но и с государством. Изучение особенностей размещения инфраструктуры той или иной церкви мало что дает, поскольку на это размещение влияет множество «внепространственных» факторов.

Например, в условиях современной Русской православной церкви строительство новых храмов, ремонт и реконструкция существующих (исключая реконструкцию тех, которые относятся к памятникам истории и культуры) осуществляется за счет приходов этих храмов. Поскольку основная масса прихожан не в состоянии собрать деньги, необходимые на эти цели, то решение данной проблемы упирается в наличие или отсутствие крупных «спонсоров». Если таковые имеются, то они могут построить огромный храм в относительно малонаселенных

местах. Если их нет, то территории с большой численностью и высокой плотностью населения могут оставаться либо вовсе без храмов, либо с очень небольшими по вместимости церквями. В случае стран зарубежной Европы храмы, особенно христианские, рассчитанные на сотни человек, могут стоять закрытыми неделями и даже месяцами из-за отсутствия прихожан. Картографический метод исследования, использование которого отличает географию от всех других наук, в случае конфессиональной географии мало применим — можно обозначить на карте храмы, но вряд ли — число прихожан, посещающих их. Можно с определенной долей условности рассчитать численность приверженцев той или иной конфессии, но не всегда возможно определить, какие храмы они посещают и посещают ли вообще.

Следует также иметь в виду, что далеко не всегда сведения о конфессиональной принадлежности свидетельствуют о реальном уровне воздействия религии на жизнь общества. Так, дореволюционная Россия формально была одной из самых религиозных стран мира: в 1897 году доля православных в общей численности населения составляла примерно 70% [13]. В селах строились храмы таких размеров, которые сейчас не каждый город может себе позволить. Однако уже начальный период советской истории нашей страны показал, что реальная доля ее как христианского, так и в целом религиозного населения гораздо меньше и измеряется скорее единицами процентов. Десятки миллионов верующих буквально в одночасье стали атеистами, а подавляющее большинство дореволюционных храмов превратилось в клубы, склады, цеха или просто руины.

В Югославии в социалистические времена гонениям подвергались представители всех ее религий: православия, католицизма, ислама. К 80-м годам XX века казалось, что религиозных различий в СФРЮ больше нет. В Сараево, столице самой поликонфессиональной югославской республики Боснии и Герцеговины, в 1984 году были проведены зимние Олимпийские игры, ярко продемонстрировавшие «братство и единство» народов СФРЮ. Но менее чем через 10 лет Сараево стало одной из основных точек гражданской войны в Боснии и Герцеговине, где основу противостояния составляла религиозная принадлежность ее жителей.

Соседняя с Югославией Албания в 1967 году была объявлена «первым в мире атеистическим государством». Официально в стране вообще не было верующих любых конфессий до конца 80-х годов. Но с крахом социалистической системы в Албании религиозная жизнь в ней стала возрождаться очень быстро, и, по переписи 2011 года, доля религиозного населения составляет более 80% [14]. Более того, конфликт в Косово часто рассматривался как противостояние православия (сербов) и ислама (албанцев). Но вряд ли эту точку зрения можно признать безоговорочно верной, поскольку значительная часть этнических албанцев — христиане, в том числе и православные (по той же переписи 2011 года, доля католиков в населении Албании составляла 10%, православных — 7%).

Но исследования в области конфессиональной географии интересны не только сами по себе. Считается, что религия имеет определяющее значение для формирования цивилизационных различий. Как утверждает Г. М. Фёдоров, описывая методику отнесения стран и территорий к той или иной цивилизационной группе, «... в качестве первого типологического признака мы рассматриваем религию, второй признак — языковая общность (язык, языковая группа, языковая семья), третий — исторический (пребывание в течение продолжительного времени в составе одного государства или в качестве его колонии)» [15, с. 67].

Воздействие религий на формирование цивилизаций детерминируется главным образом тем, как они определяют место человека в мире. Ключевой вопрос, который и обуславливает это воздействие — отношение к свободе воли человека. Оно существенно различается в основных современных религиях. Исходя из отношения к месту человека в системе мироустройства, выделяются три основные группы цивилизаций — «цивилизации свободы» (христианские цивилизации), «цивилизации повиновения» (исламские, буддистские, конфуцианская, синтоистская и др.) и «цивилизации предопределения» (индуистская) [16].

Ввиду вышесказанного нарастание нерелигиозности и увеличение числа неверующих в современной Европе никак не свидетельствуют о том, что европейская цивилизация, в основе которой лежат христианские ценности, начинает исчезать. Безусловно, когда-нибудь она исчезнет, как исчезло уже множество других цивилизаций, но в ближайшем будущем это вряд ли произойдет. Отход населения европейских стран от религии как раз и есть проявление свободы воли, данной каждому человеку от рождения: «Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною» (1 Кор. 6: 12).

Швеция: историческая ретроспектива

Одной из стран Европы, где диффузия религиозных ценностей исторически связана с Россией, является Швеция. Отдельных исследований по географии религий в этой стране в отечественной литературе мы не встречали. Единственная статья, наиболее полно отражающая историю распространения христианства в Швеции, была опубликована в «Журнале Московской Патриархии» в 1982 году, среди цикла исследований, посвященных истории православия за пределами Советского Союза [17]. Соответственно, последние 35 лет в истории и географии религий Швеции в научной литературе остались совсем без внимания.

История христианства, пришедшего на смену языческим культам германо-скандинавской мифологии в Швеции — первой в мире страны, для которой лютеранство стало государственной религией еще в начале XVI века и оставалось в этом статусе до начала 2000-х — насчитывает более 10 столетий. Считается, что первые попытки христианского миссионерства были направлены с Запада и относятся к IX веку. Вместе с

тем существует мнение, что с восточной традицией христианства древнее население современной Швеции тоже могло быть знакомо благодаря викингам, знавшим путь к Константинополю [17]. Х. Классон — шведский исследователь и православный священник — утверждает, что Швеция после крещения испытывала влияние как западной (позже католической), так и восточной (ставшей православной) традиций. В качестве одного из аргументов он приводит направленность политических и торговых, а значит, социокультурных, связей Швеции в X—XI века на Восток. Центром этих связей на Востоке был Новгород, а в Швеции — Сигтуна. Именно в Сигтуне находился первый на территории Швеции православный храм [17, с. 51].

К рубежу IX—X веков миссионерская деятельность епископов и монахов из Германии, Шотландии и Ирландии дала плоды, и шведский король Олоф Шетконунг принял крещение. С этого момента, с 1000 года, началась христианская история Швеции, хотя проявления язычества и двоеверие сохранялись еще очень долго.

Швеция приняла христианство еще до раскола на католичество и православие и в первые два столетия специфика христианского культа формировалась под влиянием обеих традиций (женатое священство и т. д.) [17]. После раскола 1054 года возник вопрос об окончательном определении конфессиональной принадлежности на государственном уровне, и в 1248 году в г. Шеннинге был проведен Собор шведской церковной области, в результате решения которого вся Швеция стала католической. Исключение составили остров Готланд — центральный пункт торговли с Новгородом и ганзейский город Висбю, где в то время уже существовали православные храмы для новгородских купцов. Уже вскоре, во второй половине XIV века, Готланд был захвачен датчанами и связь с православной традицией в Швеции прервалась на столетия.

Швеция оставалась католической до начала эпохи Реформации XVI века, когда на смену ему пришло лютеранство. «Движущей силой» распространения лютеранского течения в стране называют короля Густава Вазу [17; 18]. Его усилиями лютеранство формально и фактически получило всеобщее распространение в Швеции. Государственный статус этой первичной протестантской конфессии был закреплен в 1593 году, когда в Упсале на сессии риксдага было принято решение, что на территории Швеции может совершаться только лютеранское богослужение. Закон, запрещавший частным лицам без присутствия лютеранского священника проводить собрания с обсуждением религиозной тематики, был отменен только в 1858 году. Вскоре, в 1860 году, граждане Швеции получили право выхода из Шведской лютеранской церкви при вступлении в другую христианскую конфессию.

Христианские конфессии Швеции на современном этапе

Шведская лютеранская церковь, несмотря на высокую степень секуляризации общества, на данный момент является самым многочисленным религиозным объединением в стране и обладает самой богатой

и развитой сетью церковно-административного деления. В 2014 году Шведская лютеранская церковь насчитывала 6 292 264 прихожан, что составляет 64,6% населения страны [19]. В том же году было оказано около 410 тыс. «религиозных услуг» (крещения, конфирмации, венчания, отпевания), то есть лютеранство по-прежнему остается значимой частью культуры шведов. С учетом того, что все упомянутые таинства, кроме венчания, могут быть совершены над человеком только один раз в жизни, а население Швеции составляет немногим более 8 млн человек, 410 тыс. таинств в год — довольно высокий показатель.

Первичной церковно-административной единицей Шведской лютеранской церкви (ШЛЦ), как и во всех основных христианских деноминациях, является епархия, возглавляемая епископом. В церковно-административном плане территория Швеции делится на 13 епархий, состоящих из 1364 приходов в стране и 31 за рубежом (современное количество приходов по епархиям указано в скобках) с центрами в таких городах, как Уппсала (127), Векше (168), Вестерос (75), Висбю (84), Гетеборг (178), Карлстад (85), Линчепинг (103), Лулео (57), Лунд (167), Скара (117), Стокгольм (около 60), Стренгнес (45), Хернесанд (98).

Епархиальные приходы делятся на две категории — независимые единицы и приходы, объединенные в пастораты. Например, Уппсальская архиепархия включает 127 приходов, 89 из которых объединены в 26 пасторатов, а 41 — независимые церковные единицы. В Финляндской лютеранской церкви наблюдается аналогичное деление на типы приходов [8]. Епархия с центром в г. Вюсбю выделяется спецификой территориальной организации: епископу Висбю подчиняются приходы на о. Готланд и приходы ШЛЦ, расположенные в разных странах на разных континентах мира (включая Австралию и обе Америки).

Особенность культовой инфраструктуры ШЛЦ — наличие на ее канонической территории лютеранского Останбекского монастыря (Östanbäck monastery — шв.), который находится недалеко от Салы. Вообще, институт монашества не в традиции лютеранства, но с начала XX века в результате экуменических движений и обращения первичных протестантских течений к католицизму как реформированному протестантизму стали появляться лютеранские монашеские ордена в странах Европы и в США. История монашеской лютеранской общины началась 14 февраля 1960 года с инициативы четверых студентов-теологов Уппсальского и Лундского университетов, давших монашеские обеты и образовавших Братство Святого Креста под руководством англиканского священника — представителя ордена францисканцев. Позже, в 1975 году, монастырь перешел на устав ордена бенедиктинцев.

Деятельность Шведской лютеранской церкви финансируется пожертвованиями верующих (обязательный церковный налог был отменен в 2000 году), дивидендами с акций. Ежегодно ШЛЦ получает дотацию государства на сохранение памятников культурного наследия, а также отчисления из различных фондов.

Каждый год ШЛЦ публикует финансовый отчет [19]. Проанализировав его данные, можно сказать, что общий уровень финансовой неза-

висимости Шведской церкви от заемных источников выше нормативного значения (выше 0,5), из этого следует, что основная часть активов ШЛЦ сформирована с помощью собственных источников.

Наличие чистого дохода (равного 824 млн. SEK в 2014 году) свидетельствует о том, что церковь ведет эффективную финансовую политику. Увеличение дохода говорит о росте финансовой независимости церкви. Увеличилось количество ценных бумаг, тем самым вырос собственный капитал. Это является положительным эффектом. Расходы от основной деятельности незначительно увеличились, что не повлекло за собой снижение чистого дохода.

Увеличение дебиторской задолженности (задолженность других экономических агентов перед церковью), если она является краткосрочной, говорит о том, что в будущих периодах возможно увеличение валовых доходов посредством возврата средств церкви. В целом финансовое состояние ШЛЦ удовлетворительно, финансовая политика проводится правильно.

Второй по численности последователей и количеству приходов христианской конфессией в Швеции является католичество. По сути, именно с него началась христианская история страны, прерванная реформацией и возобновленная после 1860 года, благодаря уже упоминавшейся законодательной возможности для населения перейти в другую христианскую конфессию, оставив лютеранство. Первый после реформации католический храм был построен в 1865 году в Гётеборге. Основу прихода, оформившегося еще в 1861 году, образовала католическая община в составе около 50 человек — проживавших тогда в Швеции католиков из Германии, Франции, Италии. Еще раньше, в 1837 году, в Стокгольме стал действовать храм св. Евгении, сейчас насчитывающий более 10 тыс. прихожан и являющийся старейшим католическим приходом в Швеции после реформации.

К 1900 году в Швеции насчитывалось около 2500 католиков, которые были прихожанами действующих храмов Стокгольма, Гётеборга, Эвле и Мальме, затем появились храмы в Хельсинборге и Эренбру.

На данный момент численность прихожан Римско-католической церкви в Швеции — около 150 тыс. человек с тенденцией к дальнейшему увеличению, обусловленному миграционным притоком из католических стран Восточной Европы и, пусть и в гораздо меньшей мере, переходом консервативно настроенных по отношению к религии этнических шведов из лютеранства в католичество [20]. В церковно-административном отношении территория Швеции с 1953 года представляет собой отдельную Римско-католическую епархию Стокгольма, включающую в себя 44 прихода. Приходы возникали в самые разные годы. Например, на о. Готланд (приход Висбю) первая после реформации католическая церковь стала действовать в 1982 году.

На нескольких приходах действуют монастыри: в Иенчепинге — Францисканский, в Ландскруне — Кармелитский, в Истаде — Бенедиктинский. Есть сестричество в Уппсале.

Среди католических миссий, представленных разными странами и континентами (африканская, хорватская, английская, эритрейская и эфиопская, филиппинская, французская, итальянская, словенская, испанская, украинская (греко-католики) и т. д.), самой многочисленной является польская — практически на всех приходах Швеции совершаются мессы на польском языке. В последние годы число приходов польской миссии увеличивается: возникли новые общины и храмы в городах Ханинг (1999), Гётеборг (2005), Мерста (2009), Фитья (2012).

Как правило, католические приходы Швеции многонациональны (на это указывают национальные языки богослужений). Например, приход г. Ярфала, ставший самостоятельной церковной единицей в 2003 году, отделившись от прихода св. Евгении в Стокгольме, насчитывает примерно 1600 зарегистрированных прихожан из 60—70 стран. Мессы там проводятся шведском, арабском, ланкийском, испанском, индийском и польском. Также на этом приходе богослужения совершают и католики восточного обряда.

На католических приходах этнические шведы составляют меньшинство, хотя наметилась тенденция перехода из лютеранства в католичество тех, кто не согласен с реформами в шведском лютеранстве (женское священство и т. д.).

Как и католические храмы, снова появившиеся в Швеции после реформы 1860 года, православные приходы в стране тоже имели своих предшественников: «В XII—XIII века, когда действовал торговый путь "из варяг в греки", в древней шведской столице Сигтуне и в ганзейском городе Висбю на о. Готланд существовали русские фактории, где "торговые люди" из Новгородской Руси имели свои православные храмы» [21, с. 329]. Храмы эти были разрушены в XVI веке, снова православная община и храм появились в Стокгольме в 1617 году, когда по итогам Столбовского мирного договора новгородские и московские купцы получили возможность иметь при торговом дворе храм. Православный священник не имел постоянного пребывания в Швеции — он командировался туда на летний торговый сезон из Новгородской митрополии [21]. Окончание Северной войны и восстановление дипломатических отношений между Россией и Швецией повлекли за собой изменение статуса православного храма, который считается первым приходом Русской православной церкви, основанным за рубежом, — из купеческого он превратился в посольский.

Это означало, что он был переведен из подчинения Новгородскому митрополиту в Петербургскую духовную консисторию и Министерство иностранных дел. Богослужения в этом храме на протяжении XVIII века носили непостоянный характер из-за напряженных политических отношений между странами и постоянных войн. Последнее обстоятельство служило причиной изменения расположения православного храма на территории Швеции: «Приблизительно до 1710 года русские военнопленные содержались по большей части в Стокгольме и его пригородах. В 1710 году они были разосланы в различные места внутри страны, а в 1715 году все пленные были переселены на небольшой остров Ви-

сингсё на озере Веттерн. Туда же переведен был и православный храм, а также оба священника, находившиеся в то время в Швеции» [17, с. 53].

Как посольский Спасо-Преображенский храм в Стокгольме существовал до 1917 года, а затем, в связи с последствиями революционных событий в России, он стал приходским храмом для эмигрантов. В церковно-административном плане такие храмы подчинялись руководству, находившемуся в Париже, и вскоре после революции большая часть приходов перешло под омофор Константинопольского патриархата. Трудно оценить численность православных христиан в Швеции, но считается, что к концу Второй мировой войны она возросла с 1 до 12 тыс. человек (за счет эмигрантов).

Впервые в православное пространство Швеции, до этого представленное точечно (преимущественно одним приходом Русской православной церкви, пусть и менявшем свою дислокацию), разнородность приносится в 1944—1947 годы. Образование Эстонской православной церкви (ЭПЦ) (за рубежом), относящейся к юрисдикции Константинопольского патриархата, связано с волной эмиграции (35 тыс. человек, из них 6 тыс. — православного вероисповедания) [17] эстонцев в Швецию. Православное пространство в Швеции впервые расширилось в конце 1940-х годов, когда эстонские православные приходы очень быстро образовались в Стокгольме, Гётеборге, Норчёпинге и Хальмстаде (уже к 1980 году осталось только два из них — в Стокгольме и Гётеборге).

Из эмигрантов состояла образовавшаяся также во второй половине 1940-х годов община православных финнов, покинувших финскую Карелию. Хотя они могли поддерживать связь с Финляндской православной церковью, решающую роль в организации их религиозной жизни в Швеции сыграла Эстонская православная церковь. Усилиями финноязычного священника ЭПЦ Мартина Юхкама в Стокгольме был консолидирован приход православных финнов с общинами в Гётеборге, Норчёпинге, Эскильстуне, Вирсбру. Православные финны в Швеции стали подчиняться митрополиту Стокгольмскому (Константинопольский патриархат).

Новый этап распространения православия в Швеции и образования новых православных юрисдикций относится к 1960—1970-м годам и тоже связан с эмиграцией, на этот раз трудовой, преимущественно из стран Юго-Восточной Европы, где православие было традиционной конфессией. Численность православных в Швеции резко возросла (до 70 тыс. человек) [16], и четверо православных священников уже не могли удовлетворить все религиозные нужды такой многочисленной паствы. К тому же возникала проблема со знанием языков. В 1966 году был впервые рукоположен православный священник — этнический швед — и реализовалась первая попытка создания многонациональных приходов, где основной богослужебный и разговорный язык — шведский, но допускаются и другие. За несколько лет такие приходы были созданы в Стокгольме и Кристианстаде.

К 1980 году в Швеции оформились в целом черты православного пространства (табл. 1), которое характеризует многообразие и отсутствие единства канонического пространства.

Таблица 1

Православные церкви в Швеции (1980 г.)

Название	Города (приходы)	Количество приходов	Число священников	Численность прихожан, тыс. чел.
Константинопольский патриархат Греческая митрополия Швеции и Скандинавии	Гётеборг, Мальме, Стокгольм, Упсала	3	4	Формально — 16, фактически — 8
Эстонская православная церковь (за рубежом)	Гётеборг, Стокгольм	2	2 (1 за штатом)	Невозможно оценить
Финляндская автономная православная церковь	Стокгольм	1	1	Формально — 4
Западноевропейский экзархат Русской православной церкви (за рубежом)	Стокгольм	1	1	2
Румынский патриархат	Стокгольм, Гётеборг, Мальме	3	3	1
Сербский патриархат	Гётеборг, Кристианстад, Мальме, Стокгольм, Эскульстуна	5	5	Формально — 35, фактически — 8

К настоящему времени в Швеции увеличилось количество православных приходов и появилось представительство Антиохийского патриархата с приходом в г. Мелндал.

Число приходов Румынского патриархата увеличилось в 6 раз и достигло 19. Теперь храмы Румынской православной церкви есть в Стокгольме (3), Буресе, Векше, Вестересе, Гётеборге, Йёнчёпинге, Кристианстаде, Линчёпинге, Мальме, Сёльвесборге, Умео, Уппсале, Хальмстаде, Хельсинборге, Хиллерстурпе, Эребру, на Готланде [21]. В 2007 году приходы Румынского патриархата в странах Северной Европы объединились в Северо-Европейскую епархию, центр которой находится в Стокгольме.

Очень сложным является положение прихода Финляндской автономной церкви [22]. Формально приход числится в Стокгольме, есть общины в Гётеборге, Хофорше, Эскильстуне, но регулярных богослужений не совершается, а священник изредка командирован из Хельсинки или Турку.

Первый приход Русской православной церкви Московского патриархата стал действовать в Стокгольме в 1992 году. К 2007 году количе-

ство приходов РПЦ МП в Швеции увеличилось, что позволило зарегистрировать официальный статус благочиния как религиозной организации. Сейчас в Швеции 11 приходов Русской православной церкви, но только в Стокгольме, Гётеборге, Вестеросе и Умео они официально входят в состав благочиния, то есть зарегистрированы в Камер-коллегии. В Арбуге, Евле, Карлстаде, Лулео, Уппсале, Йёнчёпинге, Эскильстуне существуют полноценные православные общины, но по шведским законам они представляют собой религиозную группу. Регулярные богослужения и священники есть только на крупных приходах, к которым приписаны небольшие общины. Например, приход Стокгольма окормляет православных в Гётеборге, Карлстаде, Уппсале, Арбуге, а также в самом удаленном от Стокгольма городе, расположенном от него в 900 км — Лулео.

Заключение

Швеция обычно рассматривается как один из самых ярких примеров секуляризации и дехристианизации зарубежной Европы. Но как показывает анализ реальной религиозной ситуации в стране, секуляризация эта в значительной степени мнимая. Большая часть шведов остается прихожанами Шведской лютеранской церкви (ШЛЦ), которая, хотя уже и не является государственной, пользуется большим влиянием в стране. Однако значение ШЛЦ снижается не из-за того, что она недостаточно быстро следует за переменчивыми настроениями шведского общества, а потому, что иногда эта церковь, как и прочие протестантские деноминации, слишком быстро и поспешно реагирует на требования «века сего». То, что женщины могут быть иерархами церкви, признание равноправности однополых «браков» и прочие новации того же рода ни в Швеции, ни в других протестантских странах никого в лоно церкви не привели, а оттолкнули многих. Косвенным подтверждением этому служит также рост как числа приходов, так и численности прихожан других христианских конфессий — католицизма и православия.

Список литературы

1. Сафронов С. Г. Религиозное пространство России // Население и общество. 1998. № 33. С. 1—4.
2. Филимонова И. Ю. Особенности конфессионального состава населения Оренбургской области: пространственные различия // Этнопанорама. 2008. № 1—2. С. 53—61.
3. Сафронов С. Г. Территориальная структура и динамика современного конфессионального пространства России // Региональные исследования. 2013. № 4. С. 87—100.
4. Балабейкина О. А. Историко-географические аспекты территориальной организации православной церкви в России // Псковский регионологический журнал. 2014. № 19. С. 64—73.

5. *Абросимова И.В.* Изучение конфессионального пространства Курганской области // География, история и геоэкология на службе науки и инновационного образования. 2011. Вып. 7. С. 150—152.
6. *Мурашова Т.В.* Отражение фактора пограничности в структуре конфессионального пространства Псковской области // Псковский регионологический журнал. 2013. № 16. С. 177—183.
7. *Балабейкина О.А.* Традиционные христианские конфессии Финляндии: территориальный аспект // Известия Русского географического общества. 2014. Т. 146, № 5. С. 56—62.
8. *Balabeykina O., Martynov V.* Lutheranism in Finland: Past and Present // Baltic Region. 2015. № 4. P. 113—121. doi: 10.5922/2079-8555-2015-4-9.
9. *Эйдемиллер К.Ю.* Роль мусульманских общин в трансформации социокультурного и политического пространства стран Северной Европы : дис. ... канд. геогр. наук. СПб., 2015.
10. *Эйдемиллер К.Ю.* Ислам в Северной Европе // Ислам в России и за ее пределами: История, Общество, Культура. Магас ; СПб., 2011. С. 357—361.
11. *Зудов Ю.В.* Церковь, государство и общество в современной Дании. Челябинск, 2011.
12. *Зудов Ю.В.* Евангелическо-лютеранская церковь Дании: история, структура и современное состояние // Северная Европа: Проблемы истории. 2005. Вып. 5. С. 213—233.
13. *Андреева Л.А.* Процесс дехристианизации населения России и возникновение квазирелигиозности в XX веке // Общественные науки и современность. 2003. № 1. С. 90—100.
14. *Bureau of Democracy, Human Rights and Labor International Religious Freedom Report for 2014.* URL: <http://www.state.gov/j/drl/rls/irf/religiousfreedom/index.htm#wrapper> (дата обращения: 05.05.2016).
15. *Фёдоров Г.М.* О комплексной многоуровневой типологии стран Европы // Социально-экономическая география // Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2015. № 1(4). С. 67.
16. *Мартынов В.Л., Сазонова И.Е.* Религии и цивилизации в пространственном развитии общества // Могилёвский меридиан. 2015. С. 99—103.
17. *Классон Х.* Православная Церковь в Швеции // Журнал Московской Патриархии. 1982. № 9. С. 50—54.
18. *Гейссер Л.* История реформации в Швейцарии, Дании, Швеции и Англии (1850) // Лютер М. О свободе христианина. Уфа, 2013. С. 489—498.
19. *Финансовый отчет за 2014 г.* // Официальный сайт Шведской лютеранской церкви. URL: <https://www.svenskakyrkan.se/economyandfinance> (дата обращения: 23.03.2016).
20. *Католические храмы в Швеции* // Римско-католическая церковь в Швеции. URL: <http://www.katolskakyrkan.se/katolska-kyrkan-i-sverige> (дата обращения: 20.03.2016).
21. *Антонов В.В., Кобак А.В.* Русские храмы и обители в Европе. СПб., 2005.
22. *Список приходов в Швеции* // Официальный сайт Северо-Европейской епархии Румынского патриархата. URL: <http://episcopiascandinavia.se/parohii/107-suedia> (дата обращения: 25.03.2016).
23. *Беглов А.* Православный приход на иноконфессиональных окраинах Российской империи: случай Финляндии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2014. № 4. С. 107—135.

Об авторах

Ольга Александровна Балабейкина, кандидат географических наук, доцент кафедры региональной экономики и природопользования, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия.

E-mail: olga8011@ya.ru

Василий Львович Мартынов, доктор географических наук, профессор, профессор кафедры экономической географии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия.

E-mail: martin-vas@yandex.ru

Для цитирования:

Балабейкина О.А., Мартынов В.Л. Конфессиональное пространство современной Швеции: христианские деноминации // Балтийский регион. 2017. Т. 9, №3. С. 113—127. doi: 10.5922/2074-9848-2017-3-6.

THE DENOMINATIONAL SPACE OF MODERN SWEDEN: CHRISTIANITY

O. A. Balabeykina¹

V. L. Martynov²

¹ Saint Petersburg State University of Economics
21 Sadovaya St., St. Petersburg, 191023, Russia

² A. I. Herzen Russian State Pedagogical University
48 Moiki Nab., Saint Petersburg, 191186, Russia

Submitted on May 30, 2016

This article considers spatial and temporal diffusion of Christian values in Sweden and examines the features of the country's confessional space. The work aims to identify historical and geographical characteristics of the formation of Sweden's Christian space and of its current transformation. Another objective is to introduce data on the economic activities of large religious organisations into scholarly use. The relevance of this work lies in the fact that Christianity is the most popular religion in Sweden, given that it is religion that has a profound effect on worldview in a society. The article describes the transformation of territorial and canonical structure of Christian denominations in Sweden. It is argued that, despite secularisation of Swedish society, religion remains a key component in both host and immigrant cultures, which requires a study of the denominational space. Special attention is paid to recent changes in Sweden's Christian space. The authors emphasise the growing role of the parishes of the Russian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate, which is manifested in the rising number of religious facilities and a growing territorial presence. This study is the first in its kind to analyse data on the eco-

conomic organisation of a foreign country's denominational space. The authors establish a connection between migration processes in a society and changes in the internal structure of its Christian space.

Key words: geography of religions, denominational space, economic activities of religious organisations, administrative church structure

References

1. Safronov, S.G. 1998, Religious pace of Russia, *Naseleniye i obschestvo* [Population and society], no. 22, p. 1—4. (In Russ.)
2. Filimonova, I. Yu. 2008, Distinctive features of confessional structure of population of Orenburg area: spatial difference, *Etmopanorama*, no. 1—2, pp. 53—61. (In Russ.)
3. Safronov, S.G. 2013, Regional structure and dynamics of contemporary confessional structure of Russia, *Regionalnye issledovaniya* [Regional studies], no. 4, p. 87—100.
4. Balabeykina, O.A. 2014, Historical and Geographical aspects of territorial organization of Orthodox Church in Russia, *Pskovskii regionologicheskii zhurnal*, no. 19, p. 64—73. (In Russ.)
5. Abrosimova, I. V. 2011, Confessional space of Kurgan area study, *Geografiya, istoriya i geoekologiya na sluzhbe nauki i innovatsionnogo obrazovaniya* [Geography, history and geocology in the service of science and innovative education], no. 7, p. 150—152. (In Russ.)
6. Murashova, T.V. 2013, Marginality factor in the structure of confessional space of Pskov area, *Pskovskii regionologicheskii zhurnal*, no. 10, p. 177—183. (In Russ.)
7. Balabeykina, O. A. 2014, Traditional Christian confessions of Finland territorial aspect, *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva*, Vol. 146, no. 5, p. 56—62. (In Russ.)
8. Balabeykina O., Martynov V. 2015, Lutheranism in Finland: Past and Present, *Balt. Reg.*, Vol. 7, no. 4, p. 113—121. DOI 10.5922/2079-8555-2015-4-9.
9. Eydemiller, K. Yu. 2015, *The role of Muslim communities in transformation of social, cultural and political space of the countries of Northern Europe*, Doctorate thesis in Geography, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, 182 p. (In Russ.)
10. Eydemiller, K. Yu. 2011, Islam in Northern Europe. In: *Islam in Russia and abroad: History, Society, Culture*, Materials of the International Scientific Conference, Magas — SPb, p. 357—361.
11. Zudov, Yu. V. 2011, *Tserkov, gosuderstvo i obschestvo v sovremennoy Danii* [Church, state and society in contemporary Denmark], Chelyabinsk. (In Russ.)
12. Zudov, Yu. V. 2005, Evangelical Lutheran Church of Denmark: history, structure and contemporary condition, *Severnaya Evropa: Problemy istorii* [Northern Europe: Problems of History.], no. 5, p. 213—233. (In Russ.)
13. Andreeva, L. A. 2003, A process of dechristianization of Russian population and genesis of kvazireligiosity in the XX century, *Obschestvennye nauki i sovremennost*, no. 1, p. 90—100. (In Russ.)
14. Bureau of Democracy, Human Rights and Labor International Religious Freedom Report for 2014, 2015, available at: <http://www.state.gov/j/drl/rls/irf/religiousfreedom/index.htm#wrapper> (accessed 05 May 2016).
15. Federev, G.M. 2015, Complex multilevel typology of European countries, *Sotsialno-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik Assotsiatsii rossiyskikh geografob-obschestvovedov* [Socio-economic geography. Bulletin of the Association of Russian social geographers], no. 1(4), p. 67. (In Russ.)

16. Martynov, V.L., Sazonova, I. Ye. 2015, Religions and civilizations in spatial development of the society, *Mogilevskiy meridian*, p. 99—103. (In Russ.)
17. Klasson, H. 1982, Orthodox Church in Sweden, *Jurnal Moskovskoy Patriarii*, no. 9, p. 50—54. (In Russ.)
18. Geisser, L. 2013, The history of the Reformation in Switzerland, Denmark, Sweden and England (1850). In: Luther, M. *O svobode hristianina* [On the Freedom of a Christian], Ufa, p. 489—498. (In Russ.)
19. Report on finance, 2014, *Official site of Sweden Lutheran Church*, available at: <https://www.svenskakyrkan.se/economyandfinance> (accessed 23 March 2016).
20. Catholic temples in Sweden, *Roman Catholic Church in Sweden*, available at: <http://www.katolskakyrkan.se/katolska-kyrkan-i-sverige> (accessed 20 March 2016).
21. Antonov, V.V., Kobak, A.V. 2005, *Russkiye hramy i obitely v Evrope* [Russian temples and cloisters in Europe], St. Petersburg. (In Russ.)
22. The list of parishes in Sweden, official site of the Northern European eparchy of Romanian Patriarchy, available at: <http://episcopiascandinavia.se/parohii/107-suedia> (accessed 25 March 2016).
23. Beglov, A 2014, Orthodox parish in other-confessional remote areas of the Russian Empire: Finland case, *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii I za rubezhom*, no. 4, p. 107—135. (In Russ.)

About the authors

Dr Olga A. Balabeykina, Associate Professor, Department of Regional Economics and Nature Management, Saint Petersburg State University of Economics, Russia.

E-mail: olga8011@ya.ru

Prof. Vasily L. Martynov, Department of Economic Geography, Herzen State Pedagogical University, Russia.

E-mail: martin-vas@yandex.ru

To cite this article:

Balabeykina O. A., Martynov V. L. 2017, The Denominational Space of Modern Sweden: Christianity, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 3, p. 113—127. doi: 10.5922/2074-9848-2017-3-6.

ПРОСТРАНСТВО

ВЫЯВЛЕНИЕ ВАЖНЕЙШИХ ГРУПП СТЕЙКХОЛДЕРОВ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО БРЕНДИНГА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

*В. В. Кулибанова¹
Т. Р. Тэор¹*

В современном мире бренд региона становится ценным нематериальным активом его экономики, важнейшим конкурентным ресурсом для налаживания партнерских отношений. Разработка эффективной политики территориального брендинга невозможно без четкого представления об интересах каждой группы стейкхолдеров. При этом необходимо принимать во внимание, что каждый регион по-своему уникален. Территории отличаются между собой по набору стейкхолдеров, степени их влияния на развитие региона, имеющимся в их распоряжении рычагами воздействия на лица, принимающие решения, касающиеся региональной политики. Цель исследования — уточнение понятия и определение основных групп стейкхолдеров для мероприятий брендинга Санкт-Петербурга. Применены методы теоретической и эмпирической типологизации стейкхолдеров территории с использованием теоретических установок, предложенных Э. Фрименом, а также Ф. Котлером, С. Зенкером и Э. Брауном. В работе уточняются понятия и определяются основные группы региональных стейкхолдеров. Предложенная авторская модель целевых аудиторий (групп стейкхолдеров) для политики территориального брендинга рассматривается на примере Санкт-Петербурга. Показано, что для каждой из целевых аудиторий территориального маркетинга следует разрабатывать собственную политику. Это объясняется тем, что каждая группа имеет специфические характеристики, которые необходимо учитывать и при разработке тех или иных сообщений, и при их трансляции.

¹ Институт проблем региональной экономики РАН, 190013, Россия, Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, 38.

Поступила в редакцию 06.03.2017 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2017-3-7

© Кулибанова В. В., Тэор Т. Р., 2017

Ключевые слова: стейкхолдеры, Санкт-Петербург, бренд территории, территориальный маркетинг, брендинг территории

Введение

Уже во второй половине прошлого века в европейских странах и США стали осознавать, что регион может представлять собой известный бренд, привлекающий разнообразные группы стейкхолдеров. Однако формирование сильного бренда территории — процесс сложный и долгий, имеющий стратегическое значение для усиления конкурентного потенциала и конкурентной привлекательности регионов.

В настоящее время в связи с непростой экономической ситуацией в стране, вызванной рядом объективных причин, потребности развития регионов обусловили актуализацию проблем их маркетинга и брендинга. В современном мире бренд региона становится важными нематериальным активом его экономики. При этом под регионом может подразумеваться как страна в целом, так и регионы более мелкого уровня: край (Краснодарский), область (Калининградская), город (Санкт-Петербург). Актуальность маркетинга и брендинга территорий повышается в связи с ростом значения информации для обеспечения конкурентных преимуществ хозяйствующих и политических субъектов. Бренд территории становится важнейшим конкурентным ресурсом для налаживания партнерских отношений.

И именно усиливающаяся конкуренция регионов разного уровня за привлечение туристов, инвестиций, новых жителей и предпринимателей привела к тому, что лица, заинтересованные в развитии территорий, стали обращаться к маркетинговому инструментарию, ранее разработанному для других сфер применения маркетинга. В случае с брендингом территории целью может стать обеспечение приверженности целевых аудиторий (стейкхолдеров) определенным регионам.

Задачей исследования является уточнение понятия и определение основных групп стейкхолдеров для мероприятий брендинга Санкт-Петербурга.

Термин «стейкхолдер» в его нынешнем понимании был предложен экономистом Робертом Эдвардом Фриманом — создателем одноименной теории. В своей книге «Стратегический менеджмент: стейкхолдерский подход» он определяет **стейкхолдера** как «любого индивидуума, группу или организацию, оказывающие существенное влияние на принимаемые фирмой решения или оказывающиеся под воздействием этих решений» [30].

Безусловно, Э. Фриман рассматривает в качестве объекта своего исследования предприятие или организацию. Поэтому к основным стейкхолдерам он относит: собственников и руководителей компании, акционеров, инвесторов, партнеров, сотрудников компании, местное сообщество, общественные организации, СМИ, конкурентов, потребителей, государство. У каждой из этих групп есть свои собственные интересы, подчас входящие в противоречие с интересами других стейкхолдеров. И у каждой их перечисленных групп есть рычаги воздействия на предприятие. В руках стейкхолдеров сосредоточена значительная власть, и это необходимо учитывать менеджерам при принятии решений.

Можно утверждать, что цель бренда организации — повышение социальной и коммерческой значимости организации в целом. Его задача — формирование желаемого имиджа фирмы в сознании целевых аудиторий, при этом возможна ситуация, когда для каждой из аудиторий будет разработано собственное сообщение.

С. Анхольт полагает, что для маркетинга территории вполне применимы инструменты традиционного, коммерческого, маркетинга. В частности, он пишет, что «продвижение региона развивалось параллельно с продвижением товаров и услуг, при этом маркетологи, занимающиеся территориальным продвижением, адаптировали новые маркетинговые технологии более или менее быстро» [22, р. 2].

С. Зенкер и Э. Браун в своей работе «Сущность бренда территории — концептуальный подход к брендингу территории и территориальному бренд-менеджменту» адаптируют понятие бренда организации применительно к региону. С их точки зрения, **бренд территории** — это комплекс ассоциаций в сознании потребителей, базирующихся на визуальных, вербальных и поведенческих проявлениях особенностей территории, которые находят свое выражение в целях, коммуникациях, ценностях и общей культуре региональных стейкхолдеров, а также в общем дизайне данной территории [37].

Э. Э. да Сильва Оливейра при проведении исследований, касающихся роли и места брендинга в качестве инструмента достижения стратегических целей развития территории, выявил, что брендинг территории должен быть частью стратегического плана пространственного развития региона [34].

Согласно М. Каварацису и М. Дж. Хэтчу, работа со стейкхолдерами — самая важная часть брендинга города [34]. Соответственно, обеспечение приверженности стейкхолдеров (целевых аудиторий) определенным регионам — главная цель территориального брендинга.

Самую известную классификацию региональных стейкхолдеров для целей маркетинга и брендинга территории предложил Ф. Котлер. Он выделяет четыре главных целевых рынка (табл. 1) [6].

Таблица 1

Целевые рынки в маркетинге территорий

Посетители	<ul style="list-style-type: none"> • Приехавшие по делу (для посещения конференции, переговоров, знакомства с местом, торговли) • Приехавшие просто так (туристы и путешественники)
Местное население и работники	<ul style="list-style-type: none"> • Профессионалы (ученые, доктора и т. п.) • Квалифицированные работники • Телеработники • Богатые люди • Инвесторы • Предприниматели • Неквалифицированные рабочие • Жители старшего возраста и пенсионеры

Бизнес и промышленность	<ul style="list-style-type: none"> • Тяжелая промышленность • «Чистые» сборочные производства, высокотехнологичные производства, обслуживающие предприятия и т. п. • Предприниматели
Экспортные рынки	<ul style="list-style-type: none"> • Другие территории в пределах внутреннего рынка • Международные рынки

Еще одну точку зрения на классификацию региональных стейкхолдеров предлагают С. Бекманн и С. Зенкер. По их мнению, целевые аудитории маркетинга территории делятся на четыре группы, причем внутри каждой из них авторы выделяют подгруппы со своими, отличными от других интересами (рис. 1) [24]. К первой группе относят тех, кто посещает данный регион для отдыха, с бизнес-целями, а также тех, чья профессия подразумевает постоянные перемещения (например, археологи или архитекторы). Вторая группа включает в себя людей, проживающих и работающих на данной территории (как местных, так и приезжих). В третью группу входят представители государственного сектора, частного бизнеса и общественных организаций. Четвертая группа представлена разнообразными СМИ.

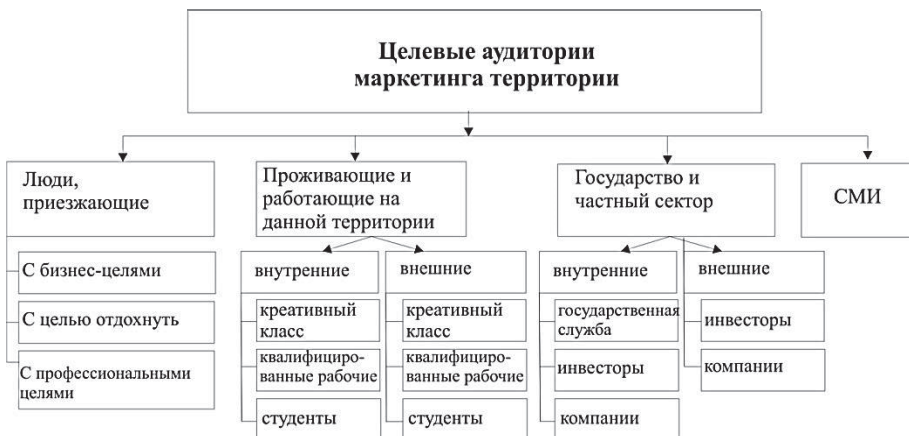

Рис. 1. Целевые аудитории маркетинга территории

Источник: составлено на основе: [24].

Б. М. Гринчель под потребителями территориального пространства понимает субъекты («покупатели»), которые могут выбирать место размещения в различных странах, регионах, городах или привязаны к ним политическими, экономическими, культурно-историческими связями. В частности, автор выделяет следующих потребителей, за которых могут конкурировать регионы и города: капитал и финансовые ресурсы; предприятия, как действующие, так и новые; люди (жители, ту-

ристы, квалифицированные мигранты); транзитные грузовые и пассажирские потоки; возможность проведения различного рода межрегиональных и международных мероприятий (праздники, соревнования, конференции и т. д.); размещение корпоративных, государственных и международных управленческих организаций и представительств [2; 3].

С нашей точки зрения, каждый из предложенных подходов не до конца отражает все возможные группы стейкхолдеров. Поэтому нами предлагается следующая модель целевых аудиторий для политики территориального брендинга (рис. 2). При этом каждая группа не является абсолютно однородной. Например, туристы (обычные и деловые) или бизнес (крупный или малый). Особое место средств массовой информации объясняется тем, что работа с целевыми аудиториями может происходить как напрямую, так и опосредованно через СМИ, которые можно рассматривать и как средство, и как цель коммуникационного процесса.

Рис. 2. Целевые аудитории территориального брендинга

Так же, как и в случае со стейкхолдерами организации, для каждой из целевых аудиторий территориального маркетинга следует разрабатывать собственную политику. Это объясняется тем, что данные группы характеризуются специфическими характеристиками, которые необходимо учитывать и при разработке тех или иных сообщений, и при их трансляции. Например, туристический рынок (рынок посетителей, по Котлеру) состоит из двух обширных резко различающихся групп: бизнесмены и отдыхающие, которые, в свою очередь, могут делиться на туристов, желающих посмотреть достопримечательности, и тех, кто навещает родных и друзей. Таким образом, каждая группа может состоять из множества подгрупп, интересы которых должны быть тщательно изучены. Иначе мы сталкиваемся с ситуацией, когда туристические проспекты рассылаются случайным людям, обезличенная реклама следует одна за другой, что приводит к пустой трате финансовых средств.

Специалисты по развитию территорий, должны показывать преимущества, апеллирующие ко все более четко определенным целевым группам. Ведь в современных экономических условиях, когда финансовые возможности регионов ограничены, именно грамотно построенная политика территориального брендинга может содействовать экономическому росту и улучшению качества жизни населения данной территории [8].

Очевидно, что разработка эффективной политики территориального брендинга невозможна без четкого представления об интересах каждой группы стейкхолдеров. При этом необходимо принимать во внимание, что каждый регион по-своему уникален. Территории отличаются между собой по набору стейкхолдеров, степени их влияния на развитие региона, имеющимися в их распоряжении рычагами воздействия на лица, принимающие решения, касающиеся региональной политики.

М. Каварицис и Г. Эшворт в своих работах убедительно доказали, что только в результате взаимодействия всех заинтересованных в продвижении территории (групп стейкхолдеров) можно сформировать сильный и устойчивый бренд территории. Необходимо коллективное понимание, что маркетинг территории — процесс долгий и направленный не только и не столько на привлечение туристов, требующий сотрудничества всех заинтересованных сторон [31; 32].

Рассмотрим основные группы стейкхолдеров для Санкт-Петербурга.

Бизнес

С точки зрения Б.М. Гринчеля и Е.А. Назаровой, для бизнеса наиболее важными характеристиками региона являются: географическое положение и транспортная инфраструктура, степень экономического развития, спрос на продукцию, товары и услуги, развитость инфраструктуры, человеческий потенциал, инновационный потенциал, качество жизни [4].

Можно сказать, что Санкт-Петербург обладает всеми перечисленными факторами. Этот город с населением около 5,2 млн человек — важнейший экономический, научный и культурный центр округа и страны в целом. Основные сферы промышленной специализации: энергетическое машиностроение, тракторостроение, судостроение, точное приборостроение, а также химическая и нефтехимическая, радиоэлектронная, легкая и пищевая промышленность.

Существенную роль в экономике Санкт-Петербурга играет транспортный комплекс, прежде всего, морской порт, обслуживающий перевозки экспортных грузов и импортируемых товаров. Растет значение города как одного из крупнейших общеевропейских культурных центров и места концентрации внутреннего и международного туризма.

Многоотраслевая специализация района предопределяет широкое развитие межрайонных и межгосударственных экономических связей.

СЗФО — крупнейший в европейской части страны поставщик своей продукции основных отраслей рыночной специализации, импортер оборудования для добывающих отраслей промышленности и лесохимического комплекса [17].

Инвесторы

По мнению В. Снисека и И. Зикене, город можно считать привлекательным с точки зрения инвесторов, если в нем присутствует такие факторы, как природные ресурсы, человеческий потенциал, а также дружественное инвестициям окружение, которое характеризуется эффективной институциональной деятельностью, оптимальной налоговой системой и развитой инфраструктурой [35].

Следует подчеркнуть, что не только и не столько финансовая выгода влияет на принятие решения об инвестировании в тот или иной регион. Потенциальный инвестор всегда принимает во внимание стабильность не только политических, социально-экономических, географических и культурных факторов, но организационно-правовых.

Сейчас Петербург занимает шестое место по объему инвестиций. Выше результат у Тюмени, Москвы, Красноярска, Московской области и Татарстана. Потенциальные инвесторы отмечают, что «по сравнению с Европой в стране самые низкие налоги, появляются интересные программы поддержки малого бизнеса» [13].

Работники

Качество жизни, экологическая обстановка — факторы, способствующие тому, чтобы высококвалифицированные специалисты оставались и продолжали работать на благо территории.

Петербург — большой город, почти столичный, предоставляющий много возможностей для трудоустройства не только местного населения, но и приезжих. По этой причине сюда едут соискатели из всех регионов, и всем нужна работа. Поэтому у работодателя есть выбор при найме сотрудников на средние и низкие позиции, и он активно им пользуется. На некоторые позиции местные соискатели просто не идут — зарплата, условия работы, отсутствие соцпакета им не подходят — и эти вакансии достаются приезжим. Собственная база кандидатов не всегда помогает закрыть все вакансии. Скорее, наоборот, — на многие вакансии найти сотрудников очень сложно, рынок труда неравномерен, где-то избыточен, а где-то — беден. Как показывает практика, приезжие могут работать в куда худших условиях, чем местные жители. Поэтому вливание новых кандидатов — без опыта, с опытом, со знанием работы в регионе, попросту со свежим взглядом на вещи — очень важно для города. Приезжие помогают рынку труда [10].

Несмотря на сложившееся мнение, что приезжим в Санкт-Петербурге можно устроиться только на самую неквалифицированную и низко-

оплачиваемую работу, действительная статистика показывает противоположные тенденции. Работодатели охотно принимают приезжих при условии, что в порядке документы, и они адекватно себя оценивают, поскольку такие люди работают добросовестно и на них можно положиться. Иногородний соискатель ставит перед собой четкую цель: найти вакансию, которая обеспечит стабильное финансовое положение. Коренным жителям обеспеченный быт часто позволяет слишком придирчиво относиться к трудоустройству и довольно часто уходить на другое место работы. Для иногородних соискателей главным приоритетом является достойная зарплата, только потом — престиж и удобство графика работы. Например, работа товароведом наиболее востребована среди приезжих.

Традиционно приезжие работники неприспособлены к рабочим условиям и готовы работать по плотному графику в отличие от местных кадров, которые не желают идти на некоторые вакансии, поскольку их не устраивает зарплата, условия труда и социального пакета. Часто молодежь не может себя реализовать в провинции или нуждается в подработке в связи с учебой в Санкт-Петербурге, и их активность позволяет им одновременно учиться и работать, поэтому столь востребованы среди иногородней молодежи вакансии официанта [12].

Жители

Все разнообразные потребности местных жителей сводятся к следующим основным факторам: условия жизни населения (качество и доступность образования, медицинского обслуживания и т. п.), занятость, доходы, природно-климатические условия, качество городской среды.

К сожалению, в первую очередь к брендированию территории как удобного места для жительства в основном прибегают те регионы, в которых существует проблема оттока населения. Однако и регионам, не испытывающим такой проблемы, не следует забывать о данном виде брендинга. Ведь важны не просто жители, а налогоплательщики, которые будут пополнять региональные и местные бюджеты.

Эмпирические исследования, проведенные Й. А. Араужу де Азеведу, Дж. М. Ферейра Кустодио и П. Ф. Антинес Перна, выявили сильную корреляцию между уровнем качества жизни на территории и такими поведенческими характеристиками жителей, как вера в собственные силы, воспринимаемое благополучие и активная гражданская позиция [23].

Э. Браун, М. Каварацис и С. Зенкер в своих исследованиях также подтвердили взаимосвязь между брендом территории и поведением жителей. Они показали, что жители территории выполняют три важные функции: 1) являются частью интегрированного плана по продвижению территории; 2) выступают послами, так как характеристики и поведение, демонстрируемые ими, — коммуникации, пользующиеся до-

верием; 3) как жители и избиратели они делают легитимными любые мероприятия по продвижению территории. И именно ввиду этих функций жители — важная целевая аудитория мероприятий брендинга территории. Хотя зачастую жителей воспринимают только как пассивных получателей, а не активных партнеров в проведении мероприятий брендинга территории. Между тем авторы исследования подчеркивают, что только конструктивное участие и консультации с жителями могут обеспечить эффективную реализацию и устойчивое развитие бренда территории [27].

Санкт-Петербург — достаточно привлекательное место жительства с разных точек зрения. Российские реалии таковы, что в поисках занятости, доходов и лучших условий жизни, люди из разных городов России стремятся в основном в такие мегаполисы, как Москва и Санкт-Петербург. По сравнению с Москвой в Санкт-Петербурге значительно дешевле жилье, заметна разница в ценах и сфере обслуживания. Санкт-Петербург — открытое окно в Европу: нет никакой проблемы съездить в Финляндию на автомобиле или отправиться в круиз на выходные. Будучи мегаполисом, Санкт-Петербург достаточно близок к природе, находясь на берегу Финского залива. Кроме того, транспортный вопрос в Петербурге стоит менее остро, нежели в Москве. Однако в Санкт-Петербурге достаточно сложно быстро найти работу по специальности, кроме того, средний заработок ниже, чем в Москве, но коммунальные платежи — одни из самых низких в России. Однако многих отпугивает неблагоприятный сырой климат.

Не вызывает сомнения тот факт, что качество жизни является одним из важнейших факторов инновационного развития экономики [7], ведь территория, обладающая привлекательностью как место жительства, притягивает высококвалифицированных специалистов.

Инновации

Регион может быть не только объектом для прямых или косвенных инвестиций, но и местом для реализации самых смелых инноваций.

В Санкт-Петербурге сложились все предпосылки для формирования его имиджа как одного из крупнейших инновационных центров не только России, но и мира. В городе есть все необходимые условия: развитая промышленная база, научные центры, сеть финансовых и инвестиционных институтов, экспертные площадки, бизнес-инкубаторы. В настоящее время в Санкт-Петербурге сформирована инфраструктура поддержки инновационных проектов на всех этапах развития инновационного продукта: от посевной стадии до продажи бизнеса. Организационную и технологическую инфраструктуру поддержки инновационной деятельности формируют бизнес-инкубаторы, центры коллективного пользования высокотехнологичным оборудованием, центр прототипирования [9].

Но Санкт-Петербург может стать больше, чем инновационным центром. Город обладает ресурсами для того, чтобы стать полюсом конку-

рентоспособности. Полюса конкурентоспособности — это объединения предприятий, исследовательских организаций и образовательных центров, которые расположены на одной территории, включены в совместную деятельность и предназначены для накопления синергии в инновационных проектах [29].

Санкт-Петербург — один из первых регионов России, начавший системную деятельность по развитию инновационной среды. Важным инструментом реализации этой политики выступает АО «Технопарк Санкт-Петербурга». При поддержке Комитета по промышленной политике и инновациям Санкт-Петербурга компания реализует современную модель технопарка, которая подразумевает создание целостной инновационной экосистемы. Она включает инструменты поддержки инноваций на всех стадиях: от стартапа до крупных кластерных проектов — и нацелена на создание участниками экосистемы полноценных цепочек производства и трансфера технологий. Так, на одном полюсе действует бизнес-инкубатор «Ингрия», один из крупнейших в стране, а на другом — Центр кластерного развития — ключевой инструмент реализации кластерной политики региона.

Бизнес-инкубатор «Ингрия» стартовал в 2008 году как «пилотный проект», а стал одним из самых известных и успешных бизнес-инкубаторов России. Помощь бизнес-инкубатора получили более 300 молодых компаний.

Центр кластерного развития Санкт-Петербурга — первый из российских центров кластерного развития, который объединяет более 20 кластеров. Он оказывает содействие объединению компаний в кластеры и реализации ими крупных кластерных проектов, направленных на реализацию задач развития Санкт-Петербурга.

В июле 2016 года на площадке АО «Технопарк Санкт-Петербурга» создан межотраслевой Региональный инжиниринговый центр в области микрореакторного синтеза активных фармацевтических субстанций [20].

Однако для реализации потенциала города необходимо дальнейшее развитие его инфраструктуры для осуществления научной и инновационной деятельности частных и государственных организаций, включая инновационно-внедренческие центры, инфраструктуру для деятельности малых предприятий, ИТ-парки, многофункциональные административные здания для размещения научных и инжиниринговых организаций, центров общего доступа к научному оборудованию, проведения деловых и научно-познавательных мероприятий. Должна быть обеспечена координация исследований и разработок, проводимых академическими институтами и исследовательскими центрами при вузах, расположенными на территории города, с приоритетными направлениями развития экономики Санкт-Петербурга.

В Стратегии развития города отмечено, что со стороны органов государственной власти Санкт-Петербурга должны реализовываться меры по созданию благоприятных условий (административных, налоговых, организационно-правовых и пр.) для обновления основных фон-

дов предприятий, коммерциализации результатов научной деятельности, стимулирования воспроизводства научно-технологического потенциала Санкт-Петербурга, поддержки инициатив крупных международных компаний по размещению в городе своих центров исследований и разработок. Должна формироваться эффективная система дополнительных стимулов к инновационному развитию путем формирования властями, учеными и бизнесом технологических дорожных карт, определения требований по переходу компаний к применению передовых технологий, отобранных на основе формирования долгосрочного научно-технического прогноза [18].

Государство

Государственная власть, особенно в нашей стране, оказывает существенное влияние на развитие региона. Оно осуществляется в нескольких направлениях: дотации, субсидии и субвенции, размещение государственных заказов и государственных предприятий и организаций на территории региона. ФАС отмечает, что «Государство стремительно наращивает присутствие в экономике. Вклад его и госкомпаний в ВВП вырос до 70% в 2015 году с 35% в 2005-м. При этом резко выросло число региональных и муниципальных унитарных предприятий» [11].

В настоящее время приобретает все большее значение и фактор роста долгов региона. В этой связи пресс-служба Счетной палаты отмечает: «Сохраняющаяся тенденция увеличения объема государственного долга регионов оказывает негативное влияние на устойчивое развитие экономики и социальную стабильность государства. Долговые обязательства регионов на 1 октября 2016 года составили около 2,3 трлн рублей. В общем объеме государственного долга регионов значительную долю составляют коммерческие кредиты: более 965 млрд рублей на 1 января 2016 года и 681 млрд рублей на 1 октября 2016 года. Основными кредиторами регионов в проверяемом периоде стали Сбербанк и ВТБ. На их долю пришлось от 86,4 до 100% задолженности проверенных регионов перед кредитными организациями» [19].

По сравнению с другими регионами РФ Санкт-Петербург находится в значительно более выгодном положении. Город входит в пятерку «самодостаточных» регионов, где «традиционно все хорошо: местные власти избавлены от неприятной обязанности "теребить федералов", уровень жизни населения сравнительно высок, а региональные бюджеты не испытывают сильного влияния кризиса» [21].

СМИ

Строго говоря, СМИ нельзя рассматривать как целевую аудиторию для мероприятий брендинга территории, скорее, это канал связи с другими стейкхолдерами. Роберт Говерс отмечает, что существует множество каналов, которые влияют на восприятие людей: собственный опыт

или опыт родственников и друзей, средства массовой информации, социальные медиа или поп-культура, поэтому для того, чтобы эффективного воздействовать на это восприятие, необходимо иметь комплексную скоординированную стратегию [28].

Но в то же время в средствах массовой информации работают живые люди, также подверженные влиянию окружающей среды. Журналистам нужно выбирать темы для своих статей, редакторам — предугадывать интересы читателей. И необходимо понимать, что мнение о регионе зависит в том числе и от привлечении прессы к освещению деятельности тех или иных организаций, от завоевании лояльности репортеров, а также от правильного распространении созданных новостей.

С точки зрения СМИ наиболее важными характеристиками являются информационная открытость, возможность диалога с представителями власти.

Туристы

Бренд города — это идея, которая сначала объединяет жителей, а потом становится основой для общения с внешним миром, позиционирования города как внутри страны, так и на международной арене. Бренд способен модифицировать город, он напрямую связан со стратегией его развития. Но надо отдавать себе отчет в том, что рынок, с которым имеет дело территориальный маркетинг, высоко конкурентный, на нем представлены более 200 национальных экономик, более 2 млн регионов, которые борются за внимание и кошелек туриста [25].

Любовь, а затем и приверженность туристов к той или иной дестинации не появляются вдруг. Исследование, проведенное К. Свонсон, показало, что для формирования сильного туристического бренда необходимо глубокое понимание того, зачем и почему туристы приезжают. Только при этом условии маркетологам, занимающимся продвижением территории, удастся создать и укрепить любовь к бренду территории, а значит, увеличить прямо или косвенно доходы, поступающие в бюджет региона [36].

Город-бренд всегда выступает центром притяжения для туристов, именно Санкт-Петербург в целом, а не его отдельные объекты мирового значения. Но точки притяжения для внешних и внутренних туристических потоков зачастую не совпадают. Сегодня значимую роль стали играть городские пространства и услуги городской экономики. Туристы и горожане, формирующие спрос на разноплановые объекты городского пространства, обеспечивают многогранность «городской ткани», сглаживают сезонность, стимулируют экономическую эффективность мегаполиса [15].

По данным, предоставленным УФМС РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, в 1-м полугодии 2016 года в Санкт-Петербурге на миграционный учет поставлено 824 874 иностранных граждан, из них с туристической целью на территорию Санкт-Петербурга въехали

418 983 человека, с деловой целью — 57 896. За аналогичный период в 2015 году на миграционный учет поставлено 702 972 человека, из них с целью туризма Санкт-Петербург в 1-м полугодии 2015 года посетили 293 363 человека, с деловой целью — 88 591. В целом количество въехавших в Санкт-Петербург в 1-м полугодии 2016 года с туристической целью увеличилось (на 43%), но количество бизнес-путешественников снизилось на 35%. Учитывая отсутствие четких критериев сбора статистических данных о туристических прибытиях, невозможно определить точное количество деловых туристов в Санкт-Петербурге [14].

В 2016 году лидирующими ресурсными рынками для Санкт-Петербурга стали Китай и Узбекистан (табл. 2).

Таблица 2

Лидеры по странам (1-е полугодие)

Страна	2014	2015	2016	Динамика (2015/2016), %
Китай	48500	88910	146825	67,2
Украина	67056	77094	56759	-26,8
Финляндия	40387	35706	37496	4,3
Германия	37655	29972	38004	28,9
Беларусь	22843	25984	28134	8,2
Франция	25314	20362	27162	32,81
Турция	14182	19041	3801	81,1
Италия	19111	17527	20184	19
Корея, Республика	12293	14101	23517	65,6
Казахстан	12239	13891	16512	18,3
Азербайджан	13479	13652	13751	1,25
США	14060	13647	18620	38,1

Источник: составлено на основе [14].

Одним из актуальных направлений туризма сейчас становится гастротуризм. П. О. Берг и Г. Севон доказали, что гастрономия приобретает все большее значение как способ донести до целевой аудитории ключевые характеристики привлекательности города. А использование продуктов питания и гастрономии в качестве прямых и косвенных инструментов продвижения бренда можно объяснить тем воздействием, которое они оказывают на восприятие через полисенсорные сигналы [26].

Следует отметить, что гастрономический брендинг — одна из возможных маркетинговых стратегий развития территорий. Являясь одним из крупнейших туристических центров Европы, Санкт-Петербург решил заняться формированием гастрономического бренда, усиливающего его сложившийся туристический бренд. С 1 по 30 ноября 2016 года в городе проходил первый Санкт-Петербургский ресторанный фестиваль, в котором приняли участие одни из самых значимых заведений города.

Все они представили сет-меню по фиксированной цене, которые можно рассматривать как визитную карточку каждого заведения. Это дает возможность попробовать специально разработанные к фестивалю блюда по доступной цене. Благодаря тому, что в фестивале принимают участие заведения разных форматов, каждый заинтересованный гость сможет сформировать свое представление о гастрономическом мире Петербурга в целом. Задача фестиваля — доказать гостям, не только иностранным, но и из российских регионов, что в Петербург можно и нужно приезжать не только летом, но и в межсезонье, получив при этом хорошую цену на проживание, музеи и питание [16].

Ярким примером комплексного продвижения региона может служить праздник «Алые паруса». Первоначально он был ориентирован на выпускников школ Санкт-Петербурга, но затем в качестве целевой аудитории стали рассматриваться туристы. «Алые паруса» были внесены в реестр мирового событийного туризма и рекомендованы к посещению в 20 странах мира. В 2016 году петербургский фестиваль возглавил список самых ярких событий по версии Best European Event Award и был признан лучшим городским событием Европы [1].

Студенты

Студенты вузов также являются очень важной группой региональных стейхолдеров. Многие европейские города получили дополнительный толчок к своему развитию именно благодаря появлению там в средние века университетов (Болонья, Падуа, Гейдельберг, Париж). И в настоящее время мы видим примеры того, как университет способен повлиять на изменение городского пространства в лучшую сторону. В данном контексте показателен шведский город Мальме, который в 90-е годы находился в состоянии глубокой экономической депрессии. И одним из шагов по санации территории стало открытие университета.

Е. А. Дыба в своем исследовании «Влияние университета на формирование городской среды» выявила следующую закономерность: «существует прямая зависимость между восприятием района как университетского и степенью его комфорта для горожан и студентов. Чем больше людей описывают район как университетский, тем больше позитивных характеристик они присваивают данной среде». Автор отмечает, что «университет — это не столько учебные корпуса, но в первую очередь студенты и преподаватели. Студенты являются наиболее мобильной и активной группой населения города» [5].

В рамках работы над данной темой нами был проведен опрос студентов трех крупнейших вузов Санкт-Петербурга. Опрашиваемым было предложено указать черты, которые делают ту или иную территорию привлекательной с точки зрения обучения. В результате были выявлены следующие характеристики: историческая и культурная ценность города; наличие различных льгот для студентов; условия жизни (для приезжих это, прежде всего, комфортные общежития); наличие широких возможностей для проведения досуга; качество образования;

удобный общественный транспорт; большое количество вузов, которое создает конкуренцию между ними и дает возможность выбора; удобные транспортные пути (для путешествий по России и за рубежом); наличие молодежных студенческих организаций. Кроме всего перечисленного, студентам очень важно, чтобы в городе имелись возможности для прохождения практики и дальнейшего трудоустройства.

При проведении этого опроса нами было выявлено, что, с точки зрения студентов, Санкт-Петербург обладает большинством из перечисленных характеристик. И к тому же студентов привлекает в нем высокий уровень общей городской культуры, культура речи, грамотность, интеллигентность, доброжелательность жителей. К существенным недостаткам города опрашиваемые отнесли климат, расстояния, которые каждый день приходится преодолевать, перенаселенность, дорогое жилье. Помимо этого, остро чувствуется имущественное расслоение.

Заключение

Бренд города — это идея, которая сначала объединяет жителей, а потом становится основой для общения с внешним миром, позиционирования города как внутри страны, так и на международной арене. Бренд способен модифицировать город, он напрямую связан со стратегией его развития. Очевидно, что разработка эффективной политики территориального брендинга невозможна без четкого представления об интересах каждой группы стейкхолдеров.

Однако в настоящий момент у Санкт-Петербурга единого бренда не существует. Восприятие бренда города у различных групп стейкхолдеров характеризуется набором разрозненных понятий и неких символов, ассоциирующихся в сознании разных людей с Петербургом. Также можно констатировать, что документально оформленной политики, направленной на целенаправленное развитие бренда территории в Санкт-Петербурге пока нет. Но это не означает, что не ведется никакой деятельности, имеющей целью продвижение бренда города, направленной как на внутренние, так и на внешние аудитории.

Еще в 2005 году была предпринята попытка ребрендинга Санкт-Петербурга силами VCG («Бостонская консалтинговая группа»). Городские власти выделили на проект немалые средства, а зарубежные специалисты подошли к делу вполне серьезно, выдав целый комплекс рекомендаций. Однако не учли того, что нельзя ограничиться одной разработкой «имиджа», должна вестись долгая и кропотливая работа совместно с заказчиком.

Правительство Санкт-Петербурга и Комитет по туризму в сотрудничестве с экспертами туристической отрасли предпринимают определенные шаги, которые можно рассматривать в качестве элементов политики регионального брендинга: проводятся круглые столы с участием специалистов по различным направлениям. Например, во время работы круглого стола, проведенного 27 апреля 2015 года. ИД «Ведомости», представители государственной власти Санкт-Петербурга, экс-

перты туристической отрасли, специалисты по брендингу разбирались в существующих проблемах айдентики города и сформулировали ряд задач, которые необходимо решить для создания единого целостного бренда Санкт-Петербурга. По итогам конференции участники пришли к выводу, что Санкт-Петербург — уже устойчивый мировой бренд. Для развития города необходимы новые законодательные и инвестиционные проекты в области туризма, развитие инфраструктуры и различных городских кластеров, как культурных, так и научных. Бренд города не может быть статичным «музейным экспонатом», это должна быть единая динамичная субстанция, объединяющая богатое культурное наследие предков и вновь созданные пространства и события, способные привлекать всемирное сообщество «здесь и сейчас». Город-бренд должен быть «живым» и дружелюбным, иначе в него не захотят приезжать и возвращаться.

Наш главный вывод заключается в необходимости выявления стейкхолдеров, важных для каждого конкретного региона, определения степени их влияния на развитие региона и имеющихся в их распоряжении рычагов воздействия на лица, принимающие решения, касающиеся региональной политики. При этом каждая группа может состоять из множества подгрупп, интересы которых должны быть тщательно изучены.

В работе предложена авторская модель целевых аудиторий для политики территориального брендинга, рассмотренная применительно к Санкт-Петербургу.

Санкт-Петербург с силу исторически сложившейся инфраструктуры обладает огромным потенциалом развития. Задача состоит в том, чтобы использовать существующий потенциал на благо города. Специалисты по развитию территорий должны показывать преимущества, апеллирующие к все более четко определенным целевым группам. Ведь в современных экономических условиях, когда финансовые возможности регионов ограничены, именно грамотно построенная политика территориального брендинга может содействовать экономическому росту и улучшению качества жизни населения данной территории.

В статье приведены результаты фундаментальных научных исследований, выполненных в соответствии с государственным заданием ФГБУН ИПРЭ РАН на 2017 г. по теме «Развитие теоретико-методологических основ управления устойчивым социально-экономическим развитием регионов» (№ГР 0170-2014-0004).

Список литературы

1. «Алые паруса» признали лучшим городским событием Европы. URL: <https://baltika.fm/news/99856> (дата обращения: 01.03.2017).
2. Гринчель Б. М. Конкурентные преимущества и конкурентный потенциал регионов Северо-Запада // Вестник ИНЖЭКОНА. Сер.: Экономика. 2012. №3(54). С. 90—98.
3. Гринчель Б. М. Оценка конкурентного потенциала регионов Северо-Запада России // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2007. №3(33). С. 55—67.
4. Гринчель Б. М., Назарова Е. А. Методы оценки конкурентной привлекательности регионов. СПб., 2014. С. 28.

5. Дыба Е. А. Влияние университета на формирование городской среды // XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. М., 2016. С. 8.
6. Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. Маркетинг мест. СПб., 2005. С. 54.
7. Котов А. И. Качество жизни как инструмент инновационного развития экономики // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2015. Вып. 1(211). С. 93—101.
8. Кулибанова В. В., Тэор Т. Р. Инновационные инструменты брендинга территорий: понятие, сущность, особенности применения // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2016. Вып. 6 (256). С. 122—129.
9. Инновационная инфраструктура. URL: <http://inno.gov.spb.ru/catalog/infrastructure> (дата обращения: 01.03.2017).
10. Легко ли приезжему устроиться на работу в Петербурге? URL: https://www.rabota.ru/soiskateljam/career/legko_li_priezzhemu_ustroitsja_na_rabotu_v_peterburge_.html (дата обращения: 01.03.2017).
11. Мереминская Е. Государева доля // Ведомости. 2016. 29 сент. С. 4.
12. Можно ли найти иногороднему жителю работу в Санкт-Петербурге? URL: <http://mgalenobl.ru/index.php?p=greki&st=mozhno-li-najti-inogorodnjemu-zhitelju-rabotu-v-sankt-pjetjeburgje> (дата обращения: 01.03.2017).
13. Новых инвесторов в Петербург привлекает курсовая разница. URL: <https://topspb.tv/news/2016/09/14/ekspert-novyih-investorov-v-peterburg-privlekaet-kurosova-ya-raznitsa/> (дата обращения: 01.03.2017).
14. Подведение итогов туристического сезона 2016 // Отчет Комитета по развитию туризма Санкт-Петербурга. СПб., 2017.
15. Санкт-Петербург — город-бренд. URL: <http://info.vedomosti.ru/events/2941/> (дата обращения: 01.03.2017).
16. Санкт-Петербургский ресторанный фестиваль — 2016. URL: <http://www.visit-petersburg.ru/ru/event/1313/> (дата обращения: 01.03.2017).
17. Северо-Западный федеральный округ: особенности и направления регионального развития. URL: http://nwapa.spb.ru/sajt_ibo/vistavki/sevzap.html (дата обращения: 01.03.2017).
18. Социально-экономическая стратегия развития Санкт-Петербурга до 2030 года. Развитие науки и инновационной деятельности. URL: <http://www.peterburg2030.ru/priorities/economic/growth/science/> (дата обращения: 01.03.2017).
19. Счетная палата: рост долгов регионов негативно влияет на экономику // Парламентская газета. 2016. 3 нояб. С. 2.
20. Технопарк. URL: <http://www.ingria-park.ru/technopark/> (дата обращения: 01.03.2017).
21. Хватит кормить кого? дотационные регионы и «доноры» России URL: <https://www.griffon.media/articles/28/11/2016/russian-donor-regions> (дата обращения: 01.03.2017).
22. Anholt S. Definitions of place branding — Working towards a resolution // Place Branding and Public Diplomacy. 2010. Vol. 6. P. 1—10.
23. Araújo de Azevedo J. A., Ferreira Custódio J. M., Antunes Perna P. F. «Are you happy here?»: the relationship between quality of life and place attachment // Journal of Place Management and Development. 2013. Vol. 6, № 2. P. 102—119.
24. Beckmann S. C., Zenker S. Place Branding: A Multiple Stakeholder Perspective // 41st European Marketing Academy Conference. Lisbon, 2012. P. 2.
25. Balakrishnan M. S. Dubai — A star in the east: A case study in strategic destination branding // Journal of Place Management and Development. 2008. Vol. 1. P. 62—91.
26. Berg P. O., Sevón G. Food-branding places — A sensory perspective // Place Branding and Public Diplomacy. 2015. Vol. 0. P. 1—16.

27. *Braun E., Kavartzis M., Zenker S.* My city — my brand: the different roles of residents in place branding // *Journal of Place Management and Development*. 2013. Vol. 6, № 1. P.18—28.
28. *Govers R.* From place marketing to place branding and back // *Place Branding and Public Diplomacy*. 2011. Vol. 7. P. 227—231.
29. *Duranton G., Martin Ph., Mayeris F.* Les pôles de compétitivité. Que peut-on en attendre? P., 2008. P. 25.
30. *Freeman R.E.* Strategic Management: A stakeholder approach. Boston, 1984. P. 46.
31. *Kavartzis M.* From «necessary evil» to necessity: stakeholders' involvement in place branding // *Journal of Place Management and Development*. 2012. Vol. 5, № 1. P. 7—19.
32. *Kavartzis M., Ashworth G.* Place marketing: how did we get here and where are we going? // *Journal of Place Management and Development*. 2008. Vol. 1, № 2. P. 150—165.
33. *Kavartzis M., Hatch M.J.* The Dynamics of Place Brands: An-identity Based Approach to Place Branding Theory // *Marketing Theory*. 2013. Vol. 13, № 1. P. 1—18.
34. *Silva Oliveira E.H.* Place branding in strategic spatial planning: A content analysis of development plans, strategic initiatives and policy documents for Portugal 2014—2020 // *Journal of Place Management and Development*. 2015. Vol. 8, № 1. P. 23—50.
35. *Snieska V., Zykiene I.* City attractiveness for investment: characteristics and underlying factors // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 213. P. 48—54.
36. *Swanson K.* Destination brand love: managerial implications and applications to tourism businesses // *Journal of Place Management and Development*. 2017. Vol. 10, № 1. P. 88—97.
37. *Zenker S., Braun E.* The Place Brand Centre — A Conceptual Approach for Place Branding and Place Brand Management // 39th European Marketing Academy Conference. Copenhagen, 2010. P. 3.

Об авторах

Валерия Вадимовна Кулибанова, доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН, Россия.

E-mail: valerykul@mail.ru

Татьяна Робертовна Тэор, кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН, Россия.

E-mail: teort@rambler.ru

Для цитирования:

Кулибанова В.В., Тэор Т.Р. Выявление важнейших групп стейкхолдеров для целей реализации политики территориального брендинга в Санкт-Петербурге // *Балтийский регион*. 2017. Т. 9, №3. С. 128—149. doi: 10.5922/2074-9848-2017-3-7.

IDENTIFYING KEY STAKEHOLDER GROUPS FOR IMPLEMENTING A PLACE BRANDING POLICY IN SAINT PETERSBURG

V. V. Kulibanova¹

T. R. Teor¹

¹ *Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Science
38 Serpuhovskaya Str., Saint Petersburg, 190013, Russia*

Submitted on March 06, 2017

Regional brands have become a valuable intangible asset and a crucial competitive resource for forging partnerships. An effective place branding policy is impossible without a precise understanding of the interests of stakeholder groups. It is essential to realize that each region is unique in its own way. Territories differ in the structure of stakeholders, their influence on regional development, and the range of leverages over regional decision-makers. This study aims to give a more precise definition of key groups of stakeholders in Saint Petersburg place branding, and to identify them. The authors employ the method of theoretical and empirical typology of a territory's stakeholders within a theoretical framework proposed by E. Freeman, P. Kotler, S. Zenker, and E. Brown. The article defines the concept of key regional stakeholders and identifies them. The proposed target audience (stakeholder group) model for a place branding policy is tested on the case of Saint Petersburg. The authors show that each target audience of place marketing requires an individual policy. This is explained by the fact that each group enjoys its unique features that should be taken into account when creating and transmitting messages.

Key words: stakeholders, St. Petersburg, city brand, place marketing, place branding

References

1. Scarlet Sails "recognized the best urban event in Europe, 2016, *Radio Baltika*, available at: <https://baltika.fm/news/99856> (accessed 01.03.2017). (in Russ.)
2. Grinchel, B.M. 2012, Competitive advantages and competitive potential of the regions of the North-West, *Vestnik INZhEKONA= Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. Seriya ekonomika* [Herald of INJEChON. Series of economics = Bulletin of the St. Petersburg State Economic University], no. 3 (54), p. 90—98. (in Russ.)
3. Grinchel, B.M. 2007, Assessment of the competitive potential of the regions of the North-West of Russia, *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivyyi razvitiya* [Economics of the North-West: Problems and Prospects for Development], no. 3 (33), p. 55—67. (in Russ.)
4. Grinchel, B.M., Nazarova, E.A. 2014, *Metodyi otsenki konkurentnoy privlekatelnosti regionov* [Methods for assessing the competitive attractiveness of regions], St. Petersburg, p. 28.

5. Dyiba, E. A. 2016, The influence of the University on the formation of the urban environment, *HVII Aprelskaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obschestva* [XVII April International Scientific Conference on the Problems of Development of the Economy and Society], Moscow, p. 8.

6. Kotler, Ph., Asplund, K., Rein, I., Hayder, D. 2005, *Marketing mest* [Marketing places], St. Petersburg, p. 54. (in Russ.)

7. Kotov, A. I. Quality of life as a tool for innovative economic development, *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskie nauki* [Scientific and technical statements SPbSPU. Economic sciences], no. 1(211), p. 93—101. (in Russ.)

8. Kulibanova, V. V., Teor, T. R. 2016, Innovative branding tools of territories: concept, essence, application features, *Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politehnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki* [Scientific and technical lists of the St. Petersburg State Polytechnic University. Economic sciences], no. 6 (256), p. 122—129. (in Russ.)

9. Innovative infrastructure, Committee on Industrial Policy and Innovation of St. Petersburg, available at: <http://inno.gov.spb.ru/catalog/infrastructure> (accessed 01.03.2017). (in Russ.)

10. Truskova, Ye. 2007, Is it easy for a newcomer to get a job in Petersburg? *SPb. Rabota.ru*, available at: https://www.rabota.ru/soiskateljam/career/legko_li_priezzhemu_ustroitsja_na_rabotu_v_peterburge_.html (accessed 01.03.2017). (in Russ.)

11. Mereminskaya, E. 2016, Gosudarev's share, *Vedomosti*, 29 Sept., p. 4. (in Russ.)

12. Is it possible to find a nonresident resident work in St. Petersburg, available at: <http://mgalenobl.ru/index.php?p=greki&st=mozhno-li-najti-inogorodnjemu-zhitjelju-rabotu-v-sankt-pjetjergje> (accessed 01.03.2017). (in Russ.)

13. New investors are attracted to St. Petersburg exchange rate difference, 2016, *TV Channel Saint-Petersburg*, Sept. 14, available at: <https://topspb.tv/news/2016/09/14/ekspert-novyih-investorov-v-peterburg-privlekaet-kursovaya-raznitsa/> (accessed 01.03.2017). (in Russ.)

14. *Podvedenie itogov turisticeskogo sezona 2016* [Summing up the results of the tourist season 2016], 2017, Report of the Committee for Tourism Development of St. Petersburg, St. Petersburg. (in Russ.)

15. Konferentsiya «Sankt-Peterburg — gorod-brend» [Conference "St. Petersburg — city-brand"], *Vedomosti*, available at: <http://info.vedomosti.ru/events/2941/> (accessed 01.03.2017). (in Russ.)

16. Saint Petersburg restaurant festival-2016, 2016, *Visit Petersburg*, St. Petersburg Official City Guide, available at: <http://www.visit-petersburg.ru/en/event/1313/> (accessed 01.03.2017). (in Russ.)

17. North-West Federal District: features and directions of regional development, available at: http://nwapa.spb.ru/sajt_ibo/vistavki/sevzap.html (accessed 01.03.2017).

18. *Sotsialno-ekonomicheskaya strategiya razvitiya Sankt-Peterburga do 2030 goda. Razvitie nauki i innovatsionnoy deyatel'nosti* [Socio-economic development strategy of St. Petersburg until 2030. Development of science and innovation], available at: <http://www.peterburg2030.ru/priorities/economic/growth/science/> (accessed 01.03.2017). (in Russ.)

19. Audit Chamber: the growth of debts of the regions has a negative impact on the economy, 2016, *Parlamentskaya gazeta* [The Parliamentary Newspaper], Nov. 3, p. 2. (in Russ.)

20. *St. Petersburg Technopark*, available at: http://www.ingria-park.ru/en/technopark_spb/ (accessed 01.03.2017).

21. Enough to feed someone? Subsidized regions and "donors" of Russia, 2016, *Griffon*, 28 November, available at: <https://www.griffon.media/articles/28/11/2016/russian-donor-regions> (accessed 01.03.2017). (in Russ.)
22. Anholt, S. 2010, Definitions of place branding — Working towards a resolution, *Place Branding and Public Diplomacy*, Vol. 6, p. 1—10. DOI: <https://doi.org/10.1057/pb.2010.3>.
23. Araújo de Azevedo, J.A., Ferreira Custódio, J.M., Antunes Perna, P.F. 2013, «Are you happy here?»: the relationship between quality of life and place attachment, *Journal of Place Management and Development*, Vol. 6, no. 2, p. 102—119. DOI: <https://doi.org/10.1108/jpmd-06-2012-0017>.
24. Beckmann, S.C., Zenker, S. 2012, Place Branding: A Multiple Stakeholder Perspective, *41st European Marketing Academy Conference*, Lisbon, Portugal, p. 2.
25. Balakrishnan, M.S. 2008, Dubai — A star in the east: A case study in strategic destination branding, *Journal of Place Management and Development*, Vol. 1, p. 62—91. DOI: <https://doi.org/10.1108/17538330810865345>.
26. Berg, P.O., Sevón, G. 2015, Food-branding places — A sensory perspective, *Place Branding and Public Diplomacy*, Vol. 10, no. 4, p. 289—304. DOI: <https://doi.org/10.1057/pb.2014.29>.
27. Braun, E., Kavaratzis, M., Zenker, S. 2013, My city — my brand: the different roles of residents in place branding, *Journal of Place Management and Development*, Vol. 6, no. 1, p. 18—28. DOI: <https://doi.org/10.1108/17538331311306087>.
28. Govers, R. 2011, From place marketing to place branding and back, *Place Branding and Public Diplomacy*, Vol. 7, p. 227—231. DOI: <https://doi.org/10.1057/pb.2011.28>.
29. Duranton, G., Martin, Ph., Mayeris, F. 2008, *Les pôles de compétitivité. Que peut-on en attendre?* Paris, P. 25.
30. Freeman, R.E. 1984, *Strategic Management: A stakeholder approach*, Boston, p. 46.
31. Kavaratzis, M. 2012, From «necessary evil» to necessity: stakeholders' involvement in place branding, *Journal of Place Management and Development*, Vol. 5, no. 1, p. 7—19. DOI: <https://doi.org/10.1108/17538331211209013>.
32. Kavaratzis, M., Ashworth, G. 2008, Place marketing: how did we get here and where are we going? *Journal of Place Management and Development*, Vol. 1, no. 2, p. 150—165. DOI: <https://doi.org/10.1108/17538330810889989>.
33. Kavaratzis, M., Hatch, M.J. 2013, The Dynamics of Place Brands: An identity Based Approach to Place Branding Theory, *Marketing Theory*, Vol. 13, no. 1, p. 1—18. DOI: <https://doi.org/10.1177/1470593112467268>.
34. Silva Oliveira, E.H. 2015, Place branding in strategic spatial planning: A content analysis of development plans, strategic initiatives and policy documents for Portugal 2014—2020, *Journal of Place Management and Development*, Vol. 8, no. 1, p. 23—50. DOI: <https://doi.org/10.1108/jpmd-12-2014-0031>.
35. Snieska, V., Zykiene, I. 2015, City attractiveness for investment: characteristics and underlying factors, 20th International Scientific Conference Economics and Management — 2015, *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, Vol. 213, p. 48—54. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.11.402>.
36. Swanson, K. 2017, Destination brand love: managerial implications and applications to tourism businesses, *Journal of Place Management and Development*, Vol. 10, no. 1, p. 88—97. DOI: <https://doi.org/10.1108/jpmd-11-2016-0073>.
37. Zenker, S., Braun, E. 2010, The Place Brand Centre — A Conceptual Approach for Place Branding and Place Brand Management, *39th European Marketing Academy Conference*, Copenhagen, p. 3.

The authors

Dr Valeriia V. Kulibanova, Leading Researcher, Institute for Regional Economic Studies RAS, Russia.

E-mail: valerykul@mail.ru

Tatiana R. Teor, Senior Researcher, Institute for Regional Economic Studies RAS, Russia.

E-mail: teort@rambler.ru

To cite this article:

Kulibanova V. V., Teor T. R. 2017, Identifying Key Stakeholder Groups for Implementing a Place Branding Policy in Saint Petersburg, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 3, p. 128—149. doi: 10.5922/2074-9848-2017-3-7.

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.

4. Все присланные в редакцию работы проходят *внутреннее* и *внешнее рецензирование*, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. Статья направляется в редакцию журнала выпускающему редактору Татьяне Юрьевне Кузнецовой по e-mail: tikuznetsova@kantiana.ru или tikuznetsova@gmail.com

7. С января 2013 г. статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале «Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта» http://journals.kantiana.ru/submit_an_article/ и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

8. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

2) название статьи на русском и английском языках (*до 12 слов*);

3) аннотацию на русском и английском языках (*приблизительно 1500 знаков*), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую:

- вступительное слово о теме исследования;
- цель научного исследования;

- описание научной и практической значимости работы;
- описание методологии исследования;
- основные результаты, выводы исследовательской работы;
- ценность проведенного исследования (какой вклад данная работа внесла в соответствующую область знаний);
- практическое значение итогов работы.

В аннотации не должен повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также ее название. В ней не должно быть цифр, таблиц, внутритекстовых сносок и т. д.;

4) ключевые слова на русском и английском языках (*4—8 слов*);

5) список литературы (*не более 25 источников*);

6) пристрайные библиографические списки оформляются на русском языке (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008) и *на латинице* (Harvard System of Referencing Guide);

7) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), почтовый адрес, e-mail);

8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте «Единая редакция научных журналов БФУ им. И. Канта» <http://journals.kantiana.ru/authors/imk/> (информационно-методический комплекс «Как написать научную статью»).

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

2017

Том 9

№ 3

Редактор *А. Д. Матвеевко*
Корректор *А. Д. Дмитриева*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 14.08.2017 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 13,3
Тираж 1000 экз. (1-й завод 57 экз.). Заказ 190

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6